

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№23

август 2013

Информационно-аналитический журнал

современный
Иран

№ 23
август 2013 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Иран снова угрожает вселенной. Как истерия подогревается специально обученными экспертами в течение 20 лет <i>Елена Гладкова</i>7	Звонок Уильяма Хейга в Тегеран может изменить мир.....32
Тегеран — 13.....8	«Рафаэль» — иранский «Титаник» у берегов Бушера в Персидском заливе.....38
Штаты сделают все, чтобы задавить Иран.....10	Новые иранские министры окончили западные университеты <i>Владимир Сажин</i>40
Место встречи изменить нельзя....11	Кто и как мешает созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия? <i>Станислав Иванов</i>42
Иранский «план по Карабаху» — пробный шар, которым может воспользоваться Армения.....13	Готовность Ирана к переговорам с США не устраивает Израиль <i>Анатолий Эль Мюрид</i>49
Владимир Сажин: история с визитом Путина в Иран достойна изучения в институтах международных отношений.....15	Сирийский «Сталинград» Тегерана <i>Игорь Панкратенко</i>51
США — Иран: возможен ли отказ от политики угроз и санкций <i>Николай Бобкин</i>17	Эр-Рияд — Москва. Попытка банального подкупа на высшем уровне или что-то другое?.....57
Путин не придет <i>Виталий Портников</i>20	Анализ нового предложения России Ирану по поводу поставки С-300 <i>Амин Парто</i>65
Персидский код.....21	Иранская версия «сдержек и противовесов»: Никто не забыт, ничто не исключается <i>Михаил Агаджанян</i>69
Иранский разворот: от экстремизма к умеренности <i>Игорь Пономарев</i>24	Что можно ожидать от нового лидера Ирана.....71
Тегеран как яблоко раздора между Обамой и Конгрессом <i>Евгения Кузнецова</i>26	
Западу вновь посоветовали нанести по Ирану превентивный удар.....29	

Раджаб Сафаров: Новый курс Хасана Роухани <i>Сергей Максимов</i>75	Иран-Ирак: 25 лет мира как повод для оптимизма <i>Иван Захаров</i>103
Новая власть в Иране прагматична, но на односторонние уступки не пойдет — эксперты.....79	США и Иран: who is who? <i>Рамазан Алпаут</i>106
96,5% голосов за министра — рекордный результат для Ирана <i>Далга Хатыноглу</i>81	Эксперты: новый представитель по ядерному досье — важный шаг Тегерана.....109
Политического кризиса в Иране не будет, считают эксперты.....82	Участие нового главы МИД Ирана в переговорах с «шестеркой» сделает более прозрачной ядерную программу Тегерана — российский эксперт.....111
Раджаб Сафаров: Хасан Рухани собрал в правительстве всех звезд либерального Ирана.....85	Тегеран-53 <i>Иван Яковина</i>113
Политика Тегерана по отношению к Сирии не изменится.....86	Иран за неделю 2013.08.21.....118
Российско-иранским отношениям будет дан новый импульс <i>Елена Студнева</i>88	Важная встреча России и Ирана под придирчивой лупой Запада <i>Михаил Агаджанян</i>122
Тегеран держит мир в тонусе.....93	О том как суннитско-шиитские разногласия используются против Ирана <i>Игорь Панкратенко</i>125
На ядерном фронте Ирана — перемены.....95	Тегеран-53: О том как ЦРУ совершило государственный переворот в Иране.....132
Этот юбилей в Иране не отмечают <i>Владимир Сажин</i>97	Оман — посредник между Тегераном и Вашингтоном?.....135
Назарбаев готов способствовать решению ядерной проблемы Ирана <i>Виктория Панфилова</i>99	Критическое положение экономики Ирана <i>Масуд Нили</i>137
ЦРУ впервые официально признало свою роль в иранском перевороте 1953 г.....102	СМИ: США помогли Саддаму Хуссейну устроить химатаку против Ирана.....141

«Газовый след» ведет в Вашингтон <i>Петр Иванченко</i>143	Иран корректирует внешнеполитический курс — Эксперт.....152
С какой миссией султан Кабус приезжал в Тегеран? <i>Станислав Иванов</i>145	Сирия. Запад перед выбором <i>Николай Малишевский</i>153
К ирано-пакистанскому газовому союзу присоединяется Китай. Чем это интересно для России.....148	Иран за неделю 2013.08.28.....155
Здравствуй, новый ракетный кризис? <i>Исраэль Шамир</i>150	Удары по Сирии разрушат договоренности с Ираном, уверен эксперт.....158
	Войны не будет: хаоса испугались все <i>Игорь Панкратенко</i>160

Краткое содержание

Последний летний месяц 2013 года был по-настоящему жарким и для Исламской Республики Иран, и для всего Ближнего Востока.

Большая часть событий, которые формировали «климат» в регионе и вокруг него в той или иной мере получили отражение на страницах очередного, 23-го номера журнала «Современный Иран».

Одно из главных событий внутривнутриполитической жизни Исламской республики, утверждение состава нового правительства вызвало оживленное обсуждение во всех СМИ. В опубликованном на страницах журнала интервью генерального директора Центра изучения современного Ирана *Раджаба Сафарова*, в частности говорится: «Я не ожидал, что будущий кабинет будет поголовно из кабинетов двух предыдущих президентов, которые, по крайней мере, считаются прозападными или, минимум, либеральными. Это и вызов, и предложение, и позиция. Из 18 человек только один, кандидат на должность министра энергетики, является представителем кабинета Ахмадинежада. Все остальные на всех ключевых постах очень известные не только иранской, но и международной общественности лица, которые имеют определенные позиции по тем или иным вопросам». Состав кабинета — это своеобразный индикатор, позволяющий лучше понять стратегию, которую новый президент Ирана Хасан Рухани будет реализовывать в отпущенный ему срок. По мнению Раджаба Сафарова, «Главное кредо этого человека сбалансированность и умеренность. Он не будет делать резких заявлений по поводу Холокоста, по поводу того, кто кому что должен из-за чего-то. Он не будет напрямую делать выпады против Израиля. Он не будет вести курс жесткого противостояния с США, с Западом, с Израилем и многими другими государствами. Но он будет максимально отстаивать интересы иранского народа. Он будет максимально развивать ядерную программу. Он ни на йоту не уступит позицию, которая отвечает интересам Исламской Республике. Но он не собирается совершать ошибки на ровном месте. Соблюдение этого баланса это великое искусство».

О перспективах внешнеполитического курса Ирана при новом президенте пишет в материале «*Иран корректирует внешнеполитический курс*» другой известный российский эксперт — *Владимир Евсеев*, директор Центра общественно-политических исследований: «Победивший на президентских выборах в июне Хасан Рухани пообещал придать новую тональность международной политике Исламской Республики. Одним из основных обещаний его предвыборной кампании была отмена международных санкций в отношении Ирана, которые он назвал нечестными. Однако прекращать процесс дообогащения урана Тегеран не собирается. Иранское руководство может согласиться на приостановку процесса дообогащения урана с 5 до 20% (по урану-235) и доступ инспекторов МАГАТЭ на военную базу в Парчин». Однако, отмечает эксперт в статье, за это, с целью повышения взаимного доверия, Запад тоже должен сделать серьезные шаги, добавил он. В качестве последних можно рассматривать снятие для ИРИ ограничений в банковской сфере и области страхования морских перевозок грузов, что не имеет прямого отношения к иранским ядерным и ракетным программам.

Вопросы ядерной безопасности, но уже не только Ирана, а всего региона, стали темой материала *Станислава Иванова*, ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН, «*Кто и как мешает созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия?*». «Безусловно, главным источником нестабильности на Ближнем Востоке являются Израиль и США. Тель-Авив и Вашингтон по прежнему единым тандемом пытаются и дальше вершить судьбы стран и народов, насаждать угодные и менять не-угодные им режимы и навязывать свои стандарты «демократии». Наличие ядерного оружия у Израиля давно уже не является секретом. Тель-Авив категорически отказывается подписать Договор о нераспространении ядерного оружия, при этом чуть ли не каждый день показывает свои ядерные мускулы, грубейшим образом попирая нормы международного права. Самое удивительное в этой истории — весь мир молчит, как будто находится под всеобщим гипнозом. Молчит ООН, бездействует Совет Безопасности, «не замечает» всего этого безобразия МАГАТЭ. И самое обидное, к сожалению, молчит и Россия», — отмечает автор. По его мнению, «главным «камнем преткновения» в создании ЗСЯО в регионе является саботаж этой инициативы Израилем, который, будучи членом МАГАТЭ всячески уклоняется от присоединения к ДНЯО и игнорирует саму идею ЗСЯО. В Тель-Авиве подписана, но не ратифицирована Конвенция о физической защите ядерного материала, Израиль не является участником международных соглашений о контроле за ядерным экспортом. Тель-Авив официально не подтверждает, но и не опровергает сведения о наличии ядерного оружия на своей территории».

Один из наиболее острых вопросов региона, суннитско-шиитское противостояние, стало темой материала о том, «*Как суннитско-шиитские разногласия используются против Ирана*». Автор отмечает, что «сегодня правящие элиты монархий Персидского залива готовы из кожи вон вылезти, чтобы доказать своим и другим народам, что Иран — это основной враг арабов, а шииты — агрессоры. Иранцы якобы делают атомную бомбу, чтобы уничтожить арабов, призывают всех суннитов объединиться и договориться с Западом перед шиитской угрозой. Они оболванивают свои народы, сеют семена вражды и раздора между суннитами и шиитами исключительно с одной целью: прикрыть свою прозападную, продажную суть, увести, отвлечь свои народы от истины. А истина заключается в том, что они не хотят, чтобы их народы узнали о том, что только у правящей верхушки имеются проблемы с Ираном. Это они, ради сохранения своей власти, богатства и режима, давно уже превратились в вассалов США и Запада. Всячески доказывают, что только дальнейшее сближение с США и Западом может стать надежной защитой от «иранской угрозы». Они так погрязли в коррупции и всяких интригах с Западом, что давно уже не способны принимать какие-либо самостоятельные решения без одобрения США и Запада». «Стратегическая цель разжигания суннитско-шиитского противостояния тоже вполне очевидна. На первом этапе — уничтожение стратегических партнеров Ирана в регионе, то есть Сирии и Хезбаллы. На втором — вытеснение Исламской республики из «шиитского полумесяца» и ее геополитическая изоляция. Но все эти тактические, стратегические, шкурные и геополитические интересы дают на выходе одно — большую войну на мусульманском Востоке, войну всех против всех, войну, которая может закончиться только тогда, «когда все умрут», говорится в статье.

Летом нынешнего года исполняется ровно пятьдесят лет организованному США и Великобритании в Иране перевороту, в результате которого было свергнуто правительство Моххамеда Моссадыка. О некоторых деталях операции «Аякс», которые стали известны из рассекреченных буквально месяц назад материалов ЦРУ рассказывает материал *«Тегеран-53: от том, как ЦРУ совершило государственный переворот в Иране»*. По мнению автора, «одной из причин успеха операция «Аякс» является то, что в ней впервые в полном объеме были применены технологии организации ненасильственных переворотов, позднее получивших название «цветных революций». Ответственный за проведение операции с американской стороны, Кермит Рузвельт, говорил о том, что на пике проведения «Аякса» накануне путча на территории ЦРУ находилось более 80 % столичных газет и журналов».

Что же касается уроков и последствий событий полувековой давности, то трудно не согласиться с основным выводом этого материала: «Еще одним последствием событий 60-летней давности стало то, что следом за нефтью в долгосрочную концессию США, до 1979 года, отправилась и остальная иранская экономика. Шах Мохаммед Реза Пехлеви и его приближенные отстроили «вертикаль власти», при которой он, «семья» и приближенные к трону могли безнаказанно грабить Иран еще целую четверть века. Протестующих забивали резиновыми дубинками в кабинетах службы безопасности САВАК. В этих же кабинетах с иранскими коллегами обменивались опытом «политического сыска» израильтяне. За фасадом «демократии» и «белой революции» скрывалась такая коррупция, что единственной жизнеспособной оппозицией оказалось исламское духовенство. А иранский народ, познав всю глубину «заботы» о себе шаха и Запада, испытав на себе все «прелести» модернизации по западному образцу — обратил свои взоры к аятолле Хомейни».

И как обычно — темы номера далеко не исчерпываются несколькими статьями, которые были упомянуты в данном обзоре. Поэтому — читайте 23-й номер, пишите, спорьте, ведь в центре внимания журнала — уникальная страна, современный Иран.

Елена Гладкова

Иран снова угрожает вселенной. Как истерия подогревается специально обученными экспертами в течение 20 лет

Иран с середины 2014 года начнет активно создавать ядерное оружие и, следовательно, представлять большую угрозу для США и Израиля — с такими заголовками вышли сегодня и выйдут завтра СМИ, некритично перепечатающие сообщения агентства.

Новость создана так называемым Институтом науки и международной безопасности (США) в очередном докладе.

Надо отметить, что время от времени предупреждать вселенную об угрозах, исходящих со стороны Ирана (России, Сирии, Китая), — основная задача, для которой подобные институты создаются.

По мнению экспертов, к следующему году Тегеран выполнит планы по установке тысяч центрифуг для обогащения урана на ядерных объектах «Натанц» и «Фордо» и будет иметь необходимое количество элемента для создания ядерного оружия.

Также докладчики полагают, что у Ирана может появиться еще один новый объект для обогащения урана. Правда, в этом исследователи «пока не уверены» и сами признаются, что опирались на заявления некоторых «иранских чиновников» и к тому же оперируют словом «возможно».

Надо сказать, что в Тегеране уже не первое десятилетие утверждают, что обогащение урана происходит исключительно в мирных целях, и настаивают на своем праве проводить работы по развитию ядерной программы.

Тем не менее средства из бюджетов, в том числе федерального американского, необходимо отрабатывать. Поэтому ИНМБ «настоятельно рекомендует» МАГАТЭ участить инспекции иранских объектов с центрифугами минимум до двух раз в неделю:

«Бездействие или излишняя осторожность МАГАТЭ могут не позволить международному сообществу отреагировать до того, как Иран произведет достаточно урана».

Кроме того, эксперты в штатском подчеркивают, что, если США и Израиль будут сомневаться в нанесении превентивного удара по Ирану из страха перед реакцией международного сообщества, «у Тегерана может быть достаточно времени для создания одной или более ядерных бомб».

Кстати, институт устраивает истерики относительно наличия ядерного оружия в Иране со дня своего основания (1993 год).

Тегеран — 13

4-го августа в Тегеране Серж Саргсян примет участие в церемонии инаугурации новоизбранного президента Ирана, священнослужителя-реформатора Хасана Роухани. Кроме С. Саргсяна в инаугурации примут участие еще девять президентов, которые представляют страны с не совсем демократичным имиджем в мире. Однако в вопросе участия в церемонии инаугурации президента Ирана С. Саргсян, конечно, не должен был руководствоваться уточнением списка приглашенных и ориентироваться в соответствии с этим.

Дело в том, что отношения между Арменией и Ираном чрезвычайно важны и с двухсторонней, и с региональной, и с международной точки зрения, чтобы относиться к этому по стечению обстоятельств. Серж Саргсян должен поехать в Тегеран, и это нужно приветствовать.

Это, конечно, первый, но очень маленький шаг в плане улучшения, приведения в порядок и развития не совсем хороших армяно-иранских отношений. А то, что нужда в этом есть, засвидетельствовали хотя бы последние несколько месяцев, когда на фоне подорожания российского газа начался непрямой армяно-иранский «диалог», когда высокопоставленные лица Армении и иранские дипломаты, мягко выражаясь, говорили разные вещи о перспективах поставок иранского газа в Армению. Кроме того, в последние годы заявленные армяно-иранские проекты находились в существенно заторможенной ситуации, что также является беспокоящим фактором.

Есть несколько факторов, обуславливающих эту ситуацию.

Первый: отношения Иран-Запад, что заставляет Армению быть осторожной при планировании и осуществлении экономических проектов с Ираном, дабы не перейти границу санкций.

Отношения Армения-Россия. Они всегда заставляли официальный Ереван при планировании отношений с Ираном смотреть на кивки России, которые были обусловлены тем, насколько усиливается самостоятельность Армении по результатам того или иного проекта.

Таки отсутствие дружественной атмосферы между С. Саргсяном и властью Ирана, в частности, Махмудом Ахмадинежадом, когда персоны, занимающие должности президентов двух стран отношения между собой строят, исходя исключительно из политических реалий внутри их стран.

Сегодня в плане всех трех факторов ситуация значительно изменилась. Махмуд Ахмадинежад уже ушел, а новоизбранный президент, отвечая на поздравительное послание С. Саргсяна, в позитивных тонах высказался насчет перспектив армяно-иранских отношений.

В отношениях Иран-Запад может наступить оттепель, т.к. победу в Иране кандидата-реформатора на Западе приветствовали и с обеих сторон видны признаки желания достичь нового качества коммуникаций, достижения компромиссных решений.

В этом случае Армения не только сможет быть более раскованной в отношениях с Ираном, но даже претендовать на становление определенной коммуникационной площадки или субъекта в отношениях Иран-Запад.

Отношения Армения-Россия остаются проблематичными, и Россия очевидным образом увеличила требования к Армении, наверное, в связи с фактом углубления ее отношений с Евросоюзом.

Это означает, что Россия будет стремиться еще больше контролировать армяно-иранские отношения, почему нет, возможно, пойдет и на провокацию определенной напряженности.

Однако эта опасность делает еще более необходимыми прямые контакты между властями Армении и Ирана, что непосредственно исходит из интересов региональной безопасности.

Штаты сделают все, чтобы задавить Иран

Эксперт ИСОА Сергей Демиденко рассказал «Правде.Ру», что кроется за решением Конгресса США расширить экономические санкции против Ирана.

«Соединенные Штаты никогда не отступятся от своей идеи так или иначе задавить иранский режим. Чтобы ни случилось, какой бы президент не пришел, какая бы политика не была объявлена, они в любом случае будут додавливать Иран. Это связано с тем, что, во-первых, Иран является геополитическим противником США в регионе, и главное, что он проводит совершенно самостоятельную и независимую от Вашингтона внешнеполитическую линию. Так есть и так будет.

Именно с этим американцы не могут смириться. Им наплевать и на «Хезбаллу» в общем-то, и на их противостояние с Саудовской Аравией. Как им было безразлично то, что Саудовская Аравия поддерживает различного рода суннитских экстремистов, также им было все равно, что там поддерживает Иран. Им также безразлична была бы ядерная программа Тегерана, если бы страна находилась на схожих с США геополитических позициях.

Но поскольку Иран проводит свою абсолютно самостоятельную линию и в региональном, и глобальном масштабе, и в экономическом плане тоже самостоятелен, это Америку категорически не устраивает. Вашингтон будет использовать любой повод, чтобы задавить Иран.

Другое дело, что Соединенные Штаты не будут принимать скоропалительных усилий, не станут организовывать военную операцию или какие-то силовые действия. Они будут медленно, постепенно расшатывать режим, пока он не рухнет сам собой. Это дело одного, двух, трех или 10 лет, но они от этой линии не отступятся. И вот введение новых санкций — это лишь одно из усилий на этом направлении», — считает Демиденко.

Место встречи изменить нельзя

Встреча президентов Ирана и России во время каспийского турне российского лидера не состоится. Не состоится, похоже, и сама поездка. Путин рассчитывал на встречу в порту Бендер-Энзели, а в Тегеране настаивали на посещении им столицы. Визит можно было бы расценивать как попытку наладить отношения с Ираном, которые ухудшились после разрыва контракта на поставку ЗРК С-300.

Новоизбранный президент Ирана Хасан Роухани не будет встречаться со своим российским коллегой Владимиром Путиным в августе в иранском порту на каспийском побережье Бендер-Энзели. Об этом заявил в среду посол Ирана в Москве Махмуд Реза Саджади.

По словам посла, «такая встреча не запланирована». «Российский и иранский лидеры встретятся в рамках проведения саммита Шанхайской организации сотрудничества в сентябре в Бишкеке», — отметил он.

Как сообщала ранее газета ВЗГЛЯД, лидер России собирался нанести визиты в порты своих партнеров по Каспийскому региону, но Тегеран предложил посетить также и столицу, чтобы побеседовать с высшим руководителем и духовным лидером — аятоллой Али Хаменеи. Если бы аятоллы смогли позвать к себе российского гостя, он стал бы в Тегеране первым прибывшим из Москвы лидером после 1943 года.

Как отмечали наблюдатели, в Исламской Республике «уклонение» от визита в столицу восприняли как оскорбление. В то же время в других странах визит Путина в Тегеран могли бы расценить как прямую моральную поддержку режима аятолл.

Судя по заявлению посла, стороны так и не смогли договориться, и поездка в Иран вообще не состоится. Между тем в минувшую пятницу пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков сообщил, что сроков визита главы государства в Иран нет. «Визит планируется, но четко согласованных сроков на данный момент нет», — цитирует Пескова ИТАР-ТАСС.

Посол также объявил, что на церемонии инаугурации Роухани Москву будет представлять спикер Госдумы Сергей Нарышкин. Церемония инаугурации намечена на 4 августа. На нее приглашены 13 глав государств, в том числе лидеры Афганистана, Армении, Гвинеи-Бисау, Ливана, Казахстана, Пакистана, Таджикистана, Того, Туркменистана, премьер-министры Свазиленда и Сирии.

Эксперты отмечали, что турне Путина преследовало вполне конкретные цели, а именно — подготовку к четвертому Каспийскому саммиту глав государств, намеченному на вторую половину текущего года. Хозяйкой саммита будет Россия.

По их мнению, планируемый визит можно было бы расценивать как попытку выстроить российско-иранские отношения, которые резко ухудшились после разрыва контракта на поставку ЗРК С-300.

Иран ждет конкретных предложений по поставкам ракетного комплекса «Антей-2500» взамен комплекса С-300, заявил посол Саджади. «Я думаю, что сначала Россия должна окончательно рассмотреть этот вопрос (возможные поставки комплексов «Антей-2500»), а потом, после окончательного рассмотрения, выдвинуть свое конкретное предложение. То есть мы ждем конкретного предложения РФ», — сказал посол.

Как утверждала пресса, в последний раз Путин отменял свой визит в октябре прошлого года, это была поездка в другую восточную страну — Пакистан. Вместо него в Исламабад отправился министр иностранных дел Сергей Лавров, чтобы успокоить пакистанских политиков, недовольных отменой визита. Впрочем, официально Кремль не подтверждал планы о таком визите.

А в мае прошлого года, сразу после своего переизбрания, Путин проигнорировал встречу в верхах «большой восьмерки» в американском Кэмп-Дэвиде. Вместо него за океан тогда поехал премьер Дмитрий Медведев.

«Очистить от политического мусора»

«Путин прекрасно понимает, что Иран является важным игроком в данном регионе, и он намерен расчистить поле для диалога от того политического мусора, который появился между странами, — пояснил газете ВЗГЛЯД гендиректор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров. — И то, что инициатива Путина посетить Иран исходила из Кремля, как раз призвано вызвать позитив у иранского руководства».

По словам Сафарова, «если Иран отказывается, то турне не будет». «Это уже будет неполноценный формат визита по Каспию — за исключением ключевой страны. Так что это уже не турне, а просто визиты в некоторые прикаспийские государства», — сказал он.

Впрочем, по мнению эксперта, это не отразится на повестке возможных переговоров между странами. «Встречу Путина и Роухани перенесли на 13 сентября в Бишкек. Там, на полях ШОС они все и обсудят», — полагает он.

Так, основным предметом переговоров станет урегулирование проблемы, связанной с поставками в Иран российской системы ЗРК С-300 и иранским иском к России на сумму более 4 млрд долларов. Вторым вопросом будет ядерная энергетика.

И Москва, и Тегеран хотят серьезного прорыва в этом вопросе, считает эксперт. «Бушерская АЭС является важным примером плодотворного сотрудничества между двумя странами, но этот проект имеет тяжелый имиджевый шлейф, поскольку реализовывался он на протяжении 14 лет. Россия изъявила желание доказать Ирану, что готова строить новые объекты не по 14 лет, а за три–четыре года. Сотрудничество в ядерной сфере не менее прибыльное, чем в военно-техническом плане. И третий вопрос — это вопрос региональной безопасности. Сторонам есть что обсудить. Это и Сирия, и Египет», — резюмировал Сафаров.

Иранский «план по Карабаху» — пробный шар, которым может воспользоваться Армения

Заявления иранской стороны о якобы существующем проекте урегулирования нагорно-карабахского конфликта — пробный шар. Об этом корреспонденту ИА REGNUM заявил руководитель Центра военного прогнозирования Анатолий Цыганок, комментируя очередное выступление посла Ирана в Азербайджане Мохсена Пакайина о якобы имеющемся у Тегерана рецепте урегулирования карабахского вопроса. По мнению Цыганка, со сменой власти в Иране новое руководство страны проводит некую перепроверку расставленных в региональной политике акцентов на предмет их возможной коррекции.

«Иран, а также Турция стремятся быть вовлеченными в процесс урегулирования нагорно-карабахского конфликта. У каждой из этих стран свои соображения и мотивы на этот счет. В Иране, в частности, это могут рассматривать как реальный механизм наращивания регионального веса. Но нужно четко понимать, что существует только одна международная структура, уполномоченная официально заниматься нагорно-карабахским вопросом в статусе посредника — Минская группа ОБСЕ. Именно этот орган делегирован вести переговоры и курировать процесс урегулирования конфликта», — отметил собеседник.

По мнению эксперта, в сложившейся ситуации в Тегеране, видимо, решили «прозондировать почву» на предмет реакции в Азербайджане, России, а также в Нагорном Карабахе. «Проверка. Декоративное заявление», — заметил Анатолий Цыганок, выразив мысль, что Армения может воспользоваться тегеранскими «поползновениями на минское поле» и выступить с ответной инициативой, сделать комплимент.

«Иран на сегодняшний день — дружественное Армении государство. Отношения с Азербайджаном напряжены, между Тегераном и Баку регулярно возникают трения по самым разным поводам, и конца-краю им не видно. Азербайджан также постепенно наращивает военное сотрудничество с Израилем — процесс, который по определению не может нравиться большому соседу. Вдобавок Азербайджан предоставит свою территорию для вывода натовских войск из Афганистана, что чревато их «задержками» на территории этой страны. Одним словом, Иран достаточно конструктивно дружит

с Арменией, а происходящее с Азербайджаном ему очень не нравится», — подчеркнул он, добавив, что у Еревана на выбор есть несколько вариантов, чтобы воспользоваться этим пробным шаром. «К примеру, Ереван может организовать какую-либо армяно-иранскую двустороннюю конференцию по теме безопасности в регионе, на которой, естественно, будет затрагиваться нагорно-карабахский конфликт, можно инициировать армяно-иранские «политические консультации» по теме Нагорного Карабаха и так далее. Это тоже будет пробным шаром, но более увесистым», — резюмировал Анатолий Цыганок.

Как ранее сообщало ИА REGNUM, посол Ирана в Азербайджане Мохсен Пакайин на пресс-конференции 31 июля заявил, что у Ирана есть план по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. Дипломат подчеркнул, что проблема вокруг Нагорного Карабаха должна быть решена в кратчайшие сроки. «Конфликт продолжается долгое время. Мы уже заявили, что готовы к разрешению конфликта, и в связи с этим у нас есть проект. Но, конечно же, проект будет обнародован в нужное время», — сказал Пакайин.

Владимир Сажин: история с визитом Путина в Иран достойна изучения в институтах международных отношений

Накануне посол Ирана в России Махмуд Реза Саджади выступил заявлением о том, что президенты Владимир Путин и Хасан Рухани впервые встретятся в сентябре на саммите ШОС. Тем самым иранский дипломат поставил точку в истории с ожидавшимся в августе визите главы России в Иран. В этой связи ИАА «Вестник Кавказа» обратилось за комментариями к старшему научному сотруднику Института востоковедения РАН, политологу Владимиру Сажину.

Владимир Сажин отметил, что не стоит преувеличивать завесу тайны, окружавшую предполагаемый визит Владимира Путина. «Я не думаю, что вообще вся история с визитом президента России Владимира Путина в Иран, предполагаемого визита, покрыта мраком, совершенно. Первоначально, как известно, российский лидер должен был совершить чисто каспийское путешествие с посещением основных портов на Каспийском море, я имею в виду Баку, Энзели и один порт в Туркмении. В Баку должен был приехать президент Казахстана Назарбаев. То есть в каждой из своих остановок Путин должен был встречаться с президентами. В Баку с двумя сразу с президентом Азербайджана и президентом Казахстана. Как предполагалось, в Энзели с новым президентом Ирана Рухани. И в Туркмении с президентом Туркмении», — сообщил он.

Однако выяснилось, что в Тегеране рассчитывали на совсем другой сценарий визита. «Такой формат визита, видно, не совсем устраивал иранские власти. И они предложили Путину кроме каспийского порта Энзели посетить Тегеран и встретиться с главой ИРИ аятоллой Хаменеи. Как мы знаем, президент в Иране занимает второе место в иерархии руководства, он является главой исполнительной власти, а главой государства является аятолла Хаменеи», — поведал эксперт.

Однако это в свою очередь уже не устроило российскую сторону. «Это, конечно, нарушало всю подготовленную протокольную часть визита Путина. Одно дело посещать страны именно каспийские с попыткой решения, как я понимаю, прежде всего, каспийской проблемы. Это один формат визита. Но когда уже посещают столицу и встречаются с президентом не на Каспии — это уже другой формат визита. Поэтому совершенно естественно Кремль отказался от поездки в Тегеран. И теперь, я думаю, что его остановка в иранском порту Энзели находится под большим вопросом. А поскольку вчера по-моему посол Ирана в Москве сказал, что встреча двух президентов в ближайшее время не состоится, то есть в августе не состоится, а предположительно состоится только в сентябре на заседании саммита ШОС в Бишкеке, в Киргизии, то надо полагать, что президент Путин в Энзели, в Иран не поплывет и ограничится посещением Баку и, возможно, Туркмении», — сказал Владимир Сажин.

Он отметил, что произошедшее представляет значительный интерес с точки зрения дипломатии. «Вообще эта история достойна того, чтобы ее изучать на факультетах в институтах международных отношений. Потому что, действительно, с точки зрения дипломатии это очень интересная и запутанная история. Хотя я повторяю, в данном случае иранская сторона выходила за рамки задач предполагаемого визита Путина в Иран и формы этого визита. А это очень важно по дипломатическим законам. Поэтому визит не состоится», — считает эксперт.

По мнению политолога, пока сложно сказать, какое влияние эта история окажет на дальнейшее развитие российско-иранских отношений. «Трудно сказать, потому что эти отношения не так уж хороши. И там проблем очень много, которые стоят перед руководителями и России, и Ирана в деле налаживания отношений. Несмотря на общность позиций по Сирии, например, к этой проблеме Россия и Иран подходят с разных сторон, но к одному и тому же. Никакого союза нет. Просто интересы России, именно национальные интересы в каких-то аспектах совпадают с национальными интересами Ирана в отношении Сирии, в отношении режима Башара Асада. Поэтому здесь какое-то есть понимание. Но по таким вопросам, как вопросы Каспия, все еще есть серьезные расхождения. Хотя и в этом вопросе есть точки соприкосновения. Поэтому если говорить в целом о российско-иранских отношениях и в политическом, и тем более в экономическом плане, то, конечно, они находятся на довольно низком уровне. И предстоит еще большая работа уже с новым президентом Ирана Мухаммедом Роухани, который приступит к своим обязанностям 4 августа. Предстоит большая работа России и Ирану в этом плане. Конечно, две крупнейшие страны региона не должны иметь отношения такого низкого уровня. Есть большой потенциал в развитии этих отношений, как они будут этот потенциал превращать именно в реальность будет зависеть, прежде всего, я думаю, от Тегерана», — сказал он.

Говоря о проблеме с поставками Ирану систем С-300, эксперт отметил, что получение их Тегераном маловероятно. «По оружию никаких новых договоренностей быть просто не может, поскольку действует резолюция Совета Безопасности ООН 1929 от июня 2010 года, где четко прописано, что Ирану нельзя поставлять тяжелое вооружение. А здесь такой очень интересный вопрос по системе С-300, которая была заключена волею тогдашнего президента России Медведева, и он в своем указе, подтверждая содержание резолюции 1929, дополнительно внес программу конкретно о С-300. Но насколько я понимаю, никто этот указ не будет отменять, я имею в виду Путин, конечно, не будет его отменять», — считает политолог.

Что касается предложения о замене С-300 на какие-нибудь другие комплексы, то тут опять-таки, по его мнению, сложно сказать что-либо определенное. «Значит надо, возможно, заменить С-300 на что-то адекватное. Предлагали систему тоже ПВО, но малого радиуса действия ТОР-1. Но иранцы отказались. И теперь вопрос стоит о системе «АНТЕЙ». В принципе, это один из вариантов С-300, но все-таки отличается. Но, правда, опять-таки ссылаясь на посла Ирана в Москве, он сказал, что никаких переговоров по этому вопросу нет. Хотя какие-то контакты по этому направлению были. Возможно ли это? Я думаю, что все во многом будет зависеть от иранцев, согласятся они принять этот комплекс «АНТЕЙ» взамен С-300 это не известно», — резюмирует Владимир Сажин.

Николай Бобкин

США — Иран: возможен ли отказ от политики угроз и санкций

В Тегеране 4 августа с. г. состоится инаугурация вновь избранного президента ИРИ Хасана Роухани. Для участия в церемонии, по заявлению представителя МИД Ирана Аббаса Аракчи, впервые после Исламской революции 1979 года приглашены «все страны, исключая США и Израиль». Ранее глава пресс-службы президиума парламента Голам Реза Месри объявлял, что все страны лишь

кроме Израиля смогут участвовать в церемонии, включая и Соединенные Штаты. Более того, Месри указал на то, что список утвержденных стран, а также выразивших готовность участвовать на церемонии, предоставит парламенту Штаб новоизбранного президента, а затем парламент официально пригласит их. Получилось иначе, на сегодняшний день список приглашенных представителей иностранных государств не оглашен, в иранском внешнеполитическом ведомстве назвать страны, выразившие готовность участвовать в церемонии, пока не в состоянии, но, тем не менее, участие США исключено. Кстати, из Вашингтона поздравления Роухани с победой на президентских выборах в Тегеране так и не дождались.

Дело не в забывчивости администрации Обамы, американцы уже после избрания Роухани продемонстрировали, что не намерены смягчать свою политику в отношении этого государства. Хотя с избранием нового президента Ирана у Белого Дома могли появиться надежды, что внешняя политика ИРИ может претерпеть изменения в плане нормализации отношений с США и Западом, а также уступок в области иранской ядерной программы. К примеру, известный аналитический центр в США — Институт Брукингса, в опубликованном на днях материале, рассматривая новую политику Запада в иранском ядерном вопросе после избрания нового президента ИРИ, пишет: «В условиях, когда власти США, КНР, России и европейских государств готовятся к последующим шагам на переговорах с Ираном, возникают новые возможности в связи с преобладанием умеренных тенденций во внешней политике Тегерана». Отдельные американские политики также поспешили оценить поражение на выборах консерваторов из ближайшего окружения главы Ирана аятоллы Хаменеи как повод для изменения позиции Вашингтона в отношении Тегерана. Так, 118 депутатов Конгресса США, в числе которых и республиканцы, и демократы, с учетом итогов президентских выборов в Иране направили президенту Обаме письмо с призывом приложить усилия для начала прямых переговоров с иранскими властями. Кроме того, 29 американских отставных высокопоставленных дипломатов и чиновников обратились с письмом к президенту США с призы-

вом начать новые многосторонние и двусторонние переговоры с Ираном после вступления в должность президента Роухани.

Примечательно, что осторожный оптимизм в оценке смены президентской команды в Иране отмечается и в Европе. Глава МИД Великобритании Уильям Хейг, выступая в комитете по внешним связям Палаты общин, заявил о готовности к улучшению взаимоотношений с Тегераном на поэтапной основе. Лондон и Тегеран задумались над восстановлением полноценной деятельности своих посольств. Иран сделал дружественный протокольный шаг и поздравил королеву Великобритании Елизавету II и ее внука принца Уильяма с рождением наследника престола.

Желание внести коррективы в отношения с Ираном присуще не только британцам. Европейские экономисты открыто и убедительно доказывают, что их страны в результате инициированных Вашингтоном санкций против Ирана упускают множество возможностей.

Разумеется, на Западе высказываются и диаметрально противоположные оценки возможных перспектив деятельности Роухани. С избранием нового президента, по мнению многих американских экспертов, ситуация вокруг Ирана кардинально не изменится. Так, Джон Болтон, бывший посол США в ООН, а ныне один из руководителей Американского института предпринимательства уверен, что избрание Роухани — не что иное, как ловушка, которая дает Америке ложное чувство безопасности и ведет к затягиванию сроков переговоров, но ни на минуту не остановит ядерные разработки. Разница между новым президентом и Ахмадинежадом, на его взгляд, лишь в риторике, и в том, что последний заявлял о целях ИРИ во всеулышание, в то время как Роухани будет действовать без лишних деклараций. В этой связи напоминает, что в 2003–2005 годах Роухани уже возглавлял делегацию Ирана на переговорах по его ядерной проблеме. По некоторой информации, он хвастался своим иранским коллегам о том, с какой легкостью он сумел перехитрить европейских дипломатов. В 2004 году он, предположительно выступил с речью перед иранскими законодателями и профессорами. Он рассказал им о том, что Тегерану удалось выиграть время для ядерных разработок.

Сейчас же в своих первых публичных заявлениях Роухани следует несколько измененной позиции: «Мы предпримем два шага для прекращения санкций. Во-первых, мы собираемся удвоить прозрачность нашей ядерной программы. Во-вторых, мы намерены укрепить доверие между Ираном и международным сообществом». Нужно признать, что подобные заявления Роухани услышаны и восприняты серьезно. Верховный представитель внешней политики Евросоюза Кэтрин Эштон призывает к скорейшему возобновлению переговорного процесса с ИРИ. На состоявшихся в Брюсселе закрытых консультациях политдиректоров «шестерки», в которую входят США, Россия, Китай, Великобритания, Франция и Германия, участники встречи выразили общую заинтересованность в начале нового этапа обсуждения иранского ядерного досье. Переговорный процесс, взявший с апреля паузу на период президентских выборов в Иране, возобновится после формирования нового правительства ИРИ и назначения состава иранской делегации, которой, как ожидается, на определенные уступки, видимо, действительно придется идти.

Тем не менее, по мнению ряда политологов, нельзя исключать того, что американская солидарность в «шестерке» направлена на извлечение политической выгоды из ситуации с новым президентом в Иране. Главной целью для аме-

риканцев остается усиление давления на Тегеран, есть искушение и проверить Роухани «на излом». Напомним, что власти США уже после избрания нового президента ввели новые санкции, на этот раз против автомобилестроительной промышленности Ирана. На днях Россия не приняла последние претензии к Ирану, сформулированные в докладе экспертов Совета Безопасности, и вместе с Китаем заблокировала принятие новых санкций по линии ООН. Если Россия убеждена, что действия мирового сообщества по решению вопросов, связанных с ядерной программой Ирана, подрываются односторонними санкциями, то из Вашингтона президенту Роухани вместо заблокированных Россией и Китаем санкций ООН уже обещаны новые односторонние американские карательные меры. Непреклонность США позволяет делать вывод о преобладании у американцев мнения, что победа Роухани на выборах отражает недовольство иранцев режимом, но не в состоянии кардинально повлиять на политический курс ИРИ. Предложения о перезагрузке отношений с Тегераном не нашли поддержки у администрации Обамы. Ожидать резкой оттепели в отношениях Ирана и США после ухода Махмуда Ахмадинежад не стоит. Главный аргумент для американцев — последнее слово в вопросах внешней политики в Исламской Республике принадлежит не президенту, а верховному лидеру аятолле Хаменеи.

С такой оценкой можно согласиться. Принципиально реформировать и изменить стратегию ИРИ на международной арене президент Роухани самостоятельно не сможет. Во-первых, он избран всего лишь главой исполнительной власти. Главой государства в Иране является верховный лидер, контролирующий действующие независимо от правительства вооруженные силы, различные высшие религиозно-политические органы надзора, судебную власть, парламент. Во-вторых, сам Роухани тесно связан с религиозными кругами, входил в политическое окружение основателя Исламской республики аятоллы Хомейни, стал выдвигенцем исламской революции. Более того, он десятилетия работал рядом с нынешним верховным лидером Хаменеи, был его доверенным лицом. Данное обстоятельство, но не без оговорок, исключает открытое политическое противостояние и саму возможность возникновения каких-либо системных противоречий между ними.

Поэтому не случайно, что и на этот раз точку в заочном обсуждении возможностей прямых переговоров с США опять поставил аятолла Хаменеи. По его оценке, Вашингтон «не заслуживает доверия Исламской республики», поэтому речь о том, чтобы наладить дипломатические отношения между двумя государствами, пока идти не может. Диалог по отдельным проблемам, представляющим взаимный интерес, все же не исключается лидером Ирана, который признал, что «в последние годы я не запрещал диалог по специфичным проблемам, как, например, по Ираку». Видимо, иранское ядерное досье — не та тема, которую на данном этапе можно отнести к числу «специфических» для двустороннего обсуждения. Формат «шестерки», где обеспечено участие России и Китая предпочтительнее для Тегерана. Руководство Ирана, понимая, что американцы не могут позволить себе военную агрессию, следуют и будут идти и дальше курсом продолжения ядерных исследований. Американские санкции, поддержанные Евросоюзом, без сомнения, создают серьезные проблемы для иранской экономики. Вместе с этим, нужно признать, что они не являются единственной причиной экономического спада, сказались и не совсем удачные эксперименты прежнего правительства, ошибки которого и предстоит исправлять новой команде Роухани. А вот штурвал управления стратегическим курсом страны, по-прежнему, остается в руках верховного лидера ИРИ.

Виталий Портников

Путин не приедет

Президент России Владимир Путин не встретится со своим новым иранским коллегой Хасаном Роухани во время поездки по странам Каспийского бассейна. Вместо встречи, которую российская сторона предлагала провести в порту Бендер-Энзели, президенты повидаются позже, но уже в Бишкеке, во время саммита ШОС.

И это, конечно же, будет встреча в совершенно другом формате, в кулуарах многосторонних переговоров — и не более того. От встречи в Бендер-Энзели отказалась сама иранская сторона, которой важно было увидеть Путина в Тегеране, а не в приморском порту.

Поездка в Тегеран вполне естественна для иранского руководства. Путин воспринимается как партнер для переговоров с аятоллой Хаменеи, являющимся конституционным главой государства — а вовсе не как собеседник президента, имеющего весьма ограниченные полномочия. И в этом смысле нежелание российского президента посещать иранскую столицу воспринимается не только как дипломатический жест, но и как стремление усилить позиции нового президента Ирана, отнюдь не являющегося любимчиком аятолл. Путин, впрочем, мог об этом вообще не думать. Для российского президента важно было объехать порты прикаспийских государств в рамках подготовки к Каспийскому саммиту. Заодно можно было бы продемонстрировать, что отношения между Россией и Ираном не находятся на точке замерзания — а после отказа Москвы поставлять Тегерану комплекс С-300 можно говорить именно о заморозках. В Кремле могли рассчитывать, что сама готовность российского президента приехать в Иран станет настоящим жестом доброй воли — в особенности если принять во внимание международную изоляцию Ирана и стремление нового президента ее прорвать. Но не учли, что помимо Роухани в Тегеране есть и другие игроки. И то, что Путина не будет в иранской столице для них неприемлемо — пусть лучше вообще не приезжает.

К тому же сегодня, после отказа России от военного сотрудничества с Ираном в рамках, интересующих Тегеран, у двух стран просто нет общей повестки дня для содержательных переговоров. Она действительно может появиться, если Роухани в самом деле сможет прервать международную изоляцию страны и ему понадобятся союзники не для противостояния Западу, а для договоренностей с Западом. В этом случае с Путиным действительно будет что обсудить — и место такой дискуссии особого значения иметь не будет. Впрочем, как это уже не раз бывало в российско-иранских отношениях, когда Тегеран договаривается с Западом, он мгновенно забывает о Москве.

Персидский код

В эти выходные у Ирана официально появится новый президент. 3 августа верховный лидер Исламской Республики аятолла Али Хаменеи официально утвердит в должности избранного президента Хасана Роухани, а 4 августа в иранском парламенте состоится инаугурация, в ходе которой он будет приведен к присяге. Роухани называют реформатором и даже, более того, — прозападным политиком, в корне отличающимся от его предшественника Махмуда Ахмадинежада. Эксперты же говорят, что вряд ли стоит ожидать смены вектора нынешних российско-иранских взаимоотношений, даже несмотря на ряд недобрых моментов последнего времени.

Напомним, что 14 июня в Иране состоялись одиннадцатые президентские выборы. В ходе выборной гонки за президентское кресло боролись шесть кандидатов, большинство из которых представляли консервативный блок иранских политиков. Это экс-министр иностранных дел и советник верховного лидера страны по внешнеполитическим вопросам Алиакбар Велаяти, мэр Тегерана и экс-глава полиции Ирана Мохаммадбакер Калибаф, бывший командующий КСИР Мохсен Резайи и секретарь Высшего совета национальной безопасности Саид Джалили. Кроме этого, в президентской гонке принял участие один независимый кандидат — экс-министр нефти Сейед Мохаммад Карази, который также занимал пост министра почты и телеграфа.

На выборах победил представитель реформаторского крыла экс-секретарь Высшего Совета национальной безопасности Исламской Республики Хасан Роухани. Он получил более половины голосов избирателей. Явка на выборах составила 72,7%.

Теперь же Иран должен соблюсти предусмотренную процедуру. Она и пройдет в эти выходные. В субботу верховный лидер Исламской Республики аятолла Али Хаменеи официально утвердит в должности избранного президента, на следующий день он будет приведен к присяге в стенах иранского парламента.

В инаугурации избранного президента примут высокопоставленные должностные лица ряда государств. Свое участие подтвердили главы Судана, Афганистана, Казахстана, Пакистана, Ливана, Армении, Северной Кореи, Таджикистана, Туркменистана, Гвинеи-Бисау, Того, а также премьер-министры Сирии и Свазиленда. В Иран также приедут вице-президенты Никарагуа, Танзании, Кубы и Ганы. Среди гостей церемонии также председатели парламентов Венесуэлы, Алжира, Азербайджана, ОАЭ, Узбекистана и Демократической Республики Конго. Утверждено присутствие на инаугурации министров иностранных дел ЮАР, Индии, Бразилии, Турции, Мавритании, Шри-Ланки, Гвинеи-Бисау, Бурунди и Палестины.

Российскую делегацию на инаугурации возглавит председатель Госдумы Сергей Нарышкин.

В течение двух недель после официального вступления в должность президент Ирана должен представить для утверждения в парламенте новый состав правительства. В свою очередь, парламент должен в течение десяти дней после представления рассмотреть кандидатуры министров.

Эксперты констатируют: Иран и Россия являются стратегическими партнерами, и ждать резких поворотов во взаимоотношениях в связи с избранием якобы прозападного президента не приходится.

«Я не думаю, что стоит ждать кардинальных изменений в отношениях Ирана и России, несмотря на то, что нового лидера Республики называют прозападным политиком, — полагает проректор РЭУ им. Плеханова, член Общественной палаты, директор Института политических исследований Сергей Марков. — На то есть несколько причин».

Первая, по словам Маркова, заключается в том, что «Россия — единственная развитая страна, которая помогает развивать Ирану ядерную энергетику». «Условно говоря, кроме нас в Бушере никто строить не хочет», — уточнил он.

Вторая причина, отметил эксперт, «Россия — единственная страна, которая готова продавать Ирану высокотехнологичное вооружение». В частности, уточнил Марков, «речь идет о ракетных комплексах С-300, к которым прикованные взгляды многих стран». «Они способны изменить общую ситуацию в тех или иных регионах. Больше нет ни одной страны, которая готова бы продать подобное вооружение Ирану», — говорит эксперт.

Впрочем, стоит упомянуть, что в июне 2013 года Тегеран подал иск на 4 млрд долларов в Международный арбитражный суд в Женеве, обвинив «Рособоронэкспорт» в незаконном аннулировании сделки на поставку в страну ЗРК С 300. После этого иска Москва предложила Ирану вместо С-300 приобрести ЗРК «Антей-2500». Причиной действий российской компании послужила четвертая резолюция с санкциями в отношении Ирана, принятая в июне 2010 года Совбезом ООН. В ней впервые были введены ограничения на поставки обычных вооружений Тегерану, включая ракеты и ракетные системы, танки, штурмовые вертолеты, боевые самолеты и корабли. Россия заявила, что эти ограничения распространяются и на заключенный несколько лет контракт, предусматривающий поставки С-300 Тегерану. Пока это вопрос в отношениях Москвы и Тегерана остается открытым.

Между тем, продолжает Марков, третья причина заключается в том, что «Россия последовательно выступает против усиления давления на Иран». Четвертая — «Россия — отчасти мусульманская страна, у нас есть мощная мусульманская диаспора, несмотря на то, что она большей частью суннитская, а не шиитская». Ко всему прочему Россия является членом Организации Исламской конференции в отличие от большинства западных стран, — подчеркнул Марков. — И этот факт также определяет особые отношения двух наших стран, поскольку, как известно, для Ирана религия является государственной идеологией».

С мнением Маркова о прочных взаимных связях двух стран согласен и директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН Виталий Наумкин.

«Мне кажется, что вектор российско-иранских отношений принципиальным образом с приходом нового президента никак не изменится, — уверен Наумкин. — Напротив, он получит какой-то новый импульс в связи с тем, что новый президент Ирана будет в большей мере искать взаимопонимания с «шестеркой» по ядерной проблеме Ирана, в которой Россия играет активную роль и выступает со своими собственными позициями, которые гораздо ближе и терпимей к Ирану, нежели позиции западных государств».

«Я думаю, что никаких серьезных изменений в наших отношениях не последует, но и каких-то особенных прорывов или неожиданных поворотов тоже ожидать не стоит», — заверил эксперт.

Впрочем, следует все же назвать «неожиданный поворот» во взаимоотношениях, который произошел в конце июня. На это время был запланировано каспийское турне президента России Владимира Путина. В ходе него, как предполагалось, в иранском порту на каспийском побережье Бендер-Энзели должна была состояться встреча главы российского государства с новоизбранным президентом Роухани. Путин планировал нанести визиты именно в порты своих партнеров по Каспийскому региону, в преддверии очередного Каспийского саммита глав-государств, проведение которого намечено на вторую половину этого года. Председательствовать в саммите предстоит России. Но Тегеран предложил также посетить и столицу, чтобы встретиться с духовным лидером страны аятоллой Али Хаменеи. Если бы это случилось, то Путин стал бы первым с 1943 года лидером России, посетившим Тегеран. Другие страны могли бы расценить визит Путина в Тегеран как прямую моральную поддержку режима. Вероятно, по этой причине он и не состоялся, собственно, как и все каспийское турне.

Но встреча Путина и Роухани все же в ближайшее время состоится. Российский и иранский лидеры встретятся в рамках проведения саммита Шанхайской организации сотрудничества в сентябре в Бишкеке.

Случившееся не стоит расценивать как трагедию, считает Наумкин.

«Несмотря на то, что многие обсуждают несостоявшийся визит Владимира Путина в Тегеран, рано или поздно такой визит состоится, — полагает Наумкин. — Иран для нас остается очень важным, ключевым партнером, тем более в свете тех новых событий, которые происходят на Ближнем Востоке. Я полагаю, что в то время, когда российское руководство сочтет этот визит целесообразным, такое событие состоится».

Действительно, Путин рано или поздно поедет в Тегеран. Это подтвердил пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков.

«Визит планируется, но четко согласованных сроков на данный момент нет», — цитирует Пескова ИТАР-ТАСС.

О стратегическом партнерстве двух стран говорят и в Госдуме.

«Я могу надеяться на то, что отношения между Россией и Ираном только улучшатся, — заявил член комитета Госдумы по международным делам Анвар Махмутов. — Иран всегда был хорошим российским соседом и у нас строились партнерские отношения. В исторической перспективе наше соседство сопровождалось позитивными контактами, они продолжаются и сегодня».

Игорь Пономарев

Иранский разворот: от экстремизма к умеренности

3 августа президентский пост в Исламской Республике Иран займет 64-летний Хасан Роухани, священнослужитель, перед которым стоит важная задача — преодолеть многочисленные негативные последствия 8-летнего правления своего предшественника Махмуда Ахмадинежада. Сегодня страна оказалась в международной изоляции, против нее действуют жесткие международные санкции, и от этого сильно страдает национальная экономика. Избирателей в новом президенте привлек авторитет умеренного реформатора. Во внешней политике он тоже склонен проводить самостоятельный курс. По крайней мере, об этом говорят первые российско-иранские контакты после его избрания.

Хасан Роухани — ни в коем случае не оппонент режима, но в ходе предвыборной кампании и встреч с избирателями он говорил на темы, которые еще недавно считались опасными. Например, высказывался по поводу противостояния с мировым сообществом в ядерном вопросе, о причинах международной изоляции страны и разрушительном воздействии международных санкций, о тяжелом положении в экономике. Также он обещал освободить политзаключенных, обеспечить гражданские права и «вернуть нации достоинство». Он даже призывал восстановить дипотношения с США, разорванные после захвата американского посольства в Тегеране в 1979 году.

«Мы не позволим, чтобы продолжились последние восемь лет, — заявил он на одном из митингов. — Они принесли санкции против нашей страны. И они даже гордятся этим. Я принесу политику примирения и мира». Неудивительно, что его выступления собирали громадные толпы народа.

В ходе кампании он опирался на поддержку реформистов во главе с бывшим президентом Мохаммадом Хатами, о котором отзываются как о «иранском Горбачеве». В поддержку Роухани высказался также авторитетный среди части духовенства бывший спикер меджлиса Акбар Хашеми Рафсанджани.

Хасан Роухани — не новичок в политике, но на первые роли он не пробивался, а чаще выступал как эксперт. В 1992 году он возглавил иранский Центр стратегических исследований — аналитический и консультативный орган при полновластном духовном лидере. Дважды избирался депутатом меджлиса, был даже его вице-спикером. С 1989-го по 2005 год был секретарем Совета национальной безопасности Ирана. Есть у него и дипломатический опыт: при президенте Хатами именно он представлял Иран на переговорах по ядерной программе.

Хасан Роухани — выходец из семьи, которая была противницей шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. С 12 лет он изучал ислам сначала в Семнанской семинарии, потом в священном городе Кум. Параллельно с религиозным, он получал и светское образование. В Тегеранском университете он стал бакалавром юридических наук, а в Каледонском университете в шотландском

городе Глазго в 1999 году получил степень доктора философии по юриспруденции. По некоторым данным, он хорошо владеет арабским языком, а также английским, немецким, французским и даже русским.

С основателем иранского исламского режима аятоллой Хомейни у него давние связи. Еще в 1965 году он разъезжал по стране с выступлениями против политики шаха. Его арестовывали, ему запрещали публичные выступления. В 1977 году Роухани пришлось эмигрировать, и он присоединился к находившемуся тогда в Париже аятолле Хомейни.

После победы исламской революции ему была поручена реорганизация иранской армии. Неоднократно он избирался в меджлис, возглавлял парламентский комитет по оборонной политике, комитет по иностранным делам.

Тот факт, что новым президентом Ирана стал Роухани, говорит о том, что страна выступает за серьезные перемены и в политике, и в экономике, а прежде всего желает покончить с «самодурством, авантюризмом и беспорядком», как многие характеризуют правление его предшественника.

На официальном сайте посольства Ирана в Москве утверждается, что принципы нового правительства Ирана — «умеренность и постепенное развитие». Роухани, выступая после избрания, заявил, что намерен сдержать все свои предвыборные обещания. Среди них — обещание «расширить права и свободы иранцев». «Люди на выборах сказали: нам нужны изменения и постепенное развитие. Лучший язык — это язык голосования», — подчеркнул он.

Однако не стоит ожидать, что проблема, возникшая вокруг иранской ядерной программы, найдет скорое разрешение. Новый президент намерен сглаживать острые углы, но сам не подвергает сомнению право Ирана на ядерную программу, хотя и обещает сделать ее более прозрачной для зарубежных наблюдателей.

Во внешней политике, по словам Роухани, будет проводиться умеренный курс. «Умеренность в иностранных делах — это значит ни сдаваться, ни конфликтовать, ни пассивность, ни конфронтация. Умеренность — это эффективное и конструктивное общение с миром», — говорит новый президент Ирана.

Первая попытка провести российско-иранскую встречу в верхах успехом не увенчалась. Как объявил посол исламской республики в России Махмуд Реза Саджади, встреча Хасана Роухани и Владимира Путина во время августовского каспийского турне российского президента не состоится. Как сообщил «Коммерсантъ», ссылаясь на анонимный источник в Кремле, предполагалось, что Путин и Роухани встретятся в морском порту Бендер-Энзели, но иранская сторона настаивала на Тегеране. Место встречи по дипломатическим каналам изменить не удалось, поэтому новоизбранный иранский президент и глава российского государства впервые увидят друг друга в сентябре в Бишкеке на саммите ШОС.

На церемонии инаугурации 4 августа Россия будет представлена председателем Госдумы Сергеем Нарышкиным, в то время как приглашения на торжества получили 13 глав государств, в том числе президенты Афганистана, Армении, Гвинеи-Бисау, Ливана, Казахстана, Пакистана, Таджикистана, Того, Туркменистана, а также премьер-министры Свазиленда и Сирии.

Евгения Кузнецова

Тегеран как яблоко раздора между Обамой и Конгрессом

Палата представителей США 1 августа проголосовала за введение новых экономических санкций против Ирана в связи с разработкой Тегераном ядерного оружия, причем 400 конгрессменов высказались за них, и 20 — против. Теперь документ, предписывающий дополнительное сокращение экспортных поставок нефти из Ирана на 1 миллион баррелей ежедневно в течение года, должен пройти через Сенат и получить подпись президента Барака Обамы.

Голосование в нижней палате американского парламента прошло незадолго до вступления в должность избранного президента Ирана Хасана Роухани, которое состоится 4 августа. США подозревают Иран в намерении создать ядерное оружие, Тегеран это отрицает и заявляет, что его ядерная программа преследует мирные цели. Наряду с санкциями ООН и других международных организаций, США ввели и собственные санкции против Ирана с целью заставить страну отказаться от ядерной программы.

Несмотря на то, что Конгресс принял новый законопроект достаточно легко, в американском обществе новые санкции против Ирана были встречены неоднозначно. Так, Национальный совет американцев иранского происхождения заявил, что новые санкции контрпродуктивны, поскольку подрывают возможности для возобновления дипломатических усилий в отношении Ирана. Тем не менее, в Конгрессе возобладала жесткая линия: несмотря на то что более 130 депутатов присоединились ранее к призыву провести новые переговоры с Ираном, почти все они проголосовали за новые санкции.

Что происходит

Ранее — за день до принятия решения о новых санкциях — об опасности разработки ядерного оружия Тегераном сообщил в своем докладе Институт науки и международной безопасности (ИНМБ). Как сообщает «Интерфакс» со ссылкой на ведомство, Иран будет обладать запасами урана, достаточными для создания ядерного оружия, уже к середине 2014 года. По мнению ученых, Тегеран сможет добиться этого, выполнив планы по установке тысяч центрифуг для обогащения урана на ядерных объектах «Натанз» и «Фордо».

Для предотвращения получения Тегераном ядерных объектов специалисты ИНМБ в своем докладе посоветовали МАГАТЭ проводить инспекции иранских объектов с центрифугами по меньшей мере два раза в неделю.

«Бездействие или излишняя осторожность МАГАТЭ могут не позволить международному сообществу отреагировать до того, как Иран произведет достаточно урана», — считают они.

Напомним, ранее Иран уже был подвергнут жестким экономическим санкциям со стороны ЕС, который принял решение о нефтяном эмбарго против Тегерана, вступившем в силу 1 июля. Пакет документов, подтверждающий это решение, был принят в начале 2012 года, когда ЕС одобрил запрет на импорт, приобретение и транспортировку иранской нефти, а также на относящиеся к ним финансовые и страховые операции. Поводом для санкций стал доклад МАГАТЭ, где утверждалось, что Иран до 2003 года вел работы по созданию ядерного оружия, которые могут продолжаться до сих пор.

Российская реакция

В 2012 году Россия выступила против введения нефтяного эмбарго, предложенного ЕС, аргументировав свою позицию тем, что Ирану нужно остановить обогащение урана до 20%, а странам Запада стать на путь отмены санкций. Сейчас сообщение о возможности новых ограничительных мер против Тегерана, на этот раз со стороны США, вызвало у российских властей резко отрицательную реакцию.

Любые дополнительные санкции международного сообщества по отношению к Ирану будут направлены на «экономическое удушение» этой страны, заявил по этому поводу в комментарии РИА «Новости» заместитель министра иностранных дел России Геннадий Гатилов. По мнению чиновника, в отношении Тегерана было принято уже достаточное количество ограничительных мер.

«Мы исходим из того, что Совет Безопасности уже принял несколько резолюций с санкционной составляющей в отношении Ирана, и то, что было сделано, является вполне адекватным и достаточным в плане обеспечения нераспространения оружия», — добавил Гатилов. — И любые дополнительные санкции уже, в принципе, направлены на экономическое удушение Ирана».

Алексей Арбатов: решение Конгресса нелепо

Решение Конгресса США по Ирану вызвало отрицательную реакцию не только у МИДа РФ. Эксперт Московского центра Карнеги Алексей Арбатов в комментарии «Голосу Америки» также признался, что считает инициативу американского ведомства «просто абсолютно нелепой».

«В Иране сменилась власть, пришел новый президент, умеренный деятель, который в прошлом вел успешные переговоры по ограничению ядерной программы в 2003–2004 годах, — пояснил он. — Надо было бы подождать и посмотреть, что он будет предлагать, потому что санкции против Ирана уже приняты достаточно жесткие санкции, особенно со стороны ЕС, которые привели к тяжелейшим экономическим последствиям и повлияли на исход выборов».

По словам эксперта, уже сейчас значительная часть населения Ирана не хочет больше жить в «стране-изгое», что тоже не прибавляет Тегерану «желания идти на поводу у американского Конгресса».

Алексей Арбатов убежден в том, что нефтяные санкции — это крайние меры воздействия.

«Эти санкции надо было держать про запас, чтобы Роухани знал, что от него требуются не просто какие-то косметические поправки и новые комбинации, а серьезный прорыв на переговорах, — рассказал он. — Иначе будут введены санкции и, в конечном итоге, даже применена сила».

Но использовать, по мнению эксперта, эту карту сейчас — совершенно бессмысленно.

С этим солидарен ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Владимир Сотников. По его словам, санкции против Ирана могут закончиться крайне тяжелыми последствиями.

«Я могу судить на основе личного опыта: иранцы действительно очень неуступчивы, и чем больше их загоняют в угол, тем больше они ожесточаются, — заявил он в беседе с корреспондентом «Голоса Америки». — Нужно понимать, что, если иранцы создают ядерное оружие, то они от этого не отойдут, хотя у них есть фетва, запрет, гласящий, что истинно мусульманской стране иметь ядерное оружие — грех».

Конфронтация, по мнению специалиста, приведет к нарастанию конфликтности и к тому, что «иранцы просто перестанут с кем-либо разговаривать, они замкнутся и будут еще ожесточеннее делать свое дело».

При этом Владимир Сотников, по его собственным словам, убежден в возможности переговоров с новым иранским руководством.

«Сейчас, на втором сроке, у Обамы есть шанс начать с Ираном диалог, может быть, не напрямую, а через третьи страны, — сказал он. — Москва могла бы предложить свое посредничество, как и какие-то другие страны».

Возможность прямой встречи Хасана Роухани с Обамой, по мнению эксперта, на данный момент не кажется реальной, однако у Госдепартамента «есть дипломатические каналы для того, чтобы в третьих странах наладить такой диалог».

«Подковерные» интриги

Отвечая на вопрос корреспондента «Голоса Америки», Алексей Арбатов заявил, что у проблемы новых санкций против Ирана есть и еще одна сторона: они могут быть дополнительной «палкой» в отношениях между Конгрессом и администрацией Обамы.

«Я рассматриваю эту акцию Конгресса как очередной выпад против администрации Обамы, — пояснил он. — Как будто нарочно принимается решение, которое затруднит Обаме переговоры с новым президентом Хасаном Роухани, которые могли бы принести успех».

Эксперту не кажется невозможной «злонамеренность» Конгресса, так как Республиканская партия в Конгрессе действует по принципу «чем хуже — тем лучше».

«Они хотят даже сорвать переговоры с Ираном и помешать мирному решению этого вопроса, лишь бы президент Обама не записал в свой послужной список еще один внешнеполитический успех», — констатировал политолог.

Западу вновь посоветовали нанести по Ирану превентивный удар

Встреча Владимира Путина с Хасаном Роухани задумывалась Кремлем в рамках турне российского президента по портам прикаспийских стран. В Иране это Бендер-Энзели. Но руководители страны не согласились покинуть столицу и приехать на каспийское побережье, взамен пригласив Путина в Тегеран, где можно было бы провести переговоры не только с новоизбранным президентом страны Роухани, но и с аятоллой Хаменеи. На это не согласился уже президент России.

О том, что визита не будет, заявил в среду посол Ирана в Москве Махмуд Реза Саджади, пишет «Взгляд». По словам посла, «такая встреча не запланирована». «Российский и иранский лидеры встретятся в рамках проведения саммита Шанхайской организации сотрудничества в сентябре в Бишкеке», — проинформировал он.

Наблюдатели отмечают, что в Иране «уклонение» от визита в столицу восприняли как оскорбление. С другой стороны, в мире визит Путина в Тегеран могли расценить как прямую моральную поддержку режима аятолл. Из слов посла следует, что стороны так и не смогли договориться, и поездка в Иран вообще не состоится.

Тем не менее она может состояться в будущем. В минувшую пятницу пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков сообщил, что сроков визита главы государства в Иран нет. «Визит планируется, но четко согласованных сроков на данный момент нет», — заявил он.

Политологи ожидали, что Владимир Путин будет присутствовать на инаугурации Роухани, но теперь выясняется, что его заменит спикер Госдумы Сергей Нарышкин. Сама церемония инаугурации намечена на 4 августа, на нее приглашены 13 глав государств, в том числе лидеры Афганистана, Армении, Гвинеи-Бисау, Ливана, Казахстана, Пакистана, Таджикистана, Того, Туркменистана, премьер-министры Свазиленда и Сирии.

Турне Путина, смысл которого теряется без посещения Ирана, преследовало вполне конкретные цели: подготовку к четвертому Каспийскому саммиту глав прибрежных государств, намеченному на вторую половину текущего года. Хозяйкой саммита будет Россия.

Иран же ждет конкретных предложений по поставкам ракетного комплекса «Антей-2500» взамен комплекса С-300, заявил посол Саджади. «Я думаю, что сначала Россия должна окончательно рассмотреть этот вопрос, а потом,

после окончательного рассмотрения, выдвинуть свое конкретное предложение. То есть мы ждем конкретного предложения РФ», — сказал он.

Тем временем не снижается накал страстей вокруг вопроса, стоит ли бояться иранской ядерной бомбы, если страна ее сделает. В то, что Иран обогащает уран только ради атомной электроэнергетики, не верит, кажется, уже никто, и здесь мнения экспертов разделяются на диаметрально противоположные. Одни говорят, что хуже этого ничего и быть не может, так как, заполучив такое оружие, Иран начнет терроризировать весь мир; другие же уверяют, что ничего страшного не произойдет. Более того, Иран подготовит все компоненты для урановой бомбы, но собирать ее не станет, намекнув всем, что может это сделать, если понадобится, то есть если возникнет угроза его безопасности.

Тем временем не снижается накал страстей вокруг вопроса, стоит ли бояться иранской ядерной бомбы, если страна ее сделает

К середине 2014 года у Ирана будет достаточное количество урана для создания ядерного оружия, прогнозирует американский Институт науки и международной безопасности (ИНМБ). Чтобы не допустить этого, ИНМБ рекомендует США и Израилю нанести превентивный удар, пишет «Свободная пресса».

Обращает на себя внимание то упорство, с которым Иран развивает свою ядерную программу. С 1995 года против страны действуют американские торгово-экономические санкции. Все 2000-е годы мировое экспертное сообщество обсуждало вероятность начала прямой военной агрессии. Ущерб экономике Исламской Республики от различных международных санкций составил огромную сумму и, видимо, перекрывает возможную выгоду от использования атомной энергии. Было бы проще согласиться на покупку урана у других государств, что давно советуют сделать международные организации. Но Иран не соглашается и продолжает настаивать на создании собственной атомной промышленности, невзирая на то, что Европа, США и Израиль продолжают грозить ему военными ударами (правда, пока не решаются на активные действия).

«Я думаю, что ядерное оружие у Ирана уже есть. Собственно, именно поэтому эту страну никто и не трогает. Всем понятно, что трогать ядерную державу нельзя, — говорит бывший замдиректора по науке Всероссийского НИИ атомного энергетического машиностроения профессор Игорь Острцов. — Все говорят про обогащение урана, но будто забыли, что бомбу делают из плутония. А для получения плутония у Ирана есть необходимые запасы урана на собственной территории. Все поднимают вопрос об обогащении по причине угрозы ядерного терроризма».

По мнению ученого, от плутониевой бомбы толку мало. Она испускает излучение, незаметно провезти ее невозможно, а ракету с ней тут же сожгут. А вот урановую бомбу огромных размеров (она не «фонит») можно совершенно незаметно, замаскировав подо что угодно, доставить к побережью противника, опустить на дно, а потом дистанционно взорвать. Поднимется страшной силы цунами, которое сметет все прибрежные города (в США почти все главные города на берегу). А в итоге никто даже и знать не будет, кто взорвал эту бомбу.

«Иран официально заявил, что обогатил уран до 20%, — продолжает Острецов. — Для бомбы нужна степень обогащения в 90%. Но поднять степень с 20 до 90% совсем просто. По сути, это задача для первоклассника. Причем это можно сделать на скрытом где-нибудь в горах заводе. Тяжело получить нужный уран, у которого степень обогащения 0,7%. А вот с 20-процентным легко работать. Но не думаю, что мировое сообщество будет спокойно смотреть на все. Терроризм в таком масштабе никому не нужен, чтобы сразу кто-нибудь решил уничтожить Нью-Йорк, Сан-Франциско и восточное побережье Китая».

Востоковед-иранист Владимир Сажин говорит о том, что бояться начала ядерной войны со стороны Ирана не стоит: «Опасность иранской ядерной программы не в том, что он может использовать бомбу против других государств. В Тегеране все прекрасно понимают, что в этом случае страна будет просто уничтожена. В мире боятся того, что Иран в случае изготовления урановой бомбы будет по-другому разговаривать со всеми остальными государствами. А он хочет стать первой державой в регионе. На мой взгляд, Иран не будет делать бомбу, но он создаст инфраструктуру для ее изготовления. Этот уровень сейчас имеют Германия, Япония, Канада, Аргентина, Бразилия и даже Нидерланды. Никто из них делать бомбу не будет, но может в случае принятия политического решения. Иран после того, как создаст оружие, будет шантажировать другие страны. Все соседи этого и опасаются. Другая опасность состоит в том, что вслед за Ираном свои ядерные программы начнут развивать Турция и Саудовская Аравия. Тогда договоренность о нераспространении ядерного оружия можно будет похоронить».

Звонок Уильяма Хейга в Тегеран может изменить мир

Вашингтонская политическая бюрократия, помноженная на усилия израильских лоббистов из AIPAC, сыграла с администрацией Белого Дома злую шутку. В момент, когда команда Барака Обамы заняла выжидательную позицию в отношении первых шагов нового иранского президента Хасана Роухани, Конгресс принял законопроект об ужесточении экономических санкций против Исламской

Республики, чем резко сократил возможности дипломатического маневра Белого Дома в переговорах с Тегераном. И тогда произошло событие, которое британская пресса окрестила прорывом — телефонный звонок британского министра иностранных дел Уильяма Хейга своему иранскому коллеге Али Акбару Салехи.

Тот самый Хейг, который на протяжении своей дипломатической карьеры был последовательным сторонником жесткой линии в отношении Ирана, теперь в телефонном разговоре заявил о необходимости срочного прогресса как в британо-иранских отношениях, так и в вопросе переговоров о ядерной программе Исламской Республики. Хейг однозначно выразил готовность встретиться с новым министром иностранных дел Ирана Джавадом Зарифи в рамках Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре нынешнего года, прервав затянувшуюся паузу во встречах (последний раз министры иностранных дел двух государств встречались в июне 2012 в Кабуле). Шаг, что и говорить, неожиданный, а потому, требующий пристального внимания.

Означает ли этот звонок Хейга, что Европа решила начать самостоятельную дипломатическую партию с Ираном? Или же перед нами своеобразная игра, в которой США и Британия решили выступить в качестве «добраго и злого полицейских», ведь очевидно, что Хейг не мог не согласовать свой звонок с администрацией Обамы? Ответы на эти вопросы достаточно неоднозначны. Но чтобы отчетливее понять логику действий Хейга, вернемся к ситуации в Вашингтоне.

«Иранская развилка» Белого Дома

Если попытаться кратко охарактеризовать отношение американской политической элиты к новому президенту Ирана и провозглашенному им курсу «умеренности», то на ум приходит только одно определение — разброд и шатание. Часть этой элиты мыслит категориями «эпохи Буша-младшего»,

включившего Исламскую Республику в ось зла, а «ястребиные» настроения подпитываются извне, непрекращающейся активностью израильского и саудовского лобби. Уже пару лет в Вашингтоне зреет понимание того, что и Израиль, и саудиты ведут свою игру, стремятся руками США решать свои региональные задачи, которые все очевиднее вступают в противоречие с национальными интересами США в регионе.

Собственно, интересы эти в видении администрации Обамы достаточно ограничены. Безопасность Израиля, контроль над Суэцким каналом, стабильность «аравийского непотопляемого авианосца», то есть монархий Персидского залива, — соблюдение трех этих условий вполне достаточно для того, чтобы развернуть всю мощь внешнеполитического потенциала США на реализацию провозглашенного Обамой «поворота в Азию», то есть на глобальную конкуренцию с Китаем. В реальности же Вашингтон откровенно завяз на Большом Ближнем Востоке. Конфронтация с Ираном, сомнительные перспективы израильско-палестинского урегулирования, готовые вспыхнуть Ирак и Ливан, Сирия, ставшая роковым рубежом идей «переформатирования», расползание нестабильности на Магриб... При таких «раскладах» администрация Белого Дома не то что не имеет времени для реализации стратегии, а превращается в «пожарную команду», вынужденную тратить время и далеко не безграничные ресурсы на локализацию региональных очагов возгорания. «Теория управляемого хаоса» обернулась чем-то уж совсем неуправляемым, живущим по своим правилам.

Драматизма кризису ближневосточной политики США добавляет и то обстоятельство, что привычная опора на «суннитские силы» перестает обеспечивать необходимый баланс интересов в регионе. Система сдержек и противовесов, разрушенная после вторжения в Ирак, так и не восстановлена, более того, ее крах высвободил процессы, которые трудно было себе представить — экспансию салафизма, «исламское пробуждение», «политический ислам».

Здравомыслящая часть американской политической элиты понимает, что сегодня ключом к восстановлению баланса сил и интересов на Большом Ближнем Востоке является именно Иран, поэтому нужны какие-то базовые договоренности с этим мощным государством, являющимся важнейшим звеном системы региональной безопасности. Ради таких договоренностей эта часть элиты готова пойти необычайно далеко, чего стоит только уже год гуляющее по кулуарам Вашингтона мнение о том, что даже если Иран и создаст ядерное оружие, то ничего страшного не произойдет, 30–40 иранских зарядов угрозу глобальной безопасности не составят. Трудно поверить, но такие разговоры действительно идут.

Избрание Роухани послужило для этой части американской политической элиты дополнительным аргументом к диалогу с Тегераном. Теперь заговорили уже о том, что Роухани вполне приемлем как партнер для переговоров, что он «адекватный визави» для Обамы. Тем более, что и Иран выражает готовность к диалогу. Как заявил Роухани 3 августа после своего утверждения в должности президента: «Правительство направит силы для того, чтобы спасти экономику страны, наладить конструктивное взаимодействие с мировыми сообществами..., сохранить национальные интересы и отменить несправедливые санкции». Словно отвечая ему, вчера пресс-секретарь Белого Дома Джей Карни заявил, что «если это новое правительство сделает выбор

в пользу того, чтобы по существу и всерьез выполнять свои международные обязательства и найти мирное решение проблемы, оно найдет в лице США искреннего партнера».

Но та же часть американской политической элиты прекрасно понимает и другое. Сидящие на шее «дяди Сэма» израильские и саудовские лоббисты столь влиятельны, пустили настолько глубокие корни в политическую систему США, что в случае резкого поворота к нормализации отношений с Ираном вполне могут обеспечить администрации Обамы затяжной политический кризис, фактически парализовав ее деятельность. Стоило Белому Дому чуть смягчить антииранскую риторику, как тут же последовало письмо от 76-ти сенаторов (по странному совпадению, большинство из них так или иначе были замечены в тесных связях с АИРАС (American Israel Public Affairs Committee)), в котором прямо говорится: «Пока мы не увидим существенного замедления ядерной программы Ирана, мы считаем, что наша страна должна ужесточить санкции и продемонстрировать готовность к применению военной силы». В такой обстановке Белому Дому остается только лавировать, делегируя полномочия на «мирные инициативы» европейским политикам.

«Иранский интерес» Европы

И европейские политики с готовностью выдвигают подобные инициативы в отношении Ирана, стремясь сменить в отношениях с Исламской Республикой статус «ведомых» Вашингтоном на «ведущих». Эта готовность вполне объяснима и понятна. Политическая риторика Брюсселя и еврокомиссаров — это одно. А насущные требования европейской экономики, давление промышленных кругов на Париж, Лондон и Берлин — совершенно другое. «Метания» Вашингтона в отношении Ирана оборачиваются ощутимыми потерями для европейских корпораций, а вслед за ними и политики Великобритании, Франции и Германии начинают задавать вопрос о том, целесообразно ли следовать идеологемам «эпохи Буша-младшего» и не поторопилась ли Европа вслед за США зачислить Иран в «ось зла».

Особенно важно это для Британии, которая до 50-х годов прошлого века была фактически монополистом на иранском рынке, получая сверхприбыли от деятельности Англо-иранской нефтяной компании по условиям одного из самых кабальных соглашений XX века о разделе прибыли за извлеченную нефть, которое сумело навязать шахскому режиму. В 50-х годах прошлого века Британия была выдавлена Штатами с иранских рынков, после этого она пребывала в глубоком нокдауне и только в 1998 году начала осуществлять «второй заход» в Иран. В том же году состоялся обмен визитами президента Ирана Мохаммада Хатами и главы британской дипломатии Джека Стро, британский экспорт начал поступать в Исламскую Республику и только за 2006 год вырос вдвое. И здесь американско-иранское противостояние снова обрушило все надежды Британии на новую долю иранского рынка.

Сегодня в Европе формируется убеждение, что союз с суннитскими монархиями и конфликт с Ираном является серьезной ошибкой, как минимум, нарушением принципа «не складывать все яйца в одну корзину». «Америка далеко», — справедливо говорят европейцы, — «а развороченный

американцами и полный опасностей, стоящий на грани большого взрыва Ближний Восток — у нас под боком». Конечно, в подобной позиции есть определенная доля лукавства, Европа наряду с США является соучастником созданной в регионе «турбулентности». Но в силу ряда причин эта «турбулентность» в Европе ощущается острее.

Кроме того, отстаивать некие политические принципы Европа готова «на сытый желудок». А в условиях ставшего уже перманентным экономического кризиса, потеря огромного иранского рынка, емкость которого для Европы оценивается от 40 до 60 миллиардов долларов, больно бьет по бюджетам и государствам, и корпораций. И в Париже и в Берлине прекрасно помнят, что к середине 2000-ных французские и германские инвестиции в Иран превышали пять миллиардов долларов, а отчисления Исламской Республики только от лицензий давали по два миллиарда долларов. Экспорт товаров ЕС в Иран еще четыре года назад составлял 10–11 миллиардов евро.

В отношениях с Исламской Республикой, кроме того, была весьма привлекательная для европейских компаний «тонкость». С 1979 года Иран был закрыт для корпораций США, а следовательно, европейские компании на иранском рынке не имели сколько-нибудь серьезных конкурентов. В Иране давно, успешно и весьма прибыльно, работали и французские Renault, Total, BNP, Paribas, Societe Generale и немецкий промышленный гигант Siemens, и итальянские Techimont и Anpi, и австрийская корпорация OMV (ведущая нефтегазовая компания Центральной Европы), и многие другие. Экономика тесно переплеталась с политикой — в 2007 году Берлин активно выступал против расширения санкций в отношении Ирана по той причине, что германская Transrapid заключила летом того года контракт на строительство железной дороги для поездов на магнитной подушке между Тегераном и иранским городом Мешхед. По данным Американского института предпринимательства (AEI), общая стоимость контракта составляла более 9 миллиардов долларов. Сегодня на место западных компаний постепенно приходят китайские промышленники, что у европейских корпораций теплых чувств к затянувшемуся американо-иранскому противостоянию (в котором они, в силу «солидарности людей Запада», вынуждены быть на стороне США) не добавляет.

Тем более, что Европа оказалась буквально «втянутой» в американо-иранское противостояние, в режим санкционной войны. В одном из докладов ЕС, опубликованном в начале 2000-х прямо говорилось: «у ЕС существуют политические и экономические причины развивать более тесные отношения с Ираном... В будущем он может стать значимым региональным экономическим партнером, с ощутимыми возможностями для развития торговли и осуществления инвестиций». Экономические ожидания европейского бизнес-сообщества не оправдались, под давлением США оно вынуждено было свертывать свое присутствие на иранском рынке. Доходило до того, что крупные швейцарские, французские, британские и итальянские корпорации и банки прямо заявляли собственным правительствам об оказываемом на них со стороны США «бес-

С 1979 года Иран был закрыт для корпораций США, а следовательно, европейские компании на иранском рынке не имели сколько-нибудь серьезных конкурентов

прецедентном давлении» с целью заставить прекратить бизнес с Ираном. Правительства либо отмалчивались, либо ссылались на высшие интересы. Но сегодня Европа все чаще задает себе вопрос, оправданы ли были принесенные «на алтарь» американского курса в отношении Ирана экономические жертвы. Более того, она начинает спрашивать, не оказалась ли пешкой в чужой геополитической партии.

Подобные рассуждения свободно звучат в Европе в силу еще одного, весьма важного обстоятельства. При достаточно тесных экономических связях с саудитами и Израилем, влияние лобби этих стран на европейское политическое поле все же меньше, чем в США. Отсюда — большая самостоятельность в поступках, большая возможность ориентироваться на собственные интересы, а не на интересы «третьих государств».

Таким образом, миротворческая инициатива Хейга — это не только согласованный с администрацией Обамы с учетом внутриамериканских политических ограничений шаг, но и результат определенного консенсуса европейских элит, озабоченных дестабилизацией Ближнего Востока и несущих значительные экономические издержки от американо-иранского противостояния. Инициатива Хейга служит определенным свидетельством того, что Европа сегодня не видит вариантов обеспечения стабильности в ближневосточном регионе без участия Ирана. Впрочем, из этого вывода совершенно не следует, что диалог начнется уже завтра, а прекращение огня в той же Сирии произойдет «сегодня к вечеру». И США, и Европа нацелены на то, чтобы обеспечить себе максимально благоприятные исходные позиции в переговорах с Тегераном, а потому пик конфронтации на Ближнем Востоке еще не пройден, а сам переговорный процесс будет вязким и долгим. Но в том, что он будет — сомнений не остается.

Если анализировать регулярно появляющиеся с минувшего года в западных медиа «утечки» о возможностях переговоров с Ираном и готовности к ним Запада, то становится очевидным — прямой диалог с Исламской Республикой становится для Запада объективно необходимым. Причем, содержание этого диалога будет гораздо шире ядерной программы Ирана и затронет всю систему региональной безопасности Большого Ближнего Востока. Диалог Запада с Исламской Республикой объективно необходим, необходим и Вашингтону, и Брюсселю, и Тегерану, а потому он обязательно начнется. По большому счету сейчас вопрос заключается лишь в том, каковы будут предварительные условия, на которых стороны начнут переговоры. Идеологемы и всевозможные политические условности процесс начала этих переговоров могут немного замедлить, но не остановить, прагматизм здесь над политической риторикой и пропагандистской мишурой возобладает.

Реальность и, если хотите, неизбежность диалога Запада и Исламской Республики — это вызов российской дипломатии. Российская «вялость» в иранском вопросе, «шаг вперед, два шага назад», да еще и с постоянной оглядкой на то, как воспримут эти шаги в Вашингтоне и Брюсселе, вполне может привести к тому, что Запад опередит Москву и выйдет на уровень стратегических договоренностей с Ираном раньше, чем Россия. Соответст-

венно — на иранский рынок тут же вернутся и западные компании, конкурировать с которыми российский бизнес просто не в состоянии из-за технологического отставания и ограниченных финансовых возможностей. А Ирану сегодня больше всего нужны самые передовые технологии и зарубежные инвестиции.

Кроме того, используя финансовое превосходство, Запад легко заберет себе наиболее перспективные и прибыльные инвестпроекты, общий объем которых составляет сотни миллиардов долларов. Не нужно объяснять какие политические последствия будет иметь активность Запада в иранской экономике для России. Это чревато уже не только упущенной выгодой в сотни миллиардов долларов, а необратимыми последствиями для ее стратегических интересов, практически везде, но, особенно на Ближнем Востоке, на Каспии и в Центральной Азии. По сути, вопрос диалога Иран — Запад для России встает таким образом — или же эти переговоры застанут Россию врасплох, или же Россия успеет сработать на опережение, быстро подготовить и подписать с Исламской Республикой Новый, Большой, Всеобъемлющий торгово-экономический и военно-политический Договор. От ответа на этот вопрос зависит то, способна ли Россия оперативно реагировать на новые вызовы и угрозы ее национальным интересам, будет ли она в числе создателей новых региональных систем безопасности или же опять и снова будет плестись в хвосте чужой политики и чужих договоренностей, собственно, как это и было в последние два десятилетия.

«Рафаэль» — иранский «Титаник» у берегов Бушера в Персидском заливе

Уникальный по оснащенности для своего времени круизный лайнер «Рафаэль» был куплен при последнем шахе Ирана Мохаммад-Резе Пехлеви. Первоначально еще в 1965 году судно оценивалось в 90 миллионов долларов, однако спустя десять лет из-за экономических трудностей Италия продала его Ирану всего лишь за 2 миллиона. Первый проект «Рафаэля» был создан итальянцами в 1958 году. Построенное в Италии судно было длиной 276 и шириной 31 метр. На судне было 850 радиотелефонных каналов, шесть плавательных бассейнов, в том числе три детских, 750 кают (каждая с ванной и туалетом, отделанными итальянским мрамором), 18 лифтов, 30 вестибюлей, 30 залов, один концертный зал на 500 человек, а также фитнес-центр. Всего лайнер мог вместить 1,8 тысячи пассажиров, не считая членов экипажа.

В день, когда «Рафаэль» грациозно уплывал из Италии в Иран, люди провожали его со слезами на глазах. В 1977 году «Рафаэль» с 50 членами экипажа, итальянцами, встал на якорь в порту Бушера в Персидском заливе.

Морской бриз доносил до жителей Бушера странный громкий гул. Когда они выглянули из окон своих старых домов, то крайне удивились, увидев величественную белую громадину, приближавшуюся к их берегу. Тогда никто и не догадывался, что этот гигантский белоснежный корабль, сияющий в лучах солнца, на долгие годы останется в памяти и сердцах местных жителей.

Бушерцы, повидавшие на своем веку немало разных кораблей, толпами сбегались к пристани, чтобы посмотреть на этот прекрасный лайнер и сфотографироваться на его фоне.

Год спустя итальянцы, работающие на корабле, постепенно один за другим вернулись к себе на родину.

По одной из версий, иранский шах решил купить лайнер, чтобы поразить им британскую королеву, которая собиралась посетить Иран. Дело в том, что Елизавета II планировала свою поездку в Персидский залив на более скромном судне. Ожидания шаха не оправдались: королева раздумала ехать в Иран, охваченный революцией.

В 1981 году, через два года после Исламской революции, началась ирано-иракская война. Тогда было принято решение возобновить плавание на

«Рафаэле». Некоторые активисты даже разрабатывали планы отправиться в плавание на лайнере, чтобы оказать помощь борцам за независимость в Ирландии и Индонезии. Однако этим проектам уже не суждено было осуществиться.

17 ноября 1983 года «Рафаэль» разбомбили два иракских самолета. В результате воздушной атаки лайнеру был нанесен значительный ущерб и он потерял управление. Его еще можно было починить, но по неясным причинам никто этого так и не сделал.

Все оборудование и роскошная мебель «Рафаэля» были разграблены. Когда лайнер уже наполовину погрузился в воду, произошел еще один инцидент. По нелепой случайности в лайнер врезался проходящий мимо грузовой корабль «Иран-е Салам» и тем самым нанес судну еще более серьезные повреждения, закончив то, что начали иракские бомбардировщики.

Таким образом, океанский лайнер «Рафаэль» проплавал под иранским флагом чуть более семи лет. Затем, дав приют морским обитателям, он стал настоящей легендой.

В настоящее время затонувший корабль уже не виден с берега. Он лежит на глубине семи метров всего лишь в двух километрах от Атомной электростанции в Бушере.

Владимир Сажин

Новые иранские министры окончили западные университеты

Сразу после церемонии инаугурации президент Ирана Хасан Роухани представил список нового кабинета министров спикеру парламента Али Лариджани. Меджлис должен вынести свой вердикт по каждому кандидату

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь список кандидатов в министры нового правительства — это то, что практически все они занимали значительные посты при двух бывших президентах-реформаторах — Али Акбаре Хашеми Рафсанджани и Мохаммаде Хатами (с 1989 по 2005 гг.). Еще один момент: подавляющее большинство кандидатов — выпускники университетов США и Западной Европы.

Это наводит некоторые СМИ на мысль, что Роухани формирует правительство, придерживающееся прозападной ориентации. Эксперты полагают, что такая ситуация дает надежды на сближение позиций Тегерана и его западных оппонентов по ядерной программе Ирана.

По мнению директора российского Центра общественно-политических исследований Владимира Евсеева, «возможная смена внешних и внутренних приоритетов не является спонтанным желанием президента Роухани. Это насущная необходимость. Западные санкции, можно сказать, «пригвоздили» Иран к стене. Его экономика находится в кризисе. Выходом из ситуации — а именно это обещает Роухани — может быть только решение иранской ядерной проблемы. Это крайне сложный, но главный вопрос, без решения которого провиснет вся политика нового президента и его правительства, а обещания Роухани по поводу экономической и социальной стабильности останутся лишь словами».

Многие сомневаются в реформаторских возможностях нового президента ИРИ, за спиной которого невозмутимо стоит человек номер один в Иране — верховный лидер аятолла Хаменеи. Но будем откровенны: без согласия верховного лидера (даже при массовой поддержке избирателями своего кандидата) ходжат-оль-эслам Роухани вряд ли стал бы президентом. Значит, в ближайшем окружении Хаменеи прекрасно понимают необходимость смены вех и дают зеленый свет смягчению курса, прежде всего, в отношении Запада.

Кстати, в списке нового кабинета кандидатом на пост министра иностранных дел стал Мохаммад Джавад Зариф, занимавший с 2002 по 2007 год должность официального представителя Ирана в ООН и участвовавший, по

некоторым данным, в секретных переговорах с США. Это, можно сказать, послание Вашингтону о готовности к диалогу.

Американцам также надоела перманентная борьба с ядерным Ираном. Пресс-секретарь Белого дома Джей Карни отметил:

«Если это новое правительство сделает выбор в пользу того, чтобы по существу и всерьез выполнять свои международные обязательства и найти мирное решение (ядерной) проблемы, оно найдет в лице США искреннего партнера».

Не прошло без внимания и приглашение на инаугурацию старого знакомого Роухани — бывшего британского министра иностранных дел Джека Стро, который ныне возглавляет парламентскую группу по связям с Ираном. Примечательны также и высказывания нынешнего главы британского Foreign Office Уильяма Хейга о готовности к улучшению британо-иранских отношений.

Надежда на решение всего комплекса проблем вокруг Ирана есть. Вопрос — во времени. Как долго будет разогреваться мотор сложной бюрократической машины Ирана для движения по новому пути? И — что немаловажно — в какой степени конкретные шаги президента Ирана и его команды встретят понимание аятоллы Хаменеи и его окружения? Это покажет будущее, причем ближайшее.

«Если это новое правительство сделает выбор в пользу того, чтобы по существу и всерьез выполнять свои международные обязательства и найти мирное решение (ядерной) проблемы, оно найдет в лице США искреннего партнера»

Станислав Иванов

Кто и как мешает созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия?

Безусловно, главным источником нестабильности на Ближнем Востоке являются Израиль и США. Тель-Авив и Вашингтон по прежнему единым тандемом пытаются и дальше вершить судьбы стран и народов, насаждать угодные и менять неугодные им режимы и навязывать свои стандарты «демократии». Наличие ядерного оружия у Израиля давно уже не является секретом. Тель-Авив категорически отказывается подписать Договор о нераспространении ядерного оружия, при этом чуть ли не каждый день показывает свои ядерные мускулы, грубейшим образом попирая нормы международного права. Самое удивительное в этой истории — весь мир молчит, как будто находится под всеобщим гипнозом. Молчит ООН, бездействует Совет Безопасности, «не замечает» всего этого безобразия МАГАТЭ. И самое обидное, к сожалению, молчит и Россия.

Впервые с инициативой превратить Ближний Восток в зону мира, где не будет ядерного и ракетного оружия, выступил в 1958 году Советский Союз. Первые практические шаги по реализации этого предложения были приняты в 1974 году, когда вначале Иран, а затем Египет и ряд других арабских государств поддержали эту инициативу. В результате этих шагов Генеральная Ассамблея ООН 9 декабря 1974 года приняла Резолюцию 3263 «Учреждение зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), на Ближнем Востоке». В 1995 году на Международной конференции по продлению сроков действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) вновь прозвучал призыв ко всем государствам принять участие в создании безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Последовательными сторонниками создания этой ЗСЯО оставались Россия и Иран, которые 16 июля 1998 года даже выступили с совместным письменным заявлением по этому поводу. Однако сегодня у государств Ближнего Востока и членов Совета Безопасности ООН по-прежнему нет единых подходов к достижению соглашения о создании на Ближнем Востоке ЗСЯО.

Ядерная вседозволенность Израиля и двойные стандарты Запада

Главным «камнем преткновения» в создании ЗСЯО в регионе является саботаж этой инициативы Израилем, который, будучи членом МАГАТЭ всячески уклоняется от присоединения к ДНЯО и игнорирует саму идею ЗСЯО. В Тель-Авиве подписана, но не ратифицирована Конвенция о физической защите ядерного материала, Израиль не является участником международных соглашений о контроле за ядерным экспортом. Тель-Авив официально не подтверждает, но и не опровергает сведения о наличии ядерного оружия на своей территории. Эта позиция израильского руководства выглядит более чем странной с учетом того, что сведения об израильской атомной бомбе стали достоянием гласности еще в 1986 году, когда их подтвердил сотрудник израильского ядерного центра Мордехай Вануну. По оценкам экспертов, Израиль сегодня имеет на вооружении от 100 до 200 ядерных боезарядов со средствами их доставки. Уместно напомнить, что у истоков ядерной программы Израиля стояла Франция, затем в нее были вовлечены различные фирмы и предприятия США, Великобритании, ФРГ, ЮАР, Норвегии, Аргентины, других стран. Сотни израильских агентов по всему миру занимались приобретением технологий, документации, оборудования и ядерных материалов для ускоренного создания ядерного оружия и средств его доставки. Власти упомянутых выше стран стремились сохранить втайне свое участие в появлении ядерного оружия у Израиля и большая часть атомных секретов попадала в Тель-Авив по каналам спецслужб и частных посредников, но Вашингтон, как главный патрон и спонсор израильской ядерной программы был прекрасно осведомлен о реальном положении дел в этой области. С молчаливого согласия Запада, а в некоторых случаях и при его прямой поддержке, Израиль уже к началу 70-х годов стал региональной ядерной державой. Сегодня научно-технический потенциал Израиля позволяет ему продолжать НИОКР в направлении совершенствования ЯО, в частности создания модификаций ядерных зарядов с повышенной радиацией и ускоренной ядерной реакцией. Нельзя исключать и интереса Тель-Авива к разработке термоядерного оружия, нейтронной бомбы. Можно не сомневаться, что и здесь не обходится без помощи старшего брата — «дяди Сэма».

Несмотря на то, что израильское руководство продолжает демонстративно игнорировать ДНЯО, саботирует создание ЗСЯО на Ближнем Востоке и, по сути, бросает вызов мировому сообществу, США и страны ЕС не ставят вопрос в ООН о введении каких-либо ограничительных санкций в отношении Израиля. Здесь как раз наглядно проявились двойные стандарты в политике США и их союзников. Опирируя только лишь надуманными подозрениями в отношении военной составляющей ядерной программы Ирана, Вашингтон буквально продавил в Совете Безопасности ООН принятие четырех резолюций дискриминационного характера в отношении Тегерана, приняв десятки односторонних ограничительных актов, добился вовлечения в эту антииранскую кампанию своих партнеров в ЕС и других странах. Одобрительно были восприняты на Западе и грубейшие нарушения норм международного права Израилем в ходе его пиратских воздушных налетов на построенный с помощью французских специалистов научно-исследовательский ядерный реактор в Ираке (1981 г.), на предполагаемый ядерный

реактор в Сирии (2007 г.), факты ликвидации с помощью израильской агентуры иранских ученых-ядерщиков. Убийства молодых талантливых иранских ученых останавливают порою целые направления в науке и технологии на многие годы, нанося этим колоссальный ущерб не только научно-техническому потенциалу Ирана, но и, в целом, мировой науке... Россияне, как и большая часть мирового сообщества, расценивают подобные преступления как акты государственного терроризма и резко осуждают их.

В последние годы Израиль в тесной связи с США и некоторыми другими странами Запада приступил к массированным кибератакам на иранские промышленные, ядерные и государственные объекты. Компьютерный вирус Stuxnet, поразивший ядерные центрифуги Ирана, был создан и запущен Израилем в сотрудничестве с Агентством национальной безопасности США. Об этом в интервью немецкому журналу Spiegel поведал экс-сотрудник ЦРУ и АНБ Эдвард Сноуден. По его словам, США активно сотрудничают с Израилем в этой области, а отвечает за кибератаки в Вашингтоне специально созданный орган — Директорат по иностранным делам. Американские издания Washington Post и New York Times со ссылками на свои источники также сообщали, что спецслужбы США и Израиля ответственны за создание вредоносных кодов Flame и Stuxnet, которые атаковали иранские компьютеры, связанные с центрифугами, обогащающими уран в ядерном реакторе. Следует заметить, что израильские и американские хакеры пытались вывести из строя не только ядерные объекты Ирана, но подвергали атакам системы управления электростанциями, нефтегазовыми и другими жизненно важными объектами. Возникла реальная угроза крупных аварий и катастроф, которые могли не только нанести ущерб экономике и населению ИРИ, но и создать угрозу возникновения экологических бедствий и катастроф регионального масштаба (пожары и разливы нефтехранилищ и трубопроводов, загрязнение Каспийского моря и т.п.).

Не прекращается и массированная информационно-пропагандистская кампания Израиля и США против Ирана. Почти ежедневно из уст руководства этих стран, включая первых лиц, раздаются угрозы нападения на ядерные и другие жизненно важные объекты ИРИ и при этом недвусмысленно намекается, что может быть применено и ЯО. Обсуждаются и утверждаются планы различных военных операций против ИРИ, регулярно проводятся масштабные учения и маневры ВМС и ВВС США и НАТО в Персидском заливе в непосредственной близости от территориальных вод Ирана. Последствия этих угроз и «игры мускулами» становятся все заметнее. Граждане Ирана находятся в постоянной стрессовой ситуации, тысячи людей от волнения и переживания попадают в больницы, уходят в мир иной раньше времени, не могут из-за этого завести семьи, детей, бизнес сворачивается и выводится из страны, люди не могут планировать свои дела на перспективу, зарубежные инвестиции достигли своего исторического минимума, иранцы покупают зарубежную недвижимость и т.д. и т.п. И, самое парадоксальное, мировое сообщество этого, как бы, не замечает.

Всего лишь однажды бывший президент Ирана Махмуд Ахмадинежад на одной международной конференции по сионизму привел известную цитату имама Хомейни о том, что «сионистское образование (Израиль), основанное на насилии и несправедливости, рано и поздно самой историей будет стерто с лица земли». Здесь имам Хомейни имел в виду, что это образование само

по себе не удержится в силу своей несправедливой основе, а не то, что будет насильственно уничтожено кем-то. И что же мы увидели: по велению волшебной палочки международного израильского лобби, весь мир встал на защиту Израиля и стал самым жестким образом поносить Ахмадинежада и Иран за стремление «стереть Израиль с лица земли». Эти осуждения продолжаются с маниакальным упорством до сих пор. А ведь есть и угрозы, причем прямые, да еще от руководства ядерных стран, и все молчат. Ни для кого не является секретом, что уже сейчас только 75 % населения Израиля составляют евреи, а остальные 25 % населения Израиля — арабы и другие народности, большая часть из которых исповедует ислам. При сложившихся демографических процессах уже к 2050 году арабы смогут составить более половины населения страны и Государство Израиль парламентским путем станет уже не еврейским. Очевидно, Вашингтону уже сейчас впору задуматься, а кто тогда будет контролировать арсенал ядерных вооружений Израиля?

Выглядит весьма странным, что не только ООН, но и Россия, Китай, другие страны не реагируют на агрессивные, явно провокационные действия Израиля и США. Ведь, по сути дела, Тель-Авив и Вашингтон уже давно ведут необъявленную войну против Ирана, а многочисленные пакеты международных и односторонних санкций выглядят как удавка на шее иранского народа. Здесь можно еще раз упомянуть о явно непродуманном решении Кремля аннулировать контракт на поставку в Иран систем ПВО «С-300» и других оборонительных вооружений. Этим шагом, непредусмотренным даже санкциями ООН, российское руководство заметно ослабило возможности Тегерана защитить АЭС «Бушер», научно-исследовательские ядерные реакторы и другие жизненно важные объекты страны. Очень жаль, что в этот тяжелый для дружественного россиянам иранского народа период он оказался один на один со всей мощью по прежнему претендующих на единоличное мировое господство США и их союзников в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

А в это время Вашингтон и его партнеры по НАТО продолжают видеть в Израиле своего стратегического союзника и отводят ему роль жандарма — блюстителя ядерной чистоты в регионе, проводника западных ценностей и «демократии» по-американски. Они упорно не замечают, что Тель-Авив не только срывает все попытки мирного урегулирования региональных конфликтов, но и, по сути, инициирует дальнейшую милитаризацию Ближнего и Среднего Востока, новую гонку вооружений, нарушение режима ДНЯО. Арабские страны по праву задаются вопросом: почему Израилю позволено иметь ядерное оружие, а арабам — нет. Вряд ли такая провокационная политика руководства еврейского государства при поддержке израильского лобби и «ястребов» в Вашингтоне отвечает интересам американского и израильского народов.

В последнее время в лексиконе представителей западных стран появился новый термин — «ответственное правительство», под которым понимается как раз правительство Израиля. Все остальные региональные власти, в число которых входят руководство Ирана, Сирии, других арабских и мусульманских стран, относятся к числу «безответственных». Чуть ли не все политики и СМИ, в том числе и некоторые российские, с готовностью клюнули на эту наживку, подброшенную им из коридоров Госдепа или Кнессета, и

дружно принялись озвучивать этот термин к месту и не к месту. Якобы в израильское руководство входят цивилизованные люди, которые понимают, что такое ЯО и ответственно к нему относятся (при этом забывается, что за последние 30 лет практически все войны и вооруженные конфликты в регионе спровоцированы именно этим, т.н. «ответственным правительством»), а лидеры других стран региона — дикари, угрожающие нашей цивилизации.

Атомные мифы и политические реалии

Помимо явно провокационной игры Израиля в свое ядерное превосходство по отношению к другим странам региона, продвижение идеи о создании ЗСЯО на Ближнем Востоке затрудняет и общая нестабильная ситуация в регионе. Так называемая «арабская весна» 2011 года и, последовавшие за ней трагические события в ряде арабских стран, надолго заморозили переговорный процесс по ядерной безопасности на Ближнем Востоке. Насильственная смена правящих режимов (элит), гражданские войны и масштабные теракты осложняют проведение консолидированных усилий по ЗСЯО в регионе.

Продолжает бурлить «арабская улица», массовые беспорядки и акции протеста проходят в Тунисе, Египте, Ливии, неспокойно на палестинских территориях, продолжается кровавая бойня в Сирии, боевые действия уже распространяются из нее на Ливан, другие сопредельные государства, Ирак почти ежедневно подвергается новым масштабным терактам, нестабильна ситуация и в Алжире, Йемене, Иордании, монархиях Персидского залива. Очевидно, потребуются значительное время, чтобы на Арабском Востоке удалось достигнуть хотя бы относительной политической стабильности. Силы международного терроризма при явном попустительстве, а иногда и прямой поддержке Вашингтона и его региональных сателлитов в лице Эр-Рияда, Дохи, Анкары наращивают свои силы и возможности и ставят целью повсеместно насаждать исламистские режимы. В этом также налицо двойные стандарты западной политики, как например, в Сирии, где поддерживаемые Вашингтоном силы Свободной сирийской армии и боевики «Аль-Каиды», «Джабга ан-Нусра», «Хизб ат-Тахрир» и другие террористические группировки оказались по одну сторону баррикад. В своем стремлении во что бы то ни стало свергнуть режим Башара Асада США закрыли глаза на свершившуюся с их молчаливого согласия легализацию бандформирований, официально фигурирующих в списках террористических организаций. Не случайно вскоре после решения Конгресса США оказать сирийской вооруженной оппозиции военную помощь были совершены десятки новых терактов и нападений на тюрьмы в странах Ближнего Востока, в результате которых сотни боевиков «Аль-Каиды» вырвались на свободу. Ни для кого не секрет, что их целью является продолжение «джихада» и новые убийства в Сирии. Может быть для них и предназначаются американские вооружения.

Есть еще и третий, не менее важный фактор, который самым негативным образом сказывается на попытках прогрессивной части мирового сообщества инициировать в регионе создание ЗСЯО — это всячески раздуваемый Тель-Авивом миф о военной составляющей иранской ядерной программы. В столицах арабских государств, в первую очередь монархий Персидского

залива, внимательно отслеживают все сведения о достижениях Тегерана в области ядерных исследований. И хотя Иран, в отличие от Израиля, является последовательным участником ДНЯО, продолжает твердо заявлять о мирном характере своей ядерной программы, а МАГАТЭ не располагает данными о каких-либо серьезных попытках нарушения Тегераном своих международных обязательств, в Эр-Рияде и ряде других арабских столиц все же превалируют явно антииранские настроения и ничем не оправданные опасения.

Похоже, что Вашингтону удалось убедить в иранской ядерной угрозе уже не только своих партнеров по НАТО, членов Совета Безопасности ООН, но и большинство лидеров арабских стран. Умело спекулируя на существующих в регионе противоречиях этно-конфессионального характера, раздувая мнимую угрозу шиитской экспансии из Тегерана на арабский мир («шиитский полумесяц», «шиитская дуга» и т.п.), администрация США размахивает перед арабскими правителями еще и жупелом иранской атомной бомбы. Ситуация в данном случае очень похожа на, якобы «неопровержимые», сведения ЦРУ о наличии у Саддама Хусейна оружия массового уничтожения (ОМУ), которые послужили поводом для вторжения вооруженных сил США и их союзников в Ирак. Пока арабские монархи не заявляют прямо о намерениях своих стран выйти из ДНЯО и создать свое ядерное оружие (это им вряд ли позволит сделать израильское лобби в Вашингтоне). Однако уже сегодня сотни миллиардов нефтедолларов выделяются ими на милитаризацию своих стран, совместные с США и НАТО программы региональных ПВО и ПРО, строительство научно-исследовательских атомных реакторов и атомных электростанций. Вашингтон заверяет арабских шейхов, что в случае опасности ядерного нападения извне, они могут рассчитывать на ракетно-ядерный потенциал США и поддержку со стороны заблаговременно созданных группировок ВС США и НАТО в регионе.

При раздувании мифа о ядерной угрозе Ирана Вашингтон всячески замалчивает и игнорирует тот факт, что руководство Ирана последовательно, начиная с победы исламской революции в начале 1979 года, проводит твердую линию на отказ от создания атомного и других видов оружия массового уничтожения. В январе 2013 года верховный лидер страны аятолла Али Хаменеи издал религиозное постановление (фетву) о запрете ядерного оружия, которое имеет силу указа президента и является обязательным для исполнения всеми светскими и религиозными властями Исламской Республики Иран. Создание ядерного оружия и стремление к его обладанию было объявлено грехом, противоречащим фундаментальным исламским ценностям. Более того, недавно Тегеран обратился в ООН с просьбой включить в проект соответствующего постановления обязательство Ирана не разрабатывать, не обладать и в дальнейшем не применять ядерного оружия против кого-либо.

Похоже, что Вашингтону удалось убедить в иранской ядерной угрозе уже не только своих партнеров по НАТО, членов Совета Безопасности ООН, но и большинство лидеров арабских стран

Не случайно, недавно граждане Ирана уже в первом туре избрали своим новым президентом Хасана Роухани — опытного дипломата, экс-секретаря Высшего совета национальной безопасности Ирана и переговорщика по ядерным вопросам. Его по праву считают представителем реформаторского блока иранского истеблишмента с весьма прагматичными и умеренными политическими взглядами. Этот факт является явным сигналом Западу о готовности Ирана к новым позитивным шагам в своей внешней политике, уважительному диалогу со всеми странами мира и более тесному сотрудничеству с МАГАТЭ. Конечно, это не подразумевает резкого поворота Тегерана в отношениях с Вашингтоном и Тель-Авивом. Но тон и накал взаимных обвинений и враждебной риторики между Ираном с одной стороны и Израилем и США с другой — может несколько снизиться. От нового президента ожидают активизации внешнеполитического курса ИРИ, постепенного смягчения, а в перспективе и отмены антииранских ограничительных санкций. Не исключено, что Иран вновь поднимет вопрос в ООН о создании ЗСЯО на Ближнем Востоке, надеясь при этом на поддержку России, арабских и других государств.

По мере восстановления мер доверия между Ираном и Западом, роста авторитета и влияния Тегерана как региональной державы и одного из центров исламской цивилизации, Тель-Авиву, Вашингтону и их союзникам станет все сложнее саботировать создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Всем очевидно, что регион является одним из ключевых в системе международной безопасности. Здесь проживают сотни миллионов человек, имеются запасы углеводородов мирового значения, ускоренными темпами развивается экономика, торговля, инфраструктура, проходят стратегические морские, воздушные, сухопутные коммуникации, находятся бесценные памятники истории, архитектуры и мировой культуры, религиозные святыни трех основных конфессий и т.п. Любые новые войны и вооруженные конфликты в регионе могут лишь усугубить мировой финансово-экономический кризис, а применение ядерного или других видов оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке может нанести непоправимый ущерб нашей цивилизации.

Поощрение Вашингтоном ядерных амбиций Израиля и натравливание монархий Персидского залива на Иран и Сирию еще больше накаляют обстановку в этом взрывоопасном регионе. Именно в имперских амбициях и двойных стандартах США кроются основные препятствия для создания на Ближнем Востоке, зоны, свободной от ядерного оружия. Как постоянный член Совета Безопасности ООН, Россия имеет все основания выступить инициатором ядерного разоружения на Ближнем Востоке, начиная от проведения срочной специальной международной конференции по этой теме, вплоть до требования созыва чрезвычайного заседания СБ по данному вопросу. Данные шаги способны стать началом нового этапа нашей «восточной политики», и хочется надеяться, что Москва наконец-то проявит большую активность по продвижению и реализации в жизнь идеи «безъядерного Ближнего Востока».

Анатолий Эль Мюрид

Готовность Ирана к переговорам с США не устраивает Израиль

В отмене встречи президента США Обамы с президентом России Путиным нет ничего содержательного. Однако прямо сейчас и Штаты, и Россия могут себе позволить слегка поиграть словами и потешить публику. Основные события назревают в другом месте. Место это — Иран.

В отмене встречи президента США Обамы с президентом России Путиным, о которой сообщил в официальном заявлении Белый дом, нет ничего содержательного.

Повод, который послужил отмене встречи, — события вокруг Эдварда Сноудена. Соединенным Штатам важно продемонстрировать, что они так просто не спустят никому удар по их репутации, России в сложившейся и не очень зависящей от нее ситуации не менее важно продемонстрировать свою самостоятельность. Особенно на фоне вполне лакейских действий европолитиков.

Однако прямо сейчас и Штаты, и Россия могут себе позволить слегка поиграть словами и потешить публику. Основные события назревают в другом месте.

Место это — Иран. Соединенные Штаты практически с середины прошлой осени осторожно, но вполне настойчиво демонстрировали Ирану, что готовы изменить и риторику, и политику в отношении страны-изгоя. Почему — понятно. Провал ближневосточного направления политики США стал причиной тотальной зачистки всего внешнеполитического блока администрации. Штаты утратили управляемость процессами, которые сами и запустили. Безусловно, они сохраняли вид, что все идет по плану, однако к весне стало понятно: никакого плана нет ни у кого. События развиваются самопроизвольно, и в этих условиях Сирия оказалась в наиболее выгодном положении — у президента Асада появился реальный шанс выиграть войну, с которой уже никто не понимал, что делать.

Победа Асада означает поражение США — а еще Киплинг весьма живописно показал, что бывает с Акелой, когда он промахивается. Даже будучи сильным и самым сильным волком стаи, предводитель не может опираться только на силу. Важен и авторитет. Непобедимость.

В таких условиях логика Обамы вполне прозрачна — ему требуется превратить поражение в победу, и договоренности с Ираном, входящим в коалицию победителей сирийской войны, делают поражение США чисто техническим. Таким продуманным хитрым ходом, хотя, конечно, он таковым не является ни разу.

Иран, понимая всю вынужденность шагов США, вполне справедливо подзревал и продолжает подозревать Обаму в двойной игре. Тем не менее

договоренности с Западом Ирану нужны ничуть не меньше. Очень сложная экономическая ситуация, падение продаж нефти, инфляция плюс неудачные эксперименты президента Ахмадинежада вместе с его эскападами вынуждают Иран идти навстречу Западу в обмен на снятие санкций.

Первые же заявления нового президента Ирана Роухани показывают, что Иран готов к переговорам, включая и прямые. Об этом четко сообщил даже аятолла Хаменеи.

Проблема Обамы и Роухани с Хаменеи в том, что такой расклад совершенно не устраивает Израиль. Он превращается в статиста и объект политики США (что можно было бы проглотить) и Ирана (что недопустимо по определению).

На свет божий вытаскивается изученный вдоль и поперек тяжеловодный реактор IR-40 в Араке. МАГАТЭ контролирует весь ход его строительства, технологические условия и в будущем — все технологические процессы. Реактор предназначен для производства изотопов медицинского назначения и для нужд сельского хозяйства. Однако чисто теоретически его можно использовать и в качестве наработчика плутония-239 (так называемого «бридера»). Как это сделать подпольно при контроле МАГАТЭ, израильского премьера не интересует. Ему важен повод.

Появляется информация о готовности Израиля бомбить Арак до того, как в него начнут загружать материалы: дескать, Израиль настолько обеспокоен экологией региона, что гуманитарная бомбардировка должна быть проведена без опасности заражения местности. При этом срок сдачи реактора IR-40 — 2014 год. Времени остается очень немного.

Израиль начинает игру на шантаж. Начинает с весьма выгодной позиции. Сама угроза бомбардировки вынуждает США определяться с ней. Заявить о своем категорическом несогласии с такой политикой Израиля — слишком явно демонстрировать свою заинтересованность в переговорах с Ираном. Поддержать Израиль — сорвать переговоры.

В случае если шантаж не пройдет, Израиль вполне может и провести бомбардировку объекта в Араке. По сути, ничем не рискуя и получая в любом случае требуемый результат. Если израильские ВВС сумеют отбомбиться и вернуться обратно — это будет пощечина Ирану и демонстрация его военной ничтожности. В таких условиях сам Иран не пойдет на переговоры — слишком низко упадет его авторитет. В случае героической гибели пилотов Хель Хавир США не смогут рукоплескать меткости бойцов ПВО Ирана. Скорее наоборот. Срыв переговоров на любой стадии обеспечен.

Нетаньяху, скорее всего, отдает себе отчет в том, что его позиция вдруг стала определяющей, — и наверняка постарается извлечь из этого максимум выгоды.

В таких условиях Обаме совершенно безразличен какой-то там Сноуден и даже мистер Путин. Не настолько, чтобы не ехать на саммит «двадцатки» в Санкт-Петербург, но встречаться в двустороннем формате можно и не спешить. Эта встреча не критична, а публичное выражение недовольства вольностями русских позволит сохранить лицо.

Игорь Панкратенко

Сирийский «Сталинград» Тегерана

О гражданской войне и транснациональной интервенции в Сирии написано достаточно много и талантливо. «Фигурой умолчания» в этих работах является ирано-сирийский союз, поддержка Тегераном Башара Асада, последовательность и самоотверженность, с которой Исламская Республика отстаивает целостность оси «Дамаск-Тегеран». В политической лексике появился термин «сирийская глубина», под которым понимается огромная стратегическая значимость как ирано-сирийского союза, так и сохранение нынешнего режима в Дамаске для Ирана. Ходжат-оль-ислам Мехди Таеб, руководитель иранской базы Аммар, которая, помимо прочего, ведет разработку концепций применения Тегераном «мягкой силы», говоря о стратегическом значении Сирии, назвал ее 35-й провинцией, сказав при этом: «Если враг вторгнется в Сирию и иранский Хузестан, то приоритетом для нас будет удержание Сирии». В марте нынешнего года Али Акбар Велаяти, человек, который фактически формирует внешнюю политику Исламской Республики, заявил: «если мы потеряем Сирию, то мы будем не в состоянии удержать Тегеран». Но в чем, по большому счету, заключается значение Дамаска для Ирана? И, главное, не произойдет ли теперь, при новом президенте Хасане Рухани, ревизии понимания «сирийской глубины» и отказа от поддержки Асада под давлением экономических проблем, репутационных издержек и дипломатического прессинга Запада, который намерен добавить «сирийский вопрос» в пакет требований к Ирану?

Ирано-сирийский союз, возникший с первых месяцев существования Исламской Республики — достаточно уникальное явление. Во-первых, по своей продолжительности. 34 года — огромный срок, особенно если учитывать, какие изменения произошли в мире и на Ближнем Востоке за этот период, от крушения биполярного мира и окончания холодной войны до краха Саддама Хусейна и возникновения нового суннитского альянса во главе с Саудовской Аравией.

Во-вторых, этот союз оказал за три десятилетия огромное влияние на ситуацию в регионе. Ось «Дамаск-Тегеран» была тем препятствием, которое своим существованием сорвало целый ряд проектов США, Израиля, Ирака, а сегодня стоит на пути проектов саудовских и турецких. Именно ирано-сирийский союз сорвал планы Саддама Хусейна на гегемонию в регионе, он же привел к провалу стратегии Тель-Авива по включению Ливана в израильскую орбиту.

В-третьих, уникальность союза заключается в том, что и Дамаск, и Тегеран являются ключевыми точками Большого Ближнего Востока. О значении Ирана в «ближневосточных раскладах» уже говорилось, а вот о значении Сирии очень точно сказал Патрик Сил в своей классической «Битве за Сирию»: «тот, кто управляет Сирией (или же имеет с ней особые дружеские отношения), может блокировать усилия любых других арабских государств и противостоять любым их союзам».

Ирано-сирийская глубина

В уже упоминавшемся заявлении Мехди Таеба были такие слова: «Иранская линия фронта находится в Сирии». И хотя само это заявление вызвало волну негативных откликов и за рубежом, и в самом Иране, но причиной критики было лишь то, что ходжат-оль-ислам Таеб сказал жесткую правду, не прикрытую требованиями политкорректности. Без увеливаний и оговорок назвал черное — черным, а белое — белым, что по нынешним временам не очень-то приветствуется вне зависимости от того, в какой стране это говорится.

По иранским оценкам, Дамаск является сегодня «золотым звеном цепи сопротивления Израилю», а значит, косвенно, является важным элементом противодействия плану США в регионе. Потеря Сирии приведет к утрате Тегераном возможности влиять на Левант, а значит — существенно ослабит его возможность противостояния Израилю. Утрата Дамаска будет означать для Исламской Республики в том числе и невозможность поддерживать Хизбаллу, которая в таком случае из боевого отряда противодействия Израилю превратится в одну из политических партий Ливана, ну а там уже ее быстро «сожрут» конкуренты. Шиитский анклав Леванта, который сейчас держится на усилиях Хизбаллы, будет отрезан от канала внешней поддержки. В условиях региона это будет означать, что его гибель и кровавая резня жаждущих реванша политических конкурентов — лишь вопрос времени.

Естественно, что цепная реакция от потери Сирии лишь Левантом не ограничится, а затронет весь «шиитский полумесяц». Шииты Ирака утратят потенциал к сопротивлению и вынуждены будут пойти на изначально неравный диалог с соотечественниками-суннитами. Диалог — это, конечно хорошо, но проблема в том, что первую скрипку на этих переговорах со стороны суннитов будет играть «Аль-Каида в Ираке» и тесно связанные с ней радикальные организации, которые она сейчас словом и пулей сплачивает вокруг себя.

Следующим этапом утраты Тегераном своих позиций в «шиитском полумесяце» станет возможность для Саудовской Аравии, Катара, Бахрейна и Эмиратов после поражения Асада бросить все силы для подавления недовольства шиитов в монархиях Персидского залива. Давить будут жестко и кроваво, Запад предпочтет «закрыть глаза», предоставив команде «непотопляемого авианосца» «Аравия» свободу рук. Ну а там, обеспечив прочность собственного тыла, монархии Залива уже не будут иметь никаких ограничений для своей «идеологической» экспансии как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Азии, подкрепленной возможностями вооруженных отрядов «джихадистов».

Алармизма в данном сценарии — самый минимум. Аравия и Ближний Восток сегодня — это кипящий котел, в котором скопилась критическая масса взрывоопасного элемента. Вопросом физического выживания монархий Персидского залива является направление всего этого элемента подальше от собственных границ, в «шиитский полумесяц», в Африку, в Центральную Азию. Только это обеспечит стабильность для извлечения сверхдоходов от продажи энергоресурсов и монархиям, и транснациональным корпорациям. Ну а то, что будет твориться в других регионах — это уже не проблемы монархий, США и Израиля. Цинично? Ничуть, нормальная такая геополитика, примат собственных интересов и политическое самосохранение...

Кроме того, в этом раскладе есть и еще один приз. Лишенный своего влияния в «шиитском полумесяце», окруженный по периметру собственных границ недружественными режимами, Иран утрачивает статус региональной державы, утрачивает возможность противостоять экспансии Запада и натиску салафитов на пространстве «Большого Ирана», от Багдада до Карачи. При таких условиях, организация падения Исламской Республики — чисто техническая проблема. Именно в этом суть «ирано-сирийской глубины», именно понимание таких стратегических последствий падения Дамаска под натиском объединенных сил внутренней оппозиции и транснациональных интервентов, заставляет Тегеран оказывать беспрецедентную помощь Асаду, в объемах, которые Исламская Республика не оказывала еще никому.

«Сирийская повестка» для Хасана Рухани

Сирия уже «обошлась» Ирану, по разным оценкам, в 13–15 миллиардов долларов, что является огромным бременем для экономики Исламской Республики, изнемогающей под гнетом «калечащих санкций». Через Ирак в Сирию идут боеприпасы и военное снаряжение, морем осуществляются поставки нефти, иранские советники принимают участие в боевой деятельности сирийских подразделений, иранская разведка обеспечивает как поступление оперативной информации, так и поддержку действий специальных сил. Как долго готов Тегеран поддерживать Дамаск и как далеко он готов пойти в поддержке Сирии? Эти вопросы стали особенно актуальными после избрания президентом Хасана Рухани и после провозглашения им (пусть пока лишь только декларативно) принципа умеренности во внешней политике.

Без преувеличения можно сказать, что обнародования планов Тегерана в отношении дальнейших связей с Дамаском и регион, и мир ждут затаив дыхание. В антисирийской коалиции полны надежд, что Иран отступит, но насколько оправданы эти надежды?

Сразу необходимо сказать, что мелькающие в медиа заявления о возможности прямого участия иранских вооруженных сил в сирийском конфликте — откровенная ложь. Еще администрация Ахмадинежада четко обозначила границы вовлеченности Ирана — экономическая помощь, военно-техническое сотрудничество, максимальное содействие на уровне специальных служб. Но свои политические проблемы народ Сирии должен решать сам. Предложенный Тегераном осенью минувшего года план «сирийского регулирования» изначально был планом политическим, а уж никак не сило-

вым. Этот план предусматривал прекращение огня, отмену односторонних санкций в отношении режима Башара Асада, освобождения политических заключенных, начало национального диалога, формирование правительства переходного периода и последующих президентских и парламентских выборов.

Следует особо обратить внимание, что при составлении этого плана Иран отнюдь не безоговорочно одобрял все действия режима Башара Асада. Иранские официальные лица неоднократно говорили, что сирийское руководство допустило ряд грубых ошибок. Но в то же время иранская сторона подчеркивала, что только внутрисирийский диалог является средством, которое может эти ошибки исправить. Эту позицию иранцы и, в частности, министр иностранных дел Али Акбар Салехи пытались донести и до сирийской оппозиции, умеренной ее части, в ходе переговоров с Ахмедом Моузом аль-Хатибом на конференции по глобальной безопасности в Мюнхене. Оппозиция отказалась от диалога и от посредничества Ирана, связав свое будущее с антисирийской коалицией Запада и монархий Залива. Как выяснилось — зря...

Судя по всему, тактика нового президента Ирана в отношении Сирии будет состоять из двух элементов: всемерная поддержка Башара Асада как легитимного руководителя Сирийской Арабской Республики и максимум усилий для мирного урегулирования конфликта политическими средствами. Причем, особо нужно отметить, что Тегеран Асада не сдаст ни при каких обстоятельствах, добившись диалога с ним оппозиции. А упор в этом диалоге сделает на формировании приемлемого (не враждебного Ирану) состава правительства национального единства.

Заинтересованность Тегерана в скорейшем мирном урегулировании и начале внутрисирийского диалога диктуется следующими обстоятельствами:

Первое. Совершенно очевидно, что статус-кво марта 2011 не может быть восстановлен, сегодня политический ландшафт Сирии изменился кардинально, появились новые силы, интересы которых требуют учета во имя обеспечения мира;

Второе. Продолжение вооруженного конфликта и вовлечение в него новых участников ведет к дестабилизации Ливана и Ирака, ставит под удар позиции Хизбаллы и правительства аль-Малики, а, следовательно, — создает угрозу стратегическим интересам Исламской Республики.

Третье. Урегулирование сирийского конфликта политическими методами будет являться серьезным аргументом Ирана для подтверждения своего статуса региональной державы, укрепления позиций на переговорах по ядерной программе и последующих переговорах по формированию системы безопасности на Большом Ближнем Востоке.

Четвертое. Разрешение сирийского конфликта позволит существенно ослабить накал суннитско-шиитского противостояния, искусно подогреваемого извне, а значит, сохранит влияние Исламской Республики в «шиитском полумесяце».

Пятое. Руководство Исламской Республики осознает, что из-за экономических трудностей и воздействия «калечащих санкций» не сможет оказывать Асаду материальную и финансовую поддержку в необходимых объемах дли-

тельное время, а потому скорейшее урегулирование отвечает и экономическим интересам Тегерана.

Шестое. Нижней границей уступок, на которые Иран готов пойти в Сирии, является формирование в Дамаске правительства национального единства, которое не будет враждебным по отношению к Ирану.

Именно эти обстоятельства и будут диктовать «сирийскую повестку» нового иранского президента. При определенной разности подходов к международным проблемам, у Ахмадинежада и Рухани, а точнее — у тех иранских политических элит, взгляды которых они выражают, есть общее понимание, что западные санкции и деятельность антииранской коалиции не прекратятся до тех пор, пока существует Исламская Республика в ее нынешнем виде. Исходя из этого понимания, Тегеран не намерен идти на демонтаж «оси сопротивления», на отказ от партнерства с Сирией, поскольку никаких ответных уступок он за это не получит, а его «сговорчивость» обернется стратегическим поражением.

Россия и «битва за Дамаск»

Позиция Тегерана, опирающаяся на внутрисирийский диалог как основу национального примирения, выглядит куда как прогрессивнее и демократичнее позиции Запада, стремящегося принести «демократию» извне, на штыках «оппозиции», которая давно уже перестала быть «сирийской», превратившись в «черные интернациональные бригады» экстремистов и террористов. Внутренняя правота этой позиции, ее безальтернативность для мирного процесса в Сирии и во всем регионе, дают основания предполагать, что Иран и при новом президенте выдержит свою «битву за Сирию» до конца.

На схожести позиций, на признании права сирийского народа самому решать свою судьбу, на необходимости внутрисирийского диалога строится и сложившееся в «битве за Дамаск» российско-иранское партнерство. Собственно, это партнерство имеет все перспективы перейти на новый уровень, в партнерство по созданию системы региональной безопасности. Между Ираном и Россией в Леванте и на Ближнем Востоке в целом нет никаких антагонистических противоречий.

Более того, если говорить о последствиях сирийского кризиса — то и угрозы для Москвы и Тегерана общие. Потеря Дамаска обернется для Москвы следующим этапом салафитской агрессии, только уже на самых ближних рубежах — в Центральной Азии, на российском Кавказе и в Поволжье. Описывать последствия этого нет необходимости, потому как они вполне укладываются в краткое определение — «катастрофа для России».

Заняв предельно четкую и ясную позицию по Сирии, Россия без особых усилий вернула себе часть авторитета и уважения на Ближнем Востоке, изрядно растроченного за последние два десятилетия. Только обозначив свою заинтересованность в политическом решении конфликта в рамках внутрисирийского диалога, только твердо высказав намерение осуществить поставки вооружений Дамаску на основе ранее заключенных контрактов — Россия уже заблокировала усилия антисирийской коалиции Запада и арабских монархий по «переформатированию» Сирии.

Прямым подтверждением нашей успешности в сирийском вопросе является и визит руководителя саудовской разведки Бандара бин Султана в Москву. Совершенно очевидно, что предложенная им российскому руководству взятка, давайте уж называть вещи своими именами, в \$15 миллиардов, да еще и обещание монополии Газпрома в Европе за отказ от поддержки Асада — это не только саудовская комбинация, это согласованная позиция всех участников антисирийской коалиции, включая и Вашингтон, и столицы Евросоюза. Видимо, других форм противодействия российско-иранскому партнерству по Сирии не осталось, только пытаться купить одного из участников этого партнерства.

Союз Москвы и Тегерана в деле ближневосточного урегулирования куда как более выгоден для нашей страны, чем всевозможные «комбинации» с Саудовской Аравией или же диалог с запутавшемся в собственной многовекторности ХАМАСом, к которому в последнее время призывает ряд экспертов. Свою готовность и, главное, постоянство в отстаивании принципов мирного урегулирования в Сирии и в регионе, верность союзническому долгу и взятым на себя обязательствам Тегеран уже продемонстрировал. Теперь слово за Москвой.

Эр-Рияд — Москва. Попытка банального подкупа на высшем уровне или что-то другое?

Победа Асада, а следовательно и Ирана, грозит обернуться крупнейшим геополитическим поражением для антисирийской арабской коалиции во главе с Саудовской Аравией. Для правящей династии в Эр-Рияде это не только военное фиаско, но и ее уход как лидера с политической сцены. Вот почему на миссию министра разведки Саудовской Аравии в ходе неожиданного визита в Москву была возложена задача резко изменить ситуацию, пойдя на беспрецедентный шаг — еще раз попытаться подкупить российских руководителей, сделав доллар главным аргументом саудовской дипломатии. Не секрет, что на антисирийскую и антииранскую кампании саудовские и катарские монархи уже потратили более 50 миллиардов долларов, но безрезультатно. И тогда во время переговоров с Владимиром Путиным принц Бандар бин Султан от имени короля Абдаллы бин Абдул Азиза решил добавить еще пятнадцать...

Странно, но еще месяц назад министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал обвинял Россию в «поддержке геноцида в Сирии» и заявлял, что сотрудничество с Башаром Асадом наносит непоправимый ущерб интересам Москвы на Ближнем Востоке, что мусульманский мир отвернулся от России, делающей ставку на нынешний режим в Дамаске. Международные средства массовой информации и эксперты не успели еще обсудить далеко идущие последствия этого демарша, а в Москву, в столицу государства, «поддерживающего геноцид» и «являющегося одним из оплотов безбожия», прибыл принц Бандар бин Султан, глава саудовской разведки и генеральный секретарь Совета национальной безопасности Королевства. Жизнеописание этого человека, его роль в «обустройстве» региона, в формировании ближневосточной политики Вашингтона, где Бандар просидел послом 22 года и был более чем близок и с Рейганом, и с семьей Бушей, рассказ о головокружительных комбинациях и формировании им просаудовского лобби на американском политическом Олимпе заслуживает отдельной книги. Отметим лишь постоянство двух его принципов — враждебное отношение к России и ненависть к Исламской Республике Иран, которые бин Султан считает главными геополитическими противниками Королевства. Но принципы — это одно, о них можно и нужно забыть, когда

предлагаешь сделку потенциальному и извечному противнику. А именно с таким предложением и прибыл бин Султан в Москву.

Информации о переговорах Путина и главы саудовской разведки в официальных медиа — мизер, но в данной ситуации вполне достаточно того, что сообщают о встрече и ходе четырехчасовой беседы хорошо информированные источники и в Москве, и в ряде стран Ближнего Востока. Даже явно преднамеренный «слив» дозированной информации, организованный агентством Рейтер, здесь особой роли не играет, хотя и добавляет пикантный нюанс к тому, как Запад воспринял этот визит. На встрече с Бушем-младшим бин Султан одевался неформально и светски — джинсы, пиджак. Свои люди, повязанные совместными проектами и финансовыми операциями, чего уж там... На встречу с Путиным он прибыл весьма официально одетым, подчеркивая тем самым не только важность своих предложений, но и пытаясь создать впечатление, что говорит с российским президентом от имени прежде всего «цивилизованного» мусульманского мира.

Итак, что предлагал глава разведки Королевства и Генеральный секретарь Совета национальной безопасности Саудовской Аравии Президенту России?

Первое. Вопреки появившимся версиям, бин Султан не предлагал России прямой оружейный контракт с Королевством. Он прекрасно понимал, что на фоне предыдущих обещаний, о которых ниже будет сказано, данное предложение будет выглядеть, мягко говоря, неуместно. Поэтому в «оружейном плане» России была предложена схема, по которой Саудовская Аравия оплатила бы закупки российского оружия Египтом, Ливией, Тунисом и Йеменом. Вполне, кстати, работающая схема, именно по такому принципу, оплата третьей стороной, осуществляются наши поставки в Ирак и Афганистан.

Второе. Бин Султан предложил российской стороне долгосрочный беспроцентный заем на максимально льготных условиях (чуть ли не по принципу «отдадите, когда сможете») для вложений в модернизацию предприятий российского ВПК.

Третье. Принц заявил, что саудовская сторона, используя свое влияние на Катар, готова приложить все усилия к ослаблению конкурентной активности эмирата на европейском газовом рынке с тем, чтобы создать максимально комфортные условия российскому Газпрому.

И, наконец, четвертое. Бин Султан дал понять Путину, что сегодня международное сообщество (США, ЕС и Королевство), ведет консультации о создании нового антитеррористического альянса, призванного противостоять новой реинкарнации аль-Каиды — своеобразной «аль-Каиды 2.0». И что Россия могла бы занять в этом альянсе достойное ее лидирующее место, став, таким образом, якобы равноправным стратегическим партнером США и ЕС.

Общая цена предложений принца щедря как посулы джиннов из «Тысячи и одной ночи» — 15 миллиардов долларов. А взамен от России и требуются то сущие пустяки: во-первых, отказаться от поддержки Башара Асада, не препятствовать принятию СБ ООН резолюции по Сирии, в которой предусмотрены санкции, бесполетные зоны и возможность «гуманитарной интервенции» по ливийскому сценарию. Во-вторых, ужесточить свою позицию

по иранской ядерной программе и отказаться от осуждения односторонних санкций, принятых США и Евросоюзом. Словом, в своих предложениях бин Султан не вышел за традиционную линию саудовской внешней политики — максимально ослабить Иран путем свержения Башара Асада.

Кипящий котел для Королевства

О «двойном дне» саудовских предложений поговорим чуть позже. Сейчас важнее понять, что подтолкнуло бин Султана на беспрецедентный дипломатический шаг и от имени кого он выступает — только от королевской семьи или же в его предложениях торчат уши Вашингтона и европейских столиц. Бандар бин Султан в пасьянсе саудовской династии прав на трон не имеет, его мать была не женой, а лишь наложницей наследного принца. Но его место в политической элите Королевства трудно переоценить. Именно он сегодня активно участвует в формировании внешней политики Королевства. Источник его влияния, восстановленного после ареста и непродолжительного заключения в 2008 году, покоится на «двух китах». С одной стороны — тесные отношения с набирающим все больший вес младшим сводным братом Салманом бин Султаном, претензии которого на престол вполне реальны и весомы. С другой — теснейшие связи с американской деловой и политической элитой, причем связи эти скреплены совместными финансовыми интересами. Больше того — Бандар бин Султан в силу и своего опыта, и своего положения, и своих способностей видит дальше и больше, чем остальные члены королевской семьи. И то, что он видит, та реальная картина международного положения Королевства и внутривнутриполитической ситуации в нем — заставляет его бить тревогу и идти на нестандартные дипломатические ходы.

Накал социальных противоречий в «счастливой Аравии» — отдельная тема, но и на международной арене положение Эр-Рияда выглядит не лучшим образом. Да, в Египте свергнут Мурси, которого поддерживал Катар. Саудовская Аравия обеспечила лояльность египетских исламских экстремистов — салафитов — к армейскому перевороту. Но в данном случае Королевство играло за чужие интересы. Египет без Мурси нужен в первую очередь США и Израилю, пока не завершилась внутренняя смута, а с братьями-мусульманами в Каире разбираться будут еще долго, Египет не в состоянии подыграть саудитам в антисирийской и антииранской партиях. Кроме того, события в Египте обострили отношения Саудовской Аравии с Турцией. Характерно, что турецкий премьер Эрдоган своего негативного отношения к свержению Мурси, а заодно — к тем, кто этому свержению способствовал, не скрывает и свое неудовольствие Эр-Рияду уже высказал.

Да, удалось путем рокировки внутри катарской династии заставить эмират отказаться от лидерских амбиций и конкуренции с Саудитами за первенство в арабском и мусульманском мире. Но вот надолго ли? Обеспечив династические перестановки, Эр-Рияд отнюдь не обеспечил лояльность Дохи, и стремление к реваншу как политическая линия эмирата — лишь вопрос времени, достаточно Эр-Рияду на чем-то споткнуться...

А споткнуться есть где. Замалчиваемый, словно и несуществующий Бахрейн, вопреки территориальной малости имеет огромное значение для королевской династии. Ввод саудовского контингента, фактическая и ре-

альная оккупация, массовые репрессии против шиитского большинства, полное попрание международных стандартов — особого результата не дали. Партнеры по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) только многозначительно молчат, когда Эр-Рияд говорит о «руке Тегерана» в бахрейнских событиях. Им, как никому другому, известно, что до оккупации, до массовых репрессий саудовских спецслужб, шииты Бахрейна отнюдь не ориентировались в политическом отношении на Иран. И то, что сейчас оппозиция радикализуется и ищет опору в Тегеране — прямой результат саудовского «замирения». У партнеров по ССАГПЗ возникает и такой вопрос: «Если Тегеран способен без видимых усилий обеспечивать такой уровень оппозиционной активности у шиитов Персидского залива, что вся мощь Эр-Рияда оказывается бессильна, то не лучше ли пойти на диалог с Тегераном и обеспечить добрососедские отношения?»

Есть и еще одно обстоятельство, нервирующее королевскую династию. Ситуация в Бахрейне — мина замедленного действия в международном плане, а контактный взрыватель этой мины находится в Вашингтоне и Москве (причем, Москва значимость этого факта, как представляется, не осознает). В любой момент Москва может инициировать слушания по массовым нарушениям прав человека в Бахрейне, поставить вопрос о фактической оккупации страны Саудовской Аравией на Совете Безопасности ООН. Вашингтон, разумеется, наложит вето, но он будет вынужден снять информационную блокаду вокруг Бахрейна, отказаться от двойных стандартов, и для успокоения общественного мнения внутри самих США поставить перед Эр-Риядом целый ряд очень неудобных вопросов о соблюдении прав человека, к которым Америка относится столь «трепетно». Но судьбоносный рубеж, от которого, без преувеличений, зависит будущее династии, проходит не только и не столько в Бахрейне.

Перспектива стратегического одиночества

На победу в Сирии, на свержение Асада Эр-Рияд поставил все. Победа и установление контроля над Дамаском стали бы самым драгоценным бриллиантом саудовской короны. Дуплет — падение ненавистного Асада и стратегическое поражение Тегерана, после которого Иран начнет терять статус одного из региональных лидеров и свое влияние как ведущей исламской державы. Только вот победы не получается. Антисирийская коалиция рушится на глазах. Блицкрига не получилось, и сейчас каждый из участников этой коалиции лихорадочно ищет возможность выйти из конфликта с наименьшими потерями, оставляя династию наедине с Дамаском и Тегераном.

С конца минувшего года Эр-Рияд достаточно жестко критиковал Вашингтон за отсутствие последовательности в сирийском вопросе и двойственность позиции. Сегодня можно сказать, что подозрения Саудитов в ненадежности США по сирийскому и иранскому вопросу оправдались. В первых, вопреки усилиям израильского и саудовского лобби, да и собственных «ястребов», администрация Белого Дома более склоняется к диалогу с Хассаном Роухани, чем к продолжению противостояния. Разумеется, Вашингтон рассчитывает, что этот диалог пройдет на американских условиях, разумеется, в ходе этого диалога администрация Обамы потребует гарантий безопасности для Эр-Рияда и Тель-Авива. Но — это будет партия Вашин-

гтона, а Саудиты останутся лишь наблюдателями, о планах регионального переустройства по саудовским лекалам придется забыть.

Во-вторых, в отношении Дамаска Вашингтон достаточно недвусмысленно дал понять, что не намерен активно «вкладываться» в сирийскую оппозицию. Более того, согласно полуофициальной информации, Обама уведомил Москву, что никаких массивов поставок оружия сирийской оппозиции не будет. Об этом же официальные американские представители уведомили и «дружественную» Сирийскую национальную коалицию.

Будучи проинформированными о таком решении Вашингтона, в европейских столицах вполне обоснованно решили, что им тоже нет никакого резона слишком активно и демонстративно вмешиваться в сирийские дела. Франция уже отказала «повстанцам» в ПЗРК «Мистраль», а Великобритания отделяется туманными обещаниями. Визит Бандара бин Султана в эти страны, и его прямые переговоры с руководителями европейских держав ситуации не изменили. Европейцы заверили принца, что они, безусловно, будут приветствовать военную победу оппозиции, признают новую власть в Дамаске, не откажут в помощи на последних этапах — но в настоящее время вязнуть в Сирии не хотят. Аргументы бин Султана о том, что западное оружие не попадет в руки «экстремистов» Европу все-таки не убедили.

Столь же безрадостно складывается ситуация и на «восточном» фланге антисирийской коалиции. Катар фактически самоустранился, избрав для этого вполне логичный довод для Эр-Рияда: «Вы хотели, чтобы мы отказались от региональных амбиций и снизили внешнеполитическую активность? Будь по-вашему, но теперь сами все расхлебывайте». Сирия вообще стала роковой страной для Катара. Вспоминается эпизод в ООН, когда представитель эмирата пообещал постпреду Российской Федерации при ООН Виталию Чуркину, что «Россия еще пожалеет о своем голосовании» против резолюции по Сирии, подготовленной активными участниками антисирийской коалиции. Ответ Чуркина стал кошмаром для Катара... Ответ был все-таки пророческим, действительно, а где теперь Катар?

Не менее драматично обстоят для Эр-Рияда дела и с позицией Анкары. Глубокая вовлеченность в сирийский кризис обернулась политическим кризисом для самой Турции. Последний телефонный разговор Эрдогана с Путиным, в котором турецкий премьер попытался еще раз обосновать свою антиасадовскую позицию, закончился показательно глухим непониманием со стороны Москвы. Дальнейшая поддержка оппозиции сегодня приносит Анкаре исключительно минусы. Перспективы свержения Асада становятся все более туманными, а вот бесчинства сирийских «повстанцев» на турецкой территории, серьезное охлаждение отношений с Тегераном и Москвой, внутривосточный кризис — вполне уже реальность, изменить которую можно только отказом от участия в антисирийской коалиции. К чему Анкара и склоняется.

Конечно, «разброд и шатания» в антисирийской коалиции могут закончиться в любой момент, стоит только оппозиции добиться хоть сколько-нибудь значимых военных успехов. Но их пока нет, и перед Эр-Риядом в полный рост стала перспектива стратегического одиночества на сирийском фронте, которое может закончиться только поражением для династии. Восток не признает полумер, а потому политическое поражение обернется для пра-

вящего двора Саудов физическим уничтожением. Именно на фоне столь безрадостных перспектив стратегического одиночества и возможного поражения в региональном противостоянии династия и решила пойти на некий прорыв, командировав Бандара бин Султана в Москву.

Российское партнерство с Эр-Риядом: «курс для «чайников»»

Разумеется, главный саудовский разведчик поставил и Вашингтон, и Париж, и Лондон в известность о сути предложений, которые он вез Путину. Но Запад, судя по всему, ни особых иллюзий по поводу успешности его визита не питал (информация со «сливом» Рейтера по итогам визита и комментарии западных СМИ достаточно злорадны), ни «подписываться» в качестве гарантов его инициатив никто из «западных партнеров» не собирался. Поэтому если в основе визита бин Султана в Москву было отчаяние, то в основе его предложений — блеф.

Разумеется, не прошли и «газовые инициативы» для взаимопонимания, как не имеющие сейчас особого смысла для России. Для Европы сейчас главное даже не цена, а именно расширение конкуренции на рынке поставщиков. Стремление сократить долю Газпрома на европейском рынке — единое решение Евросоюза, и договоренности России с Катаром, достигнутые при посредничестве Эр-Рияда, здесь роли не сыграют. Возникни такая договоренность — Европа попросту увеличила бы закупки, например, в Ливии, Алжире, Норвегии, да где угодно, вплоть до отмены санкций в отношении Ирана. Наши «газовые отношения» с Европой столь деликатная тема, что третий здесь более чем лишний. Россия имеет возможность расширить свое влияние на некоторых европейских и азиатских рынках, но никогда не сможет заместить Ближний Восток в качестве основного поставщика энергоносителей для всего мира.

Некая новая «антитеррористическая коалиция» и роль лидера в ней России? Спасибо, но мы уже одну антитеррористическую коалицию поддержали, до сих пор от баз США и НАТО в Центральной Азии, геостратегическом подбрюшье России, избавиться не можем. На фоне тупика по ПРО, активности НАТО в Черном море и на Каспии, территориальных претензий к России в Арктике нам коалиция с геополитическими оппонентами совершенно не нужна, в текущих противоречиях бы разобраться.

Ну, а «оружейные контракты» с саудовцами и кредиты от них — это вообще «картина маслом». Напомним немного интересной истории. В 2007 году во время визита Путина в Саудовскую Аравию глава МИД КСА Сауд аль-Фейсал заявил о возможности заключения контрактов между Россией и КСА на поставку вооружений на общую сумму от \$4 миллиардов. Предметом контрактов стало возможное приобретение Саудовской Аравией: 150 танков Т-90, 100 вертолетов Ми-17 и Ми-35, 100 БМП-3, 20 комплексов ПВО. Чуть позже выяснилось, что переговоры с Россией были игрой Эр-Рияда, преследовавшей цель надавить на сенат США и западноевропейских партнеров, заставить их «подвинуться» в цене и условиях поставки американского и европейского оружия. Иного ожидать было бы по меньшей мере наивно, учитывая, что основу вооружений стран Персидского залива составляют

американские и западноевропейские образцы. Игра саудитов получила информационную поддержку и американских производителей оружия, которые на слушаниях в Конгрессе о предоставлении оружейникам льгот, кредитов и особых условий экспорта вооружений в страны Персидского залива заявляли: «если саудиты не будут на льготных условиях покупать у нас, то они будут покупать у русских». Этот трюк поучительно сработал, игра удалась, огромный оружейный контракт получили США. Россия осталась ни с чем.

Второй эпизод, уже из истории президентского правления Дмитрия Медведева. Стремясь разрушить наметившееся в первый срок Путина российско-иранское сближение, саудиты, не мудрствуя лукаво, предложили сменившему его Медведеву оружейный контракт на 7.2 миллиарда долларов (из них три «отступные», в виде безвозвратного кредита). Условий получения было всего три: 1) не продавать Ирану С-300; 2) пересмотреть свои контракты на поставку российского оружия Сирии в сторону полного прекращения этих поставок; 3) не ветировать резолюции по Сирии, которые будут предусматривать «гуманитарной интервенции» и присоединиться к санкциям против Ирана или, как минимум, не накладывать вето на резолюцию СБ ООН, предусматривающую их ужесточение. И хотя практически все пожелания саудовской стороны были выполнены, но денег опять не поступило, а закупки российского оружия так и не начались.

Все объясняется просто. В отношениях с Саудовской Аравией следует учитывать, что это своего рода «непотопляемый авианосец» США на Ближнем Востоке и правящий дом никогда не откажется от этого статуса. Ради отношений с третьими странами Королевство никогда не пожертвует стратегическим партнерством с США, это аксиома и главное содержание «Курса партнерства с Эр-Риядом для «чайников»». Повторим еще раз: российско-саудовское партнерство может носить только временный характер и не имеет перспектив на развитие сверх сотрудничества в определенных, весьма узких границах. Возможные выгоды от этого партнерства столь малы, что не стоят отказа от геополитических интересов в регионе.

Стратегия Вашингтона на Ближнем Востоке держится сегодня на двузубой вилке — Эр-Рияд и Тель-Авив. И сколько бы Россия не старалась, ни один из зубцов этой вилки от стратегического партнерства с США не откажется. Столь же наивной является и надежда завязать «особые отношения» с Королевством через военно-техническое партнерство. Армия, Национальная гвардия и спецслужбы Саудовской Аравии ориентированы на Вашингтон. Антишиизм, русофобия, ненависть к лозунгу «Вахда, хуррийа, иштиракийа» («Единство, свобода, социализм»), который сирийская правящая партия БААС предложила всему региону, составляет идейную основу для агрессивных акций саудовских силовиков. Армия и силовые структуры королевства — это носители проамериканской идеи. Собственно, они и состоялись только и исключительно на военно-техническом сотрудничестве с Вашингтоном и Лондоном. Благополучие саудовских силовых структур одинаково зависит и

Ради отношений с третьими странами Королевство никогда не пожертвует стратегическим партнерством с США

от лояльности к династии, и от добрых отношений с американской политической элитой. Поэтому какая-либо переориентация на Москву или другие столицы попросту невозможна.

По оценки иранских экспертов, у Путина, видимо, неэффективные советники по ближневосточным делам. Впрочем, по иранским проблемам, имея в виду не просто Исламскую Республику, а «Большой Иран», геополитическое пространство от Леванта до Пакистана, — еще хуже. Сожаления иранцев понятны. За некомпетентность и догматизм этих советников россияне уже заплатили поражениями в Ливии, потерей позиций в Ираке, «готовятся проворонить» Иран. Россия откровенно мечется в поисках партнеров по диалогу с мусульманским миром. Москва не в состоянии сформулировать новые идеи и новые подходы для стремительно меняющегося «турбулентного Ближнего Востока». Сирия стала последним нашим рубежом, и то лишь благодаря тому, что Путин замкнул данный вопрос на себя, на авторитет уже признанного политика. Да, действительно, у России пока еще нет потенциала для ведения на Востоке наступательной политики. Но те же «асимметричные действия» по Сирии показали, что и того, что есть, при умелом применении вполне достаточно для ведения собственной партии и для отстаивания собственных интересов. Именно из-за этой твердой позиции весь мир повернулся к нам лицом. Именно из-за этого Бандар бин Султан приехал в Москву, а приезд других — лишь вопрос времени.

Сегодня в оценке реалий региона Путин больше опирается на интуицию и инстинкт самосохранения, нарабатываемый любым нормальным разведчиком в первую очередь. Кроме того, как политическая фигура общероссийского масштаба Путин состоялся на «северокавказском синдроме», начиная с Чечни. И он прекрасно помнит, кто был спонсором кровавой «кавказской бани». Именно эта интуиция, помноженная на инстинкт самосохранения и недоверие ко всему, что исходит от саудитов, позволили Путину ответить отказом на предложения Бандара бин Султана. Отчаянный маневр Эр-Рияда успехом не увенчался. С чем, собственно, нас всех и можно поздравить.

Отказ на предложения саудовской королевской династии может привести к поляризации в отношении к России на Ближнем Востоке. Москву пугают тем, что якобы весь арабский и исламский мир выступает против Асада, а мы и Иран его поддерживаем, теряя авторитет и возможных союзников. Надуманность и лживость подобных заявлений очевидны, они либо весьма корыстны, либо не от большого профессионализма. Так называемый «единый арабский мир», от имени которого выступает Эр-Рияд — это сказка, распространяемая реакционными исламскими СМИ, существующая только в головах некоторых экспертов и обывателей. А наблюдается другое. Твердость по Сирии прибавила России сторонников в регионе. Дело здесь не в Асаде, а в готовности отстаивать союзника, выполнять взятые на себя обязательства. Одним словом, конец переговоров с Эр-Риядом — это не конец света. Это начало Большого Диалога с новыми игроками ближневосточного региона.

Амин Парто

Анализ нового предложения России Ирану по поводу поставки С-300

Недavno появилась информация о новом предложении России по поводу продажи Ирану противоздушного комплекса С-300. По сообщению информационного агентства РИА-Новости, Москва предложила Тегерану отказаться от рассмотрения своей жалобы в Международном суде и взамен этого получить похожий комплекс из семейства С-300, а именно С-300ВМ, известный как «Антей-2500», или по классификации НАТО SA-23 Gladiator.

В 2007 году Иран заказал у России шесть единиц экспортного варианта мобильной многоканальной зенитной ракетной системы С-300ПМУ-1 (SA-20 Gargoyle по классификации НАТО) на сумму 900 миллионов долларов. Данная разновидность комплекса является улучшенной модификацией С-300П, проходящей по классификации НАТО как Sa-10 Grumble. Предположительно, переговоры на тему заключения контракта велись несколько лет и не придавались огласке. В 2007 году Иран целиком выплатил России всю оговоренную сумму. Тем не менее, российская сторона все больше затягивала с поставкой комплекса, пока, наконец, после принятия в Совете Безопасности ООН резолюции №1929, запретившей продажу оружия Ирану, президент Дмитрий Медведев подписал указ о введении эмбарго на поставки в эту страну российского оружия и, в частности, ракетного комплекса С-300. Вслед за этим Иран решил обжаловать подобные действия и заявил, что Россия должна либо поставить заказанный комплекс, либо вернуть выплаченную за него сумму, а также покрыть пенни за задержку поставки, неустойку за аннулирование договора и ущерб, нанесенный иранской стороне. По имеющейся информации, Иран потребовал от России компенсацию на общую сумму четыре миллиарда долларов. Как видно, Москва серьезно отнеслась к претензиям Тегерана и вступила с ним в переговоры, чтобы убедить отказаться от своей жалобы и требования компенсации.

Первым шагом России стало указание на политические последствия данного конфликта и на возможность прекращения своей поддержки в противостоянии Исламской республики с Соединенными Штатами. Однако данная стратегия не оправдала себя, потому что до сих пор Россия на деле не оказала Ирану никакой политической или дипломатической поддержки. Эта страна действительно использует свое право вето в Совете Безопасности ООН, не допуская принятия резолюции против Сирии, однако она воздерживается от подобных мер по отношению к Ирану, когда речь идет о

введении новых санкций. Иранские власти прекрасно осознают, что Россия не имеет ни воли, ни возможности, ни цели противостоять враждебным действиям Запада, направленным против Исламской республики.

Вторым шагом России стало предложение Ирану приобрести у нее альтернативные оборонные комплексы. Эта страна предложила к продаже еще больше количество зенитно-ракетных комплексов Тор-М1. Данная система, рассчитанная на запуск ракет средней или малой дальности, гораздо менее эффективна, чем С-300, и не способна поражать цели на большой высоте. Ее лишь можно использовать для поражения крылатых ракет и летательных аппаратов на средней дальности. К тому же Иран уже получил достаточное количество подобных систем в 2006 году. Очевидно, Россия также предложила к продаже более усовершенствованную версию этого комплекса, то есть Тор-М2, однако и она не очень заинтересовала иранскую сторону, потому что по мощности и эта модель уступает С-300.

Последним предложением России стала поставка Ирану С-300ВМ. Соединенные Штаты сразу же заявили свой протест, однако сделали это уже в более мягкой форме, подчеркнув, что в случае заключения сделки само российское правительство будет в ответе за возможное нарушение резолюции №1929. Вероятно, данная позиция США означает их косвенное согласие на то, чтобы Иран забрал свой иск против России и не требовал от нее возвращения выплаченной суммы и других компенсаций. Однако сам Иран прохладно воспринял такое предложение. Посол Исламской Республики в России Махмуд Реза Саджади выразил свое несогласие с заменой С-300ПМУ-1 на С-300ВМ. Анализ технических характеристик двух этих модификаций комплекса С-300 позволяет понять, почему Россия и США согласились поставить именно С-300ВМ Ирану и почему тот протестует против этой замены.

Отличия С-300ПМУ-1 от С-300ВМ

В семействе зенитных ракетных систем С-300 две упомянутые модификации представляют собой усовершенствованные версии двух первоначальных комплексов. Они использовались еще в 1978 году под названием С-300ПТ и по классификации НАТО проходили как SA-10 Grumble. Вслед за революционным развитием электронных технологий вооружения и появлением антирадарных ракет у США, Израиля и ряда других западных стран, таких как Франция и Великобритания, России пришлось серьезно модифицировать собственные комплексы воздушной обороны. Неэффективность ливийских зенитных систем в противостоянии США в 1980 году, молниеносное уничтожение сирийской противовоздушной обороны в долине Бекаа в Ливане в ходе Первой ливанской войны в 1982 году и — самое главное — нейтрализация систем ПВО Ирака в 1991 году означало для русских одно: только начало технической революции может дать шанс на сохранение подобных комплексов в будущих военных конфликтах. Новым для российских систем ПВО стало увеличение дальности ракет, большая мобильность и перемещение наземных комплексов, максимальное сокращение времени установки, обнаружения цели и залпа по ней, использование ракет с системой самонаведения, увеличение сопротивления атакам компьютерных вирусов, а также использование невидимых радаров и увеличение мощности существующих.

По некоторым оценкам военных специалистов, зенитно-ракетный комплекс С-300ПМУ-1, известный по классификации НАТО как SA-20 Gargoyle, может отслеживать одновременно 100 объектов, находящихся с разных сторон, и обстреливать синхронно 12 целей. Время его развертывания составляет всего лишь пять минут, что является его серьезным преимуществом по сравнению с американским комплексом Patriot, установка которого занимает долгие часы. Как утверждают некоторые источники, радары российского ЗРК способны обнаружить объекты величиной с теннисный мяч на высоте от одного метра до 30 километров над уровнем земли. О точной дальности радаров слежения источники умалчивают (видимо, в целях конспирации), однако ракеты комплекса данной модификации способны поражать объекты на расстоянии 195 километров. Это означает, что зона их действия, учитывая невероятную скорость 1700 метров в секунду (в пять раз большую, чем скорость звука!), на 120 километров больше, чем у сверхскоростных самолетов-истребителей. По этой причине вывести из строя этот комплекс при помощи противорадиолокационных ракет будет весьма затруднительно. Россия разработала эту модификацию С-300 для отражения ударов бомбардировщиков, хотя ее можно также эффективно использовать против беспилотников и крылатых ракет.

Для отражения удара крылатых и баллистических ракет Россия сначала разработала модель этой же серии под названием «Антей-300», проходящую по классификации НАТО как SA-12 Giant. Ее более усовершенствованной версией и стал «Антей-2500» (SA-23 Gladiator). Данный комплекс, рассчитанный для отражения ударов крылатых и баллистических ракет, хотя и может использоваться против истребителей и бомбардировщиков, сконструирован не для этих целей. Другой вопрос касается дальности выстрелов ракет этих комплексов. «Антей-300» и «Антей-2500» способны запускать ракеты на расстояние соответственно 100 и 200 километров. Кстати, именно последняя версия комплекса была продана недавно Венесуэле. Сама Россия имеет на своем вооружении еще более усовершенствованный аналог с дальностью поражения 300 километров. Одним словом, «Антей-2500» по мощности и другим параметрам сильно уступает С-300ПМУ-1 и ни в коей мере не может послужить его заменой.

Потребности Ирана и будущее договора о поставке С-300

Учитывая оборонные потребности Ирана, можно сделать вывод о том, что, предлагая на продажу ракетный комплекс С-300ВМ (он же «Антей-2500»), Россия пытается серьезно обмануть Иран. Российское правительство вынуждают это делать возможные последствия иска Ирана в Международный суд. США прекрасно понимают, что С-300ВМ представляет гораздо меньшую опасность, чем С-300ПМУ-1, и поэтому нехотя все же согласятся с его поставкой Ирану. Самая серьезная угроза Ирану — это атака с воздуха тяжелыми истребителями и бомбардировщиками. Для отражения этой опасности (будь она со стороны Соединенных Штатов или Израиля) лучше всего подходит именно С-300ПМУ-1. Что касается угрозы со стороны крылатых ракет, учитывая их небольшую боеголовку (от 700 до 1000 килограммов), то для подземных ядерных объектов Ирана они представляют гораздо мень-

шую опасность. Кроме того, по сообщению из некоторых военных источников, задействуя большое количество систем, создающих помехи в работе спутников, Иран может нарушить системы контроля этих ракет. Наибольшую опасность для Ирана представляют самолеты, такие как F-22, F-15 и F-16, а также бомбардировщики B-1, B-2 и B-52. Комплекс С-300ПМУ-1, конечно, не лишен изъяна. По мнению некоторых военных специалистов, самолеты-невидимки, например, F-22, F-35 и B-2 могут пролететь незамеченными через радарную сеть самых усовершенствованных модификаций С-300. Тем не менее, этот комплекс чрезвычайно эффективен против самолетов, которые фиксируются радаром. Особенно это касается Израиля, который сейчас не располагает самолетами-невидимками и очень обеспокоен возможностью поставки Ирану мощного ракетного комплекса. Если же сами по себе невидимые радаром истребители и бомбардировщики, такие как F-22, полетят с внешней подвеской, в которой будет размещено оружие или запасы топлива, они сразу же будут замечены и атакованы. Наличие у Ирана мощного С-300ПМУ-1 с широкой зоной радарного слежения и большой дальностью ракет также сделает крайне опасными полеты рядом с его воздушным пространством самолетов-заправщиков. Мощные боеприпасы, разработанные для атаки на подземные ядерные объекты Ирана, могут быть доставлены только бомбардировщиками B-2. В случае если B-2 в одиночку полетят бомбить Иран и все же будут замечены радаром комплекса, в воздух будут подняты иранские истребители и таким образом враг попадет в ловушку. Именно по этой причине получение комплекса С-300ПМУ-1 является стратегической задачей для Ирана, и недопущение этого весьма значимо для Соединенных Штатов и Израиля.

Михаил Агаджанян

Иранская версия «сдержек и противовесов»: Никто не забыт, ничто не исключается

На следующий после инаугурации нового президента Ирана день его предшественник Махмуд Ахмадинежад был введен в состав Совета по определению политической целесообразности Исламской республики. Ранее же Ахмадинежаду прочили лишь скромное место главы Тегеранского технологического университета. Однако, события приняли иной оборот. Распоряжением верховного руководителя и духовного лидера Али Хаменеи экс-президент был выдвигнут в члены указанного Совета, что сразу дезавуировало предположения о его не востребованности высшей властью государства.

Примечательны слова, вошедшие в текст распоряжения Хаменеи и процитированные всеми СМИ Ирана. Рахбар объяснил свое решение «неоценимыми усилиями», которые бывший президент предпринял в ходе двух сроков пребывания во главе исполнительной власти. Подобная формулировка о многом говорит в политической практике Исламской республики. Как минимум о том, что известные сложности между Ахмадинежадом и видными членами иранской элиты в предыдущие 8 лет потеряли былую остроту. Ахмадинежад был многим неудобен в качестве президента Ирана, но, став одним из членов Совета по политической целесообразности, иранский «ястреб» может сослужить службу без последствий для сохранения монолитности властной вертикали.

Назначив Ахмадинежада в Совет, который продолжает возглавлять Али Акбар Хашеми Рафсанджани, Хаменеи ввел дополнительный элемент в общий баланс власти. Некоторым показалось, что избрание Хасана Роухани президентом, которого поддержали все близкие к реформаторскому крылу политические функционеры Ирана, укрепило позиции Рафсанджани и другого бывшего президента Мохаммада Хатами. Укрепило якобы настолько, что с ними теперь приходится считаться даже рахбару.

Возможно, в этих предположениях есть некое рациональное зерно. Но своим решением о назначении Ахмадинежада аятолла Хаменеи не только сбалансировал вероятные завышенные ожидания реформаторов от избрания Роухани. Главным внутренним приобретением рахбара стало утверждение себя в качестве стоящего «над схваткой» высшего должностного лица Исламской республики. Об утрате Хаменеи этой роли много говорилось по-

сле событий лета 2009 года. Тогда он включил все свои ресурсы влияния на стороне консервативных защитников ценностей исламской революции. Того требовала острота и массовость уличных протестов в Тегеране четырехлетней давности. Теперь Хаменеи может действовать в режиме кадровых решений, без откровенного принятия той или иной стороны в противостоянии властных группировок и идей на улицах столицы.

За Ахмадинежадом стоят наиболее консервативные силы Ирана. Ветеран ирано-иракской войны, прошедший школу Корпуса стражей исламской революции (КСИР), продолжает пользоваться уважением и доверием части иранской элиты, а также простых граждан страны. Признанные российские знатоки Ирана характеризуют КСИР в качестве наиболее сильной в силовом и экономическом плане организации Ирана.

В ситуации, когда все выдвинутые на последних президентских выборах представители консерваторов (участники «Трехсторонней коалиции консерваторов», секретарь Высшего совета национальной безопасности Саид Джалили) не сумели в сумме набрать больше голосов, чем один Роухани, наводит на интересные предположения. К примеру, о том, что если бы у Ахмадинежада была возможность выдвинуть свою кандидатуру на третий срок, то он получил бы никак не меньше голосов, чем второй номер «трехсторонней коалиции» Али Акбар Велаяти (результат последнего на выборах — 6,2%). А, возможно, сумел бы набрать и сопоставимое с первым номером консерваторов (мэр Тегерана Мохаммад-Багер Галибаф) количество голосов (16,5%).

Человек с таким капиталом симпатий значительной части иранского общества (в основном из числа сельского населения страны), за 8 лет пребывания у власти не подавший повода заподозрить себя в какой-либо коррупционной схеме (это особенно импонирует иранскому обывателю), не должен довольствоваться исключительно ректорским постом. Так посчитал рахбар и принял соответствующее решение.

Фактически Ахмадинежад переведен в условный «кадровый резерв» Хаменеи

Фактически Ахмадинежад переведен в условный «кадровый резерв» Хаменеи. Духовный лидер старается сохранить в своем «рукаве» все козыри. Прежде всего, по соображениям усиления механизмов «сдержек и противовесов» с иранской спецификой.

Рафсанджани пребывает в преклонном возрасте (ему 78 лет, он на 4 года старше рахбара). Сложно сказать, готовит ли Хаменеи ему замену в лице Ахмадинежада. Но все варианты возможных перестановок во властной иерархии духовный лидер сохранил. Монолитность власти усилена, ее ряды теснее сомкнулись в желании следовать линии рахбара. Одновременно сохранен широкий диапазон шагов — от действий в жестком русле консервативной логики (Ахмадинежад и КСИР) до продвижения некоторых либеральных идей под авторством президента Роухани.

Что можно ожидать от нового лидера Ирана

3 августа теперь уже бывший иранский президент Махмуд Ахмадинежад официально покинул свой пост, освободив место для Хасана Роухани, которого многие рассматривают как некий луч надежды для Запада, включая Израиль.

64-летний новый лидер Ирана, который получил около 50,7% от 36 млн голосов на июньских выборах, уже призвал к ослаблению контроля над Интернетом, пообещал продолжить либеральные реформы, выступил за расширение прав личности, за то, чтобы сделать иранскую политику более прозрачной, уменьшить ограничения на свободу слова и обеспечить безопасность в университетских кампусах. Изменения также ожидаются и во внешней политике Ирана. Во время своей первой пресс-конференции президент Роухани объявил о намерении предпринять шаги для нормализации отношений с Саудовской Аравией и другими суннитскими государствами.

Но основные проблемы, с которым ему предстоит столкнуться, заключаются в слабеющей экономике и напряженных отношениях с Западом. И во время своей предвыборной кампании, и после нее, Роухани подчеркивал, что он глубоко обеспокоен финансовыми трудностями Ирана и полон решимости изменить тактику, своего предшественника. Он также дал понять, что США и Иран должны исцелить некоторые «очень старые раны, чтобы найти решение проблем прошлого». Он выразил желание назначить новый кабинет министров — из иранцев, придерживающихся прозападной ориентации.

Это означает, что могут появиться некоторые надежды на более серьезные подходы к разрешению затянувшейся иранской ядерной саги. Возобновление переговоров ожидается в сентябре, но администрация Обамы уже заявила о своей готовности участвовать в плодотворном диалоге с новым лидером Ирана.

Не так все быстро

Тем не менее, хотя возникает надежда на некоторый потенциал для изменения к лучшему, как во внутренней политике, так и в отношениях с внешним миром, в реальных результатах уверенности пока нет.

Профессор Давид Менашри, директор-основатель Центра иранских исследований Тель-Авивского университета и президент колледжа права и бизнеса в Рамат-Ган, заявил, что Роухани был избран в первую очередь и главным образом для сохранения самой идеи Исламской Революции. «Роухани — это золотое дитя революции и всегда был частью его аппарата. Это ошибка думать, что он либо умеренный, либо реформатор,» Менашри объяснил корреспонденту

«Израэль Тудэй», что «в иранской политике Роухани может рассматриваться как центрист. Он был на стороне режима, занимая высокие правительственные посты. Он был в течение 16 лет главой Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) и в настоящее время является представителем Верховного лидера в этой организации. Когда в 1979 году вспыхнула Исламская Революция, Роухани был близок к тому, чтобы получить степень магистра. Вместо этого он прервал свое образование и вылетел в Париж, чтобы присоединиться к тогдашнему Верховному лидеру Хомейни.

Доктор Раджаб Сафаров, директор российского Центра изучения современного Ирана (проиранский мозговой центр, базирующийся в Москве, один из ведущих специалистов в этой области), согласился с господином Менашри: «Роухани характеризуется как надежный и заслуживающий доверия человек, который хочет восстановить экономику Ирана, изменить отношение мирового сообщества к своей стране и установить равные и здоровые отношения с Западом. Он обладает острым умом и богатым жизненным опытом, не тратит время на лишние слова. Он хорошо осведомлен о нынешних проблемах иранского общества и понимает их, а также хорошо разбирается в животрепещущих региональных и глобальных проблемах. Но он не либерал в западном смысле этого слова и не будет поддерживать проамериканскую политику. Он является неотъемлемой частью исламского консервативного духовенства и останется до конца верным принципам Исламской революции».

Есть ли худо без добра?

Если это так, то какова вероятность того, что Запад (включая Израиль) может достичь какого-то нового соглашения с Тегераном? По словам Раджаба Сафарова, многое здесь зависит от позиции и поведения мировых лидеров, особенно западных. «Роухани хочет иметь связи с Западом и хотел бы превратить Иран в нормального члена мирового сообщества», — утверждает хорошо информированный эксперт по Ирану. «Он является человеком диалога, компромисса, имеет определенные симпатии к Западу и при определенных условиях даже может пойти на некоторые уступки».

По словам Сафарова, Запад не мог принять резкий тон Ахмадинежада, его колючие комментарии против США и Израиля, а также его нежелание сотрудничать с Западом по вопросу ядерной программы Ирана на западных условиях. Вот почему Западу теоретически невозможно было достичь какого-либо соглашения с бывшим иранским президентом.

«Новый лидер Ирана подает Вашингтону лестницу, чтобы тот спустился с высокого дерева, на которое взгромоздился, — замечает Сафаров, — США устали от жесткого противостояния с Ираном. Многие из их европейских союзников убедились в том, что они не могут поддерживать нормальное функционирование своих экономик без иранских энергоресурсов. Это заставляет их выступать против запрета Вашингтона вести торговлю с Исламской Республикой или закупать у нее нефть».

Работают ли санкции?

Но, господин Менашри заявил, что Иран пригвожден к стене международными санкциями, и победа Роухани стала единственным способом разреше-

ния кризиса в стране. «Люди проголосовали за Роухани не из-за его харизмы или из-за его сильной личности, а из-за реакции на эскалацию ухудшающихся обстоятельств», — заявил израильский эксперт.

«Безработица стремительно растет, а инфляция уже достигла 40 процентов. Для улучшения экономической ситуации, новому президенту придется улучшить отношения с Западом». Эксперт также подчеркнул, что новая ситуация предоставила и Ирану лестницу, чтобы спуститься со своего высокого дерева. «В этом смысле, победа Роухани несет в себе потенциал для изменений в иранском обществе. То, что необходимо прямо сейчас, — это тяжелая работа, которая позволила бы преодолеть существующие пробелы», — отметил Менашри.

Взгляд в будущее

Основной вопрос заключается в том, будет ли у Роухани достаточно времени или сил, чтобы реализовать все свои планы до конца, особенно учитывая то обстоятельство, что любой президент Ирана подотчетен Верховному лидеру. Тем не менее, эксперты сохраняют оптимизм.

По утверждению Сафарова, духовный лидер Ирана на самом деле поддерживает идею возобновление и нормализации отношений с Западом, но, при этом всегда подчеркивал, что Иран не приемлет никакие унижения. «Иран — это региональная сверхдержава и не будет терпеть оскорбления со стороны Запада, со стороны США в первую очередь, независимо от масштаба угрозы и степени ущерба для себя, — пояснил он, — Таким образом, президент и духовный лидер Ирана готовы вести переговоры с Западом, вести прямой двусторонний диалог с США, если будут выполняться определенные, вполне естественные условия иранской стороны».

Менашри так сформулировал свою позицию: «Роухани поддерживается ведущими иранскими политиками и имеет тесные связи с духовным лидером аятоллой Али Хаменеи, так что он мог бы влиять на них. Кроме того, надо иметь в виду, что люди «до власти» и «при власти» ведут себя по-разному. Теперь, когда Роухани собирается управлять населением в 78 миллионов человек, он может почувствовать желание более глубоко изменить кое-что в обществе. А это означает, что он может нашептывать на ухо Аятолле, что более значимые реформы имеют решающее значение для спасения Революции».

Проявлять осмотрительность

Ястребы в Вашингтоне уже предупредили об опасности, которую несет быстрое установление хороших отношений с Роухани. В своей статье «Поговори с новым президентом Ирана. Осторожно», Денис Росс, бывший помощник президента Обамы по Ближнему Востоку, обрисовав Роухани как умного тактика дипломатии, заявил, что он (вместе с Аятоллой) просто организовал на выборах постановку, некое новое шоу.

Имея в действительности очень небольшое желание к реформам или же вообще не собираясь что-либо менять в тоне иранской политики, в возможности уступок по горячей ядерной проблеме, лидер может обмануть США и их союзников, вызвав у них иллюзию, что изменения в иранском обществе не за

горами. В то же время, как только мировые лидеры ослабят свои удушающие санкции, Тегеран получит время для разработки бомбы.

Менашри считает подход России правильным: «Роухани — лицо улыбочливое. Он не жалеет умиротворяющих слов, когда речь заходит об Израиле и США, и это может обмануть мировых лидеров, которые могут отказаться от своей жесткой тактики. Но правда состоит в том, что выборы Роухани являются прямым результатом давления со стороны Запада. Поэтому единственный способ, чтобы заставить Иран пойти на серьезный разворот в его ядерных амбициях — это постоянное давление в сочетании с реальным диалогом».

Иран как будущий основной партнер?

Сафаров убежден, что достижение соглашения с Ираном, в конечном счете — в интересах Запада, учитывая общее ухудшение стабильности в регионе. «Ближайшие союзники Вашингтона в настоящее время сталкиваются с многочисленными проблемами. Арабская весна все еще бушует в Египте и угрожает ударить по Турции. Катар и Саудовская Аравия теряют свои лидирующие позиции, а Израиль все более озабочен новыми вызовами его безопасности», — заявил он.

По его мнению, «чтобы сохранить свои позиции в регионе, США нужен сильный партнер, и им может быть только Иран. Страна имеет огромный политический и экономический потенциал, она независима во внешней политике и может похвастаться мощными партнерами, такими, как Россия и Китай». Сафаров считает, что восстановление американо-иранских связей будет иметь положительное влияние на мировую политику и повысит уровень глобальной безопасности. Диалог с США, кроме того, помог бы в разрешении и израильско-палестинского конфликта, и в снижении напряженности в отношениях Ирана с другими исламскими странами во главе с Саудовской Аравией.

Каковы шансы, что две страны позабудут про свои прошлые обиды и выйдут на новый старт? Менашри считает, что они выше, чем раньше: «Роухани, вероятно, принесет изменения, потому что его политика будет отличаться от той, что проводил Ахмадинежад. Иранцы поняли, что лозунги и призывы типа «Смерть Америке», раздающиеся на протяжении 35 лет, не принесли ощутимых результатов. Иранцы борются за хлеб и политические свободы, и новый президент обладает силой и волей, чтобы изменить ситуацию».

Однако Сафаров убежден, что подлинное сотрудничество и нормализация отношений будут возможны только если Америка и Запад подойдут к вопросу диалога с Ираном разумно, исходя из реалий сегодняшнего дня. Эксперт считает, что США должны «отказаться от своего стремления изменить иранскую политическую систему», кроме того, «прежде чем пойти на любое двухстороннее сотрудничество, Вашингтон должен признать право Ирана на развитие ядерной энергетики. Если Запад продолжит придерживаться прежней твердолобой политики диктата и угроз, ситуация будет только ухудшаться. Вашингтон должен воспользоваться моментом, так как Иран уже созрел для прямых переговоров».

А стоит ли? Станет ли внешняя политика Ирана на самом деле лучше, или это просто очередная уловка Тегерана? Время покажет.

Сергей Максимов

Раджаб Сафаров: Новый курс Хасана Роухани

Круглый стол, прошедший 15 августа в Москве, был, что называется, «обречен» на повышенное к себе внимание. И не только потому, что специалисты, принимавшие в нем участие — широко известные специалисты. Раджаб Сафаров, готовый ответить практически на любой самый сложный вопрос, связанный с Исламской Республикой Иран, Владимир Евсеев, пожалуй, один из самых сильных на международном уровне аналитиков по вопросам глобальной безопасности, Гейдар Джемаль, человек, как открытую книгу читающий все хитросплетения и узлы исламского мира... Но, повторим, не только из-за них круглый стол «Иран: курс на умеренность» привлек к себе повышенное внимание. Дело — именно в теме круглого стола, поскольку перед нами была сделана попытка, отрешившись от штампов и пропагандистских клише, ответить на вопрос, что же действительно может измениться в Иране с приходом на пост президента Хасана Роухани, а что является завышенными ожиданиями друзей и врагов Исламской республики.

Не менее остро интересовал аудиторию круглого стола и вопрос о том, насколько вероятны корректировки внешнеполитического курса Ирана, насколько последовательно новый президент будет проводить провозглашенный им «курс на умеренность», и насколько этот курс отвечает запросам иранского общества и интересам политических элит Исламской республики. Дополнительной актуальности информации, представленной экспертами на круглом столе, добавляло то обстоятельство, что именно в эти дни в меджлисе (парламенте) Ирана проходило обсуждение кандидатур будущих членов кабинета министров, лиц, которые на ближайшие четыре года своими действиями будут определять облик экономики и общества Исламской республики. Каждый из участников круглого стола, по-своему, был оригинален в оценках нынешней ситуации в Иране и вокруг него в связи с приходом нового лидера. Точки зрения вышеуказанных экспертов заслуживают внимания и представляют большой интерес. Было бы очень своевременно изложить их взгляды более подробно и посвятить этому отдельные статьи.

В данном материале ограничимся изложением точки зрения Раджаба Сафарова. «После того, как я увидел новый список кабинета министров Ирана, я был поражен и изумлен», — начал свою речь генеральный директор Центра изучения современного Ирана. «Я знал, что изменения будут, знал, что будут определенные жесты в сторону Запада, но я не ожидал, что новый

кабинет будет поголовно состоять из представителей кабинетов двух предыдущих президентов, которые считаются прозападными или как минимум либеральными. Это вызов, предложение, позиция. Из 18 кандидатов на министерские посты только один человек является представителем кабинета Махмуда Ахмадинежада. Все остальные — известные лица, которые имеют четкие позиции по тем или иным вопросам. Мы не берем в внимание их компетентность — они не один год работали на должностях, и их компетентность не вызывает сомнений», — подчеркнул Сафаров.

По его словам, иранцы пока не могут определить настроений и веяний своего нового президента: «Поголовное представительство либерального крыла, где все до единого учились, стажировались,

Поголовное представительство либерального крыла, где все до единого учились, стажировались, работали на Западе — это поражает воображение

работали на Западе — это поражает воображение. Я слышал речь Хасана Роухани, и в зале была гробовая тишина: народ терялся в догадках — о чем он говорит? К чему призывает? Многие до сих пор не знают, что это за заявка? Заявка в какую сторону? Это продолжение или отрицание курса Ахмадинежада?».

После этого была дана краткая характеристика некоторым ключевым фигурам кабинета. «Ключевая позиция в новом кабинете министров Ирана — это Министерство иностранных дел, и неожиданно на эту должность был выдвинут человек, который долгое время работал в США, учился на Западе и был тайным переговорщиком с США по

многим вопросам взаимодействия США с Ираном. Это своего рода мостик во время напряженных отношений между США и Ираном. Министром иностранных дел стал Мохаммед Джавад Зариф. Ничего общего с прагматикой эта должность не имеет — это сугубо идеологическая структура Ирана. Раз на эту должность назначается «рукопожатный» для Запада человек, то это можно расценивать как четкий сигнал.

Раджаб Сафаров особо отметил, что в Иране система сдержек и противовесов хорошо соблюдается и эффективно работает: с одной стороны, серьезные предложения о выстраивании отношений с Западом, с другой — серьезное усиление идеологической основы государства. Так, главой министерства культуры и исламской ориентации, этого своеобразного правительственного ведомства, стал достаточно молодой Али Джаннати (сын одного из самых, может быть, авторитетных ныне в Иране аятолл). К слову будет сказано, что бюджет этого министерства сопоставим с министерством нефти. Безусловно, назначение Али Джаннати — это серьезное укрепление идеологической основы Исламской республики. В то же время, Роухани, на должность министра нефти (ключевого министерства, кровяной артерии Исламской республики) назначается откровенно прозападный технократ Бижан Зангане.

Кроме того, по мнению Сафарова, с назначением нового кабинета в Иране больше внимания будет уделяться правам человека и свободам граждан страны: «Что касается министра внутренних дел и министра разведки, то они компетентны, они привержены философии Исламской Республики, они прошли все стадии ее становления. Они проверенные годами люди.

Я думаю, у них будет адекватное отношение к правам человека, к свободам граждан Ирана».

Одним из удачных назначений, по мнению Раджаба Сафарова, является кандидатура нового министра связи и информационных технологий в лице Махмуда Ваязи, обладающего необходимым образованием и уровнем компетентности, хорошо представляющим себе сферу своей деятельности. Кроме того, новый министр является сторонником снятия почти всех ограничений в информационной и телекоммуникационной сфере Ирана. С его приходом ожидается, что интернет, информационные и коммуникационные технологии будут развиваться с особым размахом и иранский народ будет максимально приобщен к достижениям современных информационных технологий, включая спутниковое ТВ. Не исключено, что именно при нем нем заработает национальный интернет Ирана — первый в мире. Очевидно, что в этом случае, несанкционированные проникновения в информационное и коммуникационное пространство Ирана станет гораздо сложнее, чем для любой другой страны в мире. При новом министре получит свое развитие и компьютерное производство в Исламской республике, производство комплектующих и «железа» отечественным иранским производителем. По сути, Иран берет курс на отказ от ориентации на продукцию всемирно известных компьютерных компаний и на разработку отечественных аналогов.

Но компьютеры и остальное — все же волнуют меньше, чем возможная коррекция внешнеполитического курса Исламской республики. По мнению Сафарова, президент Ирана Хасан Роухани фактически подал лестницу президенту США Бараку Обаме, чтобы тот спустился с небес на землю: «На фоне событий на Ближнем Востоке единственная возможность США сохранить свои позиции — это мощные ресурсы по обеспечению идеологии и наличие мощного, самодостаточного ресурсами партнера. Таким партнером может стать только Иран. Роухани скинул лестницу Обаме, чтобы он спустился с небес на землю. Фактически Роухани подает Обаме руку дружбы, и этим он может спасти США от позорной участи».

Политическим кредо нового президента Ирана Хасана Роухани станет сбалансированность и уверенность. «Что касается самого Роухани, то я полагаю, что главным кредо этого человека станет сбалансированность и уверенность. Он не будет делать резких заявлений по поводу Холокоста, он не будет нападать на Израиль напрямую, он не будет жестко противостоять Израилю», — заметил Сафаров.

Особенностью политической ситуации, складывающейся вокруг Исламской республики после избрания нового президента, является то обстоятельство, что диалог с Ираном становится объективной необходимостью для Запада и, в первую очередь, для США. «Запад созрел, он нуждается в сигнале о том, что Иран готов конструктивно сотрудничать с МАГАТЭ и делать свою программу более прозрачной. Из уст Роухани это будет восприниматься совершенно особенно, и его заявление о диалоге Ирана с США и три условия не будут восприниматься США и Западом как что-то запредельное. Первое

Президент Ирана Хасан Роухани фактически подал лестницу президенту США Бараку Обаме, чтобы тот спустился с небес на землю

условие: США и Западу нужно официально согласиться с тем, что Иран имеет право на развитие ядерной энергетики. Второе: диалог возможен на равноправной и уважительной основе. Третье: «без всяких предварительных условий», — именно так сформулировал Сафаров позицию иранской стороны в «ядерном диалоге».

Причем, ради этого диалога Вашингтон готов даже ущемить интересы тех своих союзников, отношения с которыми являлись длительное время стратегическим приоритетом для всех администраций Белого Дома, — Израиля и Саудовской Аравии. Дополнительным аргументом, подтверждающим именно данный взгляд на развитие событий в регионе, является, по мнению Раджаба Сафарова, и позиция, которую занял Барак Обама в отношении Сирии: «Не будут США помогать сирийской оппозиции техникой и вооружениями. Декларативно США их поддерживают, но есть серьезные договоренности с Ираном о том, что Асад останется у власти в рамках процесса национального диалога, до 2014 года. Но сохранение у власти Башара Асада требует от США нейтрализации Турции и Египта, что, собственно, и происходит сегодня на наших глазах. Внутриполитический кризис в этих странах, во многом созданный усилиями США и их «пятой колонны», совершенно не оставляет времени руководству Каира и Анкары заниматься внешнеполитическими делами».

Итоговый вывод Раджаба Сафарова на этом Круглом столе, с которым согласились все принимавшие в нем участие, выглядел следующим образом: «В ближайшие 4 года мы будем свидетелями серьезных изменений на Ближнем Востоке, в исламском мире и в российско-иранских отношениях».

Новая власть в Иране прагматична, но на односторонние уступки не пойдет — эксперты

Гендиректор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров, председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль и директор Центра общественно-политических исследований Владимир Евсеев собрались сегодня за одним столом, чтобы обсудить тему возможного движения политики Ирана в сторону умеренности с учетом нового правительства Исламской республики, большинство членов которого известно прагматическими взглядами.

Раджаб Сафаров в первую очередь подчеркнул, что, каким бы умеренным в своих взглядах ни был новый Иран, диалог может строиться только на равноправной основе, а значит, Западу нужно согласиться, что ИРИ имеет право на развитие ядерной энергетики. «Сейчас происходит скачок изменения отношения Запада к Ирану. В ближайшие 5 лет мы станем свидетелями серьезных изменений на Ближнем Востоке, в мусульманском мире и в отношениях между Ираном и Россией», — выразил уверенность эксперт.

Если говорить о России, то, отметил Сафаров, сама идея Каспийского турне — уникальная в политическом мышлении Кремля. Единственной ошибкой оказался неучет ментальности и политической системы Ирана: с Рухани 15 августа не уместно было встречаться, так как он совсем недавно вступил в должность и еще не имеет готовых программ для обсуждения, а аятолла Али Хаменеи приехать не смог. И тем уместнее будет встреча 13 сентября в Бишкеке на саммите ШОС. При Рухани российско-иранским отношениям будет придан новый поступательный импульс, — заявил эксперт.

Гейдар Джемаль обратил внимание на другой предел умеренности нового правительства: возвращения к идеям Хатами о диалоге цивилизаций не будет: «я думаю, что на ключевых постах в иранском руководстве стоят очень жесткие люди». Также он отметил тот факт, что Иран — это стык очень сложного геополитического парадокса: все признаки санкций внутри страны налицо, однако Исламская республика по-прежнему пребывает в поле первостепенного влияния на политику, знача больше, чем многие другие страны в G20.

По мнению эксперта, приход Рухани к власти — проявление верховной политической воли, продукт высших эшелонов власти одновременно и в Иране и на Западе. Джемаль подчеркнул, что, как только Иран станет признанной региональной сверхдержавой, весь суннитский мир будет это оспа-

ривать. Тогда большой Ближний Восток перестанет быть головной болью Запада, так как замкнется на своих проблемах.

Односторонние санкции, действующие на Иран, незаконны, а США должны уже понять, что таким способом не решить конфликта

Владимир Евсеев не согласился с Джемалем в том, что Рухани является плодом сговора властей Запада и Ирана: «он просто всех устроил своей естественностью в данной ситуации». Еще один довод в пользу этого — отсутствие шансов на отмену санкций в ближайшей перспективе. «Чтобы начались изменения, должны пройти переговоры. Но Запад не готов идти на компромисс, а США не видят себе равных партнеров», — подчеркнул Евсеев, добавив, что по этой причине Штаты предпочитают «играть со второго ряда», к примеру, влияя на Сирию через Турцию.

Еще раз эксперт отметил, что односторонние санкции, действующие на Иран, незаконны, а США должны уже понять, что таким способом не решить конфликта. К тому же, Исламская республика, будучи серьезным игроком в регионе, не пойдет на столь же односторонние уступки.

Далга Хатыноглу

96,5% голосов за министра — рекордный результат для Ирана

15 из 18 кандидатур на посты министров, выдвинутых новым президентом Ирана Хасаном Рухани, были одобрены в парламенте страны 15 августа.

Впервые за 34-летнюю историю Исламской Республики Иран кандидат набрал рекордное число голосов — 96,5 процента.

Именно столько голосов набрал Али Тайебниа, кандидатура которого была выдвинута президентом на пост министра экономики и финансов.

Кандидат на пост министра энергетики Хамид Читчян получил 95,7 процента голосов депутатов. Еще пять кандидатов Рухани, в том числе кандидат на пост министра здравоохранения и медицинского образования Хасан Хашеми, набрали свыше 90 процентов голосов депутатов парламента.

Еще пять кандидатов также по количеству голосов парламентариев побили рекорд своих предшественников за последние 34 года.

Даже кандидатуры, выдвинутые Рухани на посты глав МИД и министерства нефти, которые были подвергнуты критике со стороны большинства «принципалистов», смогли набрать необходимое количество голосов в парламенте страны.

Таким образом, иранский парламент одобрил все кандидатуры, выдвинутые Рухани на посты, связанные с экономической и внешней политикой страны, несмотря на протесты, что связано в первую очередь с кризисом в иранской экономике и международных отношениях, который грозит достичь критического уровня.

Иранской экономике и имиджу во время восьмилетнего президентства Махмуда Ахмадинежада был нанесен серьезный ущерб, и необходимость пресечения продолжения этой беспхозайственной политики и перехода от действий в угоду собственных амбиций к логической политике заставили депутатов голосовать за кандидатов Рухани, несмотря на возражения.

Экономика Ирана в настоящее время переживает спад (на 1,9 процента в 2012 году и 1,3 процента в 2013 году), а также инфляцию в 39,9 процента, сокращение экспорта нефти на две трети в течение последних двух лет, падение мощности промышленных союзов вдвое. Кроме того, растет количество санкций со стороны западных стран. Все эти проблемы отвлекают депутатов от партийных игр.

Тем не менее, трое из 18 кандидатов Рухани не набрали необходимого для утверждения на посты количества голосов в парламенте, в основном из-за партийных интересов и из-за мести реформистов «принципалистам».

Кандидатуры, выдвинутые на посты министра образования, глав ведомств по делам науки и исследований и молодежи и спорта не были утверждены в парламенте. Это произошло в основном потому, что эти кандидаты близки к реформистам, и эти посты не столь важны для экономической и внешнеполитической жизни страны.

Политического кризиса в Иране не будет, считают эксперты

Парламент Ирана в четверг вечером одобрил 15 из 18 министров, представленных на утверждение депутатам новым президентом страны Хасаном Роухани. Противостояния между новым кабинетом министров и парламентом в ближайшее время не ожидается, считают эксперты.

Противостояния между новым кабинетом министров в Иране, который считается либеральным, и консервативно настроенным парламентом страны в ближайшее время не ожидается, считают эксперты, опрошенные РИА Новости.

Парламент Ирана в четверг вечером одобрил 15 из 18 министров, представленных на утверждение депутатам новым президентом страны Хасаном Роухани. Многие из них занимали крупные государственные посты при двух президентах — Хатами и Рафсаджани, которые считаются реформаторами. Одним из вице-президентов впервые в истории Ирана стала женщина.

Политического кризиса не будет

Одобрения депутатов не получили трое министров — образования, по делам науки, исследований и технологий, а также по делам молодежи и спорта. Таким образом, по мнению старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН, эксперта Российского совета по международным делам (РСМД) Владимира Сажина, консервативно настроенный парламент хотел показать, что он по-прежнему владеет ситуацией.

«Это не главные министерства. Им нужно было показать, что они имеют силу определенную. И поэтому они выбрали этих трех малозначимых, если сравнивать с другими, министров», — считает эксперт.

Весь иранский истеблишмент условно делится на два политических лагеря — реформаторов и консерваторов, между которыми в последнее десятилетие разворачивалась основная борьба за власть. Во время восьмилетнего правления экс-президента Махмуда Ахмадинежада консерваторы преобладали и в исполнительных, и законодательных органах. Сейчас ситуация поменялась: новый кабинет министров называют либерально настроенным, в то время как парламент остается по большей части консервативным.

Но эксперты не считают эту ситуацию взрывоопасной и не видят в ней почвы для возникновения политического кризиса. «Это классическая тактика

баланса сдержек и противовесов», — поясняет старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО Владимир Сотников.

Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Борис Долгов не видит причин, «чтобы было противостояние, которое привело бы к каким-нибудь внутренним конфликтам в руководстве Ирана».

«В любом демократическом обществе, по большому счету, так и должно быть. Парламент должен каким-то образом держать под контролем то, что должна делать демократическая власть», — считает Сажин.

Эксперт уверен, что даже при возникновении «резкого противостояния парламента и правительства верховный лидер будет это раздувать».

Стабильность в ядерном вопросе

Те, кто лишился министерского кресла, также за бортом не остались. Интересное назначение получил уже бывший министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи: он получил пост вице-президента и руководителя Организации по атомной энергии, которая является государственной монополией в сфере ядерной энергетики.

Салехи уже занимал должность руководителя этой организации в 2009–2010 годах. «Ядерная программа — это его конек. Он достаточно гибкий человек, а это то, что сейчас будет востребовано. На мой взгляд, он принадлежит к числу лучших иранских политиков», — считает руководитель Центра Азии и Ближнего Востока Российского института стратегических исследований, эксперт РСМД Елена Супонина, которая неоднократно общалась с экс-министром.

«Здесь ничего удивительного нет, что его назначили. Он действительно крупный специалист и знаток этой проблемы. Салехи на своем месте», — отметил Сажин.

Тем не менее, Сотников обращает внимание на политическую направленность экс-министра. «Он считается не таким прагматиком и не таким настроенным прозападно, как сам Роухани. Он представляет собой консервативный лагерь политиков», — пояснил он.

Назначение консервативно настроенного экс-министра Сотников объясняет тем, что «Рахбар (духовный лидер страны аятолла Али Хаменеи) хочет уравновесить прагматичного либерально настроенного до определенных пределов Роухани».

Основная задача Салехи, по словам эксперта, «следить за тем, чтобы все решения, которые были приняты ранее, выполнялись, и Иран поступательно развивал свою ядерную программу, чтобы не было слишком много уступок Западу».

США, ряд других стран Запада и Израиль подозревают Иран в разработке ядерного оружия под прикрытием программы мирного атома. Тегеран заявляет, что его программа направлена исключительно на удовлетворение потребностей страны в электроэнергии. В отношении страны неоднократно

**Те, кто лишился
министерского
кресла, также за
бортом не оста-
лись**

принимались санкции, как отдельными странами, так и международными организациями. Но коренным образом, как считают эксперты, назначение Салехи ситуацию вокруг ядерной программы не изменит.

«Сильных прорывов в решении ядерной проблемы Ирана не будет. Главное — не какие чиновники на постах, даже не то, кто является президентом этой страны. Власть находится в руках духовенства. И Иран не откажется от своих разработок в ядерной энергетике», — считает эксперт.

Правительство технократов

В целом, эксперты связывают с новым правительством надежды и считают, что новый кабинет министров отвечает современным потребностям Ирана.

«Они очень хорошие профессионалы. Правительство технократов, можно сказать. Это то, что сейчас нужно Ирану», — считает Долгов.

Тем не менее, по мнению эксперта, коренных изменений в политике государства с назначением нового кабинета министра ожидать не стоит. «Стратегическая линия осталась. Но, конечно, будут сняты некоторые издержки бывшего руководства: жесткая риторика по отношению к Западу, высказывания об уничтожении Израиля», — сказал Долгов.

Политические перемены эксперты, однако, не связывают целиком и полностью с личностью нового президента Ирана.

«Этот состав кабинета министров отличается от кабинета Ахмадинежада. Конечно, это сделано не без разрешения Али Хосейни Хаменеи (Рахбара). В Иране птицы не летают без его разрешения», — уверен Сажин.

Раджаб Сафаров: Хасан Рухани собрал в правительстве всех звезд либерального Ирана

Накануне парламент Ирана одобрил почти все кандидатуры министров нового Кабмина Исламской республики, выдвинутые президентом страны Хасаном Рухани. Новый состав правительства поразил гендиректора Центра изучения современного Ирана Раджаба Сафарова, и он объяснил «Вестнику Кавказа», чем именно. «Я не ожидал, что будущий кабинет будет поголовно из кабинетов двух предыдущих президентов, которые, по крайней мере, считаются прозападными или, минимум, либеральными. Это и вызов, и предложение, и позиция. Из 18 человек только один, кандидат на должность министра энергетики, является представителем кабинета Ахмадинежада. Все остальные на всех ключевых постах очень известные не только иранской, но и международной общественности лица, которые имеют определенные позиции по тем или иным вопросам», — объяснил свое удивление столь прямой либеральной направленностью всего Кабмина сразу Сафаров.

«Поголовное представительство либерального крыла, где, можно сказать, все до единого учились, получали образование, стажировались, работали, имели прямые контакты с Западом, просто поражает воображение. В Иране система сдержек и противовесов очень хорошо соблюдается и действует. С одной стороны, очень серьезный призыв и предложение выстраивать отношения с Западом. С другой стороны серьезное усиление идеологической основы государства. Так что же сам господин Рухани? Кто он на самом деле такой? Что можно ожидать от него?», — задался ключевым вопросом новой иранской политики эксперт.

«Главное кредо этого человека сбалансированность и умеренность. Он не будет делать резких заявлений по поводу Холокоста, по поводу того, кто кому что должен из-за чего-то. Он не будет напрямую делать выпады против Израиля. Он не будет вести курс жесткого противостояния с США, с Западом, с Израилем и многими другими государствами. Но он будет максимально отстаивать интересы иранского народа. Он будет максимально развивать ядерную программу. Он ни на йоту не уступит позицию, которая отвечает интересам Исламской Республике. Но он не собирается совершать ошибки на ровном месте. Соблюдение этого баланса это великое искусство», — подчеркнул Раджаб Сафаров.

«Западу порой совершенно не нужно похвал или поклонения. Западу иногда достаточно нейтрального отношения. При Ахмадинежаде не было этой нейтральности, была жесткая позиция, мотивированная, исходя из самооценки государства, народа и самого лидера, из его амбиций. Хасан Рухани — это не харизматичная личность. Он не запомнится яркими заявлениями и резкими шагами, которые могли бы вспоминать на протяжении долгого времени его работы в системе власти. Но он плотью от плоти является детищем Исламской революции. Он является представителем исламского консервативного духовенства и абсолютно реальным воином достижений и завоеваний Исламской Республики и Исламской революции», — резюмировал свои мысли о новой иранской власти гендиректор Центра изучения современного Ирана.

Политика Тегерана по отношению к Сирии не изменится

В конце минувшей недели парламент Ирана в четверг одобрил 15 из 18 кандидатур на посты в кабинете министров, предложенных президентом Хасаном Роухани. Спикер парламента Али Лариджани заявил, что парламентарии отклонили кандидатуры Мухаммеда Али Наджафи на пост министра образования, Джафара Милимонфареда — на пост главы министерства науки, исследований и технологий, а также Масуда Солтанифара — на пост министра по делам молодежи и спорта.

«После того, как я увидел список нового кабинета министра, представленный на утверждение парламентом Исламской Республики, я просто был поражен, — говорит гендиректор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров. — Я не ожидал, что будущий кабинет будет состоять поголовно из кабинетов двух предыдущих президентов, которые, по крайней мере, считаются прозападными или минимум либеральными. Это и вызов, и предложение, и позиция. Из 18 человек только один, кандидат на должность министра энергетики, является представителем Кабинета Ахмадинежада. Все остальные на всех ключевых постах — предложены очень известные не только иранской, но и международной общественности лица, которые имеют определенные позиции по тем или иным вопросам. Они все абсолютно компетентны. Поголовное представительство либерального крыла, где, можно сказать, все до единого учились, получали образование, стажировались, работали, имели прямые контакты с Западом, поражает впечатление».

По словам Сафарова, «в Иране очень хорошо действует система сдержек и противовесов. С одной стороны, очень серьезный призыв и предложение выстраивать отношения с Западом. С другой стороны — серьезное усиление идеологической основы государства».

Отвечая на вопрос ставший уже традиционным вопрос «Who is mister Roukhani?» Сафаров заявил: «Главное кредо этого человека — сбалансированность и умеренность. Он не будет делать резких заявлений по поводу Холокоста, по поводу того, кто кому что должен из-за чего-то. Он не будет напрямую делать выпады против Израиля. Он не будет вести курс жесткого противостояния с США, с Западом, с Израилем и многими другими государствами. Но он будет максимально отстаивать интересы иранского народа. Он будет максимально развивать ядерную программу. Он ни на йоту не уступит позицию, которая отвечает интересам Исламской Республики. Но он не собирается совершать ошибки на ровном месте. Соблюдение этого баланса — великое искусство. Западу порой совершенно не нужно похвал или поклонения Западу. Западу иногда достаточно нейтрального отношения. При Ахмадинежаде не было этой нейтральности, была жесткая позиция, мотивированная, исходя из самооценки государства, народа и самого лидера, из его амбиций. Хасан Роухани — это не харизматичная личность. Он не запомнится яркими заявлениями и резкими шагами, которые мо-

гли бы вспоминать на протяжении долгого времени его работы в системе власти. Но он плоть от плоти является детищем Исламской революции. Он является представителем исламского консервативного духовенства и абсолютно реальным воином достижений и завоеваний Исламской Республики и Исламской революции».

При этом «красной линией» для Ирана остается Сирия. «Это стратегическая оборона, — считает Сафаров. — Иран кожей чувствует, что, если падет режим Башара Асада, оголятся основы стратегической обороны Исламской Республики. Подбираться Запад, США и другие государства к Ирану могут более эффективно. Это может очень серьезные изменения повлечь в регионе. Поэтому ни при каких условиях Иран не откажется от всемерной помощи Сирии и готов в определенных случаях даже реальную военно-политическую помощь оказать для сохранения режима Башара Асада».

Директор Центра общественно-политических исследований Владимир Евсеев также считает, что «политика Роухани по отношению к Сирии принципиально не изменится. Сирия остается «золотым звеном» сопротивления против Израиля. Но помощь может быть сокращена в том случае, если сопротивление боевиков будет уменьшено. Иран на себе несет очень большое бремя риска. Я считаю, что Россия могла часть этого бремени взять на себя. Пока его несет Иран. Поэтому для Тегерана уменьшить это бремя было бы оптимальным вариантом, но это будет в том случае, если ситуация в Сирии будет все больше контролироваться со стороны Башара Асада. В этом случае, по-видимому, объемы помощи со стороны Ирана могут быть сокращены».

По мнению Евсеева, «нужно искать мирное решение сирийской проблемы. Никакой „проблемы“ Башара Асада не существует. Баланс сил сейчас не в сторону оппозиции, но это не потому, что власть стала намного сильнее, но так сложилась ситуация. И основная причина тут в том, что произошел раскол и ослабление внешних спонсоров оппозиции. Ведь если бы Катар и Турция продолжали бы помогать, как помогали, было бы крайне сложно добиться изменения баланса сил. Сейчас оппозиция слишком расколота, им некого выдвинуть на переговоры. Они не могут определиться, кто будет представлять Сирию — внутреннюю оппозицию, внешнюю оппозицию, будут ли там курды и т.д. Очевидно, Иран должен тоже быть представлен на переговорах, но против этого возражает Запад».

На Западе надеются, что баланс сил восстановится в сторону оппозиции, Россия надеется, что баланс сил сохранится в сторону Башара Асада. Но радикалы убивают сотнями, сотнями людей, и этого на Западе не замечают. Проблема в двойных стандартах Запада. Нельзя делить оппозицию на умеренную и неумеренную. Оппозиция есть оппозиция, и когда она начинает воевать, она становится радикальной. Поэтому такое деление — полная фикция. Если России пытаться запретить поставлять оружие Башару Асаду, но Саудовской Аравии надо запретить поставлять оружие оппозиции. Хотя Россия имеет все законные основания поставлять оружие. Иран может поставлять оружие законной власти. Если вы не можете закрыть всю внешнюю помощь, тогда нечего об этом разговаривать. Помимо Запада есть Саудовская Аравия, есть Турция, есть другие государства, есть открытая граница сирийско-турецкая, иордано-сирийская. Вмешательство во внутренние дела Сирии ни в какие ворота не лезет».

Елена Студнева

Российско-иранским отношениям будет дан новый импульс

Российско-иранские отношения с приходом к власти команды нового президента Ирана Хасани Роухани получают новый поступательный импульс. Такие прогнозы прозвучали в ходе мультимедийного «круглого стола», состоявшегося в РИА-Новости на тему: «Иран: курс на умеренность?». Участники дискуссии — Председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль, генеральный директор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров и директор Центра общественно-политических исследований Владимир Евсеев — поделились с журналистами своими размышлениями о проблемах, которые предстоит решать новому иранскому правительству.

Российско-иранские отношения

Оптимизм прозвучал, прежде всего, из уст Раджаба Сафарова: «В ближайшее время проблемы, какие существуют на повестке нашего взаимоотношения, будут решены, и мы станем свидетелями громких заявлений и проектов между нашими государствами. В отношении этого я имею оптимистичные ожидания». Однако его оппонентом выступил Владимир Евсеев, хотя и согласился с возможным новым импульсом в двусторонних отношениях Ирана и России. «У меня нет ощущения оптимизма, — сказал директор Центра общественно-политических исследований. — Против Ирана действуют международные и односторонние санкции», — аргументировал свою позицию он. По мнению Владимира Евсеева, отмена международных санкций в отношении Ирана невозможна в ближайшей перспективе. И вот почему: из шести резолюций Совета Безопасности ООН по ИИ четыре — санкционные. При таких условиях развернуть ситуацию на 180 градусов невозможно, полагает эксперт. И дело не только в длительности процедуры. «Переговоры надо подготовить, они должны дать «позитив». Иран должен предложить то, что Западу интересно, а Запад ждет односторонних уступок со стороны Ирана, которых не будет», — отметил Владимир Евсеев. Поэтому в условиях санкций скорого развития российско-иранских отношений не предвидится, — считает он. Почему? — Прежде всего, международные санкции блокируют российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере. Предположим, Иран заявляет готовность к строительству двух новых энергоблоков на Бушерской АЭС, но для этого нужно некоторое смягчение международных санкций. «Иран сильно напрягают односторонние санкции. Они аморальны. Но они

не могут быть в ближайшее время сняты», — заявил Владимир Евсеев. Поэтому развитие экономических отношений Ирана с ближайшими соседями затруднительно из-за наличия вынесенных ограничений. Однако не только санкции в отношении Ирана тормозят развитие.

Инерция наблюдается и с российской стороны. Ее отметил в своем выступлении Р. Сафаров и в связи с этим обратил внимание на персону нового министра нефти Ирана Биждана Намдар-Зангане. «Я в первый раз встречался с ним в 1997 году, когда наша делегация увидела нефтяную и энергетическую промышленность Ирана», — рассказал он. Российская делегация, по словам Р. Сафарова была поражена уровнем, качеством, чистотой, подходом и культурой ведения нефтегазового хозяйства в Иране. «Мы ездили по нефтяным иранским заводам и ни разу не испачкались. Мы видели самые передовые технологии. Это говорит об уровне управления хозяйством такого серьезного министерства, которое тогда возглавлял г-н Зангане». Р. Сафаров охарактеризовал его как абсолютного прагматика прозападной ориентации, возглавляющего прослойку технократов Ирана, которые признают исключительно западные технологии. Эксперт с сожалением добавил, что нефтегазовые технологии мы (Россия) не можем предложить Ирану. «Единственная структура, которая в Иране подает признаки жизни, — это Газпром. Но формально офис Газпрома там закрыт два года тому назад, и ни одного проекта этот газовый гигант не имеет в Иране. И это в то время, когда Запад не работает в Иране, в то время, когда «ниши» абсолютно свободны, в то время, когда можно свободно, спокойно, без конкурентов занять самые лакомые «куски» нефтегазовой промышленности Ирана».

И все-таки, несмотря на приведенные примеры, новый президент ИРИ Хасани Роухани на своей первой пресс-конференции 6 августа в Тегеране сказал: «Сотрудничество между Россией и Ираном в сфере строительства новых атомных реакторов продолжится». По его словам, в программе перспективного развития Ирана предусмотрено строительство атомных станций мощностью 24 тысячи мегаватт. «Строительство новых атомных станций мы можем осуществлять либо сами, либо с помощью других государств. Российская сторона выдвинула в связи с этим предложения, которые мы в настоящее время рассматриваем», — сказал президент Ирана.

Иран и Запад

По-разному оценили эксперты «круглого стола» роль Ирана как геополитического игрока в регионе и в мире. Председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль отметил: «Иран — это стык сложного геополитического парадокса, где сходятся две взаимоисключающие темы — противостояние Западу, и оно совершенно реально, и другая тема — признаки санкций. За последние два-три года произошли видимые глазу изменения, ветшание, усталость населения, некоторые продукты, типичные для продуктовых магазинов Ирана, исчезли, по ночам нет подсветки мечети Имама Хомейни. Трудно сказать, по каким причинам, т.к. литр бензина по-прежнему стоит 20 центов». Гейдар Джемаль высказал предположение, что исламская святыня не освещается ночью, дабы сиянием этих золотых куполов не раздражать либеральную часть населения.

По мнению председателя Исламского комитета России, Иран никогда не выходил из поля первостепенного влияния на мировую политику. «Значение

и вес Ирана намного больше, чем тот, что обыватель думает, исходя из геополитической позиции, экономического и технологического развития. Иран не меряется такими характеристиками, которые имеются в статистических сборниках», — заметил Гейдар Джемаль. — «После войны, например, проигравшие страны Япония и Германия стали экономическими гигантами. Но при этом они оставались политическими карликами. А с Ираном — дело наоборот, Иран не занимает своего места в первой десятке, с точки зрения цифр, но в действительности эта страна значит гораздо больше, чем многие страны, входящие в G20». Гейдар Джемаль объясняет этот факт тем, что ИРИ связана с внутренней структурой глобальной цивилизации, с некоторыми фундаментальными традициями, которые определяют принятие решений на самом высоком и не всегда видимом снизу уровне.

В этой связи Гейдар Джемаль считает, что приход Хасани Роухани на первую позицию в государстве — это не продукт электорального участия: «Если эта звезда зажглась, значит, это кому-то нужно. Он был продуктом верховной политической воли. Но не бывает так, что на какой-то момент Иран «прогнули», он захрипел и сказал: «Ладно, сдаюсь!» — и выдвинул Роухани в качестве белого флага капитуляции. Нет. Это означает, что Роухани, как продукт верховной политической воли появился в качестве результата длительных согласований между Ираном, Западом и США». Гейдар Джемаль делает вывод: «Роухани — это продукт тайного взаимопонимания между верхушкой политической теократии и высшими эшелонами власти на Западе».

Эксперт не сомневается в лидерстве Ирана в регионе. «Как только Иран становится признанной региональной сверхдержавой, которая в перспективе заберет под контроль две святыни — Мекку и Медину, которые ныне под Саудовской Аравией, — и передаст их под контроль Международной Комиссии, назначенной Организацией Исламская конференция, как только это происходит, как только Иран фиксирует себя в качестве сверхдержавы, которая по риторике будет противостоять Западу, а по факту в регионе будет гарантировать «стабильность», так весь суннитский мир, особенно в его радикальной части, будет это оспаривать. И то, что происходит сегодня в Ираке, возможно, будет происходить по периметру иранских границ, но в гораздо больших масштабах. Сирия, Ирак будут также бушевать, и у Ирана не будет больших проблем, кроме как обеспечить минимум стабильности в регионе и контролировать ситуацию. А это значит, что Большой Ближний Восток временно замкнется на своих проблемах, перестанет быть «головной болью» Запада, который сможет сосредоточиться на проблемах Китая, АТР, проблемного региона Центральной Азии».

Гейдар Джемаль не исключает вероятность большой гражданской войны, которая захватит весь Магриб, Сирию, Ливию, Египет, возможно, втянет в свою волну Алжир и Марокко. Вследствие этого возникнет зона отчуждения, которая нейтрализует исламский мир, а возможно и станет частью общей глобальной дестабилизации. «Поэтому вероятнее сделать Иран главным в регионе и «бросить» против него «суннитскую улицу», чем играть на противостоянии двух субъектов — Саудовской Аравии и Ирана. Это противостояние ведет в никуда, не позволяет расслабиться, а если сделать Иран единственным — то регион сразу станет полыхать», — сказал во время дискуссии Гейдар Джемаль.

Размышляя о роли современного Ирана, другой участник «круглого стола» — Раджаб Сафаров берет за точку отсчета стратегический курс, который взял

новый президент ИРИ Хасани Роухани. «Главное кредо этого человека — сбалансированность и умеренность. Он не будет делать резких заявлений по поводу холокоста, не будет напрямую нападать на Израиль, он не будет вести курс жесткого противостояния с США и Западом, с Израилем и многими другими государствами. Он будет максимально отстаивать интересы Ирана, иранского народа, будет максимально развивать ядерную программу, он ни на йоту не уступит позиций, которые отвечают интересам Исламской Республики. Но он не собирается совершать ошибки на ровном месте. Соблюдение этого баланса — великое искусство. Западу, порой, совершенно не нужны похвалы или поклонны. Западу иногда достаточны нейтральные отношения. При Ахмадинежаде не было этой нейтральности, была жесткая мотивированная позиция». Р. Сафаров отметил, что очень многие хотят восстановления отношений с этой страной. По его логике, Запад и особенно США ради восстановления отношений с Ираном готовы пожертвовать своими основными партнерами на Ближнем Востоке, включая даже Израиль. «Совершенно очевидно, что идет серьезная тенденция по выбиванию, отталкиванию, охлаждению отношений с Саудовской Аравией, Катаром и нарастает противостояние с Израилем», — сказал Р. Сафаров. «На фоне событий, которые сейчас происходят на Ближнем Востоке, в мусульманском мире, единственная возможность, которая позволяет США хотя бы сохранить свои позиции, — это нужда в очень мощном, обеспеченном ресурсами, идеологией, партнере — и таким партнером для них может стать исключительно Иран», — заявил Р. Сафаров. — «Хасани Роухани «подбросил лестницу» Баракку Обаме, чтобы он спустился с небес на землю, чтобы, увидеть реалии сегодняшнего дня, и фактически он ему подает руку дружбы и этим может спасти США от позорной участи, от проблем, которые могут идти «по нарастающей» по отношению к Соединенным штатам».

Кроме того, полагает эксперт, Запад нуждается в сигнале о том, что Иран готов иметь конструктивные отношения с МАГАТЭ и сделать свою ядерную программу более прозрачной. Эти заявления делались на протяжении десяти лет, но из уст Хасани Роухани они будут восприниматься совершенно по-другому. Новый президент Ирана уже сделал заявление о том, что Иран готов вести диалог с Западом и в том числе, с США. Глава Иранского государств выдвинул три условия. Первое из них: США нужно официально согласиться с тем, что Иран имеет право на развитие ядерной энергетики. Этот вопрос не должен стать предметом обсуждения и критики, и принятия санкций. Второе: диалог возможен только на равноправной и взаимоуважительной основе. Третье условие: вести переговоры без всяких предварительных условий.

В заключение своего размышления Р. Сафаров пришел к выводу: «Полагаю, что мы живем в очень интересное политическое время. Совершается качественный скачок в восприятии мирового сообщества, особенно западного, по отношению к Ирану. Совершенно очевидно, что восстановление отношений Запада и США с Ираном может в корне изменить геополитическую карту мира. В ближайшие четыре—пять лет мы станем свидетелями очень серьезных изменений на Ближнем Востоке, в исламском мире, на Западе и, в том числе, в российско-иранских отношениях». Что касается двусторонних российско-иранских отношений, то эксперт напомнил, что и в Кремле, и в Тегеране идет полным ходом подготовка к первой встрече президентов России и Ирана, которая состоится 13 сентября в Бишкеке на полях саммита ШОС.

Иная точка зрения на сильные партнерские позиции Ирана в отношении Запада у Владимира Евсеева. «Иран не будет равным партнером для США. США играют «со второго ряда». Надо влиять на Сирию, — используют Турцию. США никого не хотят видеть равными себе, иначе им надо будет отказаться от мирового лидерства», — считает он. Владимир Евсеев расценивает как правильное намерение Хасани Роухани уменьшить для Ирана противостояние с Западом, сделать акцент на взаимодействии со своими соседями в регионе и обеспечить внутреннюю стабильность. Однако эксперт полагает, что никакого принципиального улучшения отношений у Ирана с Западом не будет. Речь идет только о смягчении позиций в противостоянии. «Исхожу из прагматического прогноза: сложные отношения между Ираном и Западом сохранятся, санкции будут слегка смягчены, но не отменены. И новое правительство будет стоять перед этими проблемами ближайшие пять лет», — заключил Владимир Евсеев.

Политика Ирана по отношению к Сирии

Политика Ирана по отношению к Сирии останется неизменной, — сошлись во мнении все участники дискуссии. Во всяком случае, она не претерпит значительных изменений. Сирия является стратегически важным союзником Ирана в регионе. Это подчеркнул в своем выступлении Р. Сафаров: «Сирия для Ирана — это «красная линия», это стратегическая оборона. Иран кожей чувствует, что если упадет режим Башара Асада, оголятся основы стратегической обороны Исламской Республики Иран. Тогда подбираться западные страны и США к Ирану могут более эффективно. Это может повлечь серьезные изменения в регионе. Поэтому ни при каких условиях Иран не откажется от всемерной помощи Сирии и даже готов при определенных условиях оказать реальную военно-политическую помощь для сохранения режима Башара Асада». Р.Сафаров считает, что есть признаки серьезных договоренностей с Ираном о том, что Башар Асад останется на своем посту до конца своего президентства — до 2014 года.

Владимир Евсеев также считает, что политика Хасани Роухани по отношению к Сирии принципиально не изменится. Сирия остается «золотым звеном» сопротивления против Израиля. «Но по мере развития ситуации в Сирии, например, идет перелом в сторону Башара Асада, в этом случае столь сильно финансировать Башара Асада, может быть, и не надо будет. Действительно Иран несет очень большое сирийское бремя. Считаю, что Россия тоже могла бы часть бремени взять на себя. Во всяком случае, сейчас его несет Иран. Поэтому для Ирана уменьшить это бремя, наверное, было бы оптимальным вариантом, но это будет в том случае, если ситуация в Сирии будет все больше контролироваться со стороны Башара Асада», — сказал Владимир Евсеев.

Участники «круглого стола» попытались обозначить и спрогнозировать наиболее острые вопросы, которые предстоит решать новому президенту Ирана Хасани Роухани и сформированному им правительству. Новое руководство уже заявило о готовности к серьезным переговорам по ядерной программе, а также приступило к подготовке двусторонней встречи лидеров России и Ирана в сентябре. Президенты России и Ирана Владимир Путин и Хасан Роухани проведут первую встречу 13 сентября в Бишкеке в рамках саммита Шанхайской организации сотрудничества. Надеемся, она и станет новым импульсом для поступательного развития отношений между Россией и Ираном.

Тегеран держит мир в тонусе

Иран в очередной раз взбудоражил мир своими ядерными планами. Тегеран объявил, что готовится производить так называемое уран-силицидное (silicide fuel) топливо. Оно предназначено для исследовательского реактора в Тегеране, заявила Организация по атомной энергии Ирана. Для производства топлива на объектах в Натанзе и Форду используются 700 центрифуг для обогащения урана до 20 %

Уран с содержанием изотопа урана-235 (U235) не более 20 % считается низкообогащенным. Для производства оружейного плутония требуется уран, обогащенный по крайней мере до 90 процентов.

Силицидное топливо имеет очень сложную физику. По сути, это смесь металлов с силиконом, которая позволяет упростить обогащение урана.

Некоторые западные эксперты утверждают, что Иран перешел очередную «красную черту» и пришло время реагировать на это. Такое мнение высказал аналитик Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Петр Топычканов. В запуске такого производства нет ничего нового или сенсационного. Если Иран будет действовать прозрачно и под надзором МАГАТЭ, то ничего страшного не произойдет.

Главное «но» во всем происходящем — это реакция Израиля, который нервно реагирует на любые сообщения с иранского «ядерного фронта», добавляет Топычканов:

«Нужно обращать внимание на те действия, которые могут предпринять не США или Европейский союз — они сейчас не настроены на конфронтацию в регионе, — а Израиль. Израильские политики уже не раз говорили, что Иран переступил «красную черту». И его действия означают намерение создать ядерное оружие. Если Израиль так интерпретирует эти сообщения, то он может предпринять действия, которые он уже предпринимал в отношении Сирии. То есть нанесет военный удар (в сентябре 2007 года израильские самолеты уничтожили сирийский реактор в Аль-Кибар). Это приведет к обострению региональной напряженности».

Иран на сегодняшний день имеет 18 тысяч центрифуг для обогащения урана. 10 тысяч из них в настоящее время работают, сообщил экс-глава Организации по атомной энергии Ирана Ферейдун Аббаси. Но почти все они, за исключением 700 агрегатов, — это центрифуги старого, примитивного поколения. Для производства высокообогащенного урана в промышленных масштабах требуется примерно 30 тысяч центрифуг новых образцов.

Иран давно и безуспешно пытался приобрести этот вид топлива за рубежом, в частности, у Франции или России. Но по политическим причинам сделать этого ему не удалось. И теперь он пытается наладить собственное производство, объясняет директор российского Центра энергетике и безопасности Антон Хлопков:

«Это один из видов топлива, которое используется в исследовательских реакторах. Он достаточно сложен для производства. В промышленных масштабах подобное топливо сегодня производят лишь две страны — Франция и Аргентина. Именно аргентинское топливо последние 30 лет использовалось в Иране. Но его запасы подошли к концу. Преждевременно говорить о том, что Иран достиг технологического уровня для производства этого вида топлива в промышленных масштабах».

За политическими маневрами вокруг иранской «ядерной программы» уже мало кто помнит, что атомная энергетика в стране появилась при помощи Вашингтона еще во время правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. В середине прошлого века был основан Атомный центр Тегеранского университета. Разработки в области атомной энергии проводились под эгидой США, с которыми Иран в 1957 году подписал соглашение. Согласно документу, Вашингтон обязался поставить в Иран ядерные установки, оборудование и подготовить специалистов. Сегодня Вашингтон является главным критиком ядерных планов Ирана.

На ядерном фронте Ирана — перемены

Вступивший в субботу в должность главы МИДа Мохаммад Джавад Зариф заявил о готовности Ирана приступить к новому этапу переговоров по ядерной программе. Он сменил Али Акбара Салехи, которого президент Ирана Хасан Рухани назначил вице-президентом и главой Организации по атомной энергетике. На церемонии было объявлено о том, что в Иране имеются 18 тыс. центрифуг не только первого, но и второго поколения.

Покидая пост руководителя Организации по атомной энергетике, Ферейдун Аббаси-Давани заявил, что у Ирана есть уже 18 тыс. центрифуг для обогащения урана. Страна обладает 17 тыс. центрифуг IR-1. Из них 10 тыс. находятся в рабочем состоянии, еще 7 тыс. готовятся к запуску. Оставшаяся тысяча — это центрифуги второго поколения IR-2m. Они, по данным Reuters, способны обогащать уран в несколько раз быстрее.

Впрочем, заявление не стало громкой сенсацией, а лишь подтвердило информацию МАГАТЭ. В майском докладе которого говорилось, что у Ирана есть 17 тыс. центрифуг первого поколения и 689 — второго. Ядерная программа Ирана давно вызывает обеспокоенность Запада. США и ЕС всячески пытаются заставить Тегеран прекратить работы по обогащению урана, опасаясь, что он может быть использован для создания ядерного оружия. В ответ иранские власти традиционно заявляют, что разработка ядерной программы носит сугубо мирный характер: уран с максимальным обогащением в 20% будет использоваться для научных изысканий в медицинской сфере.

Не стал исключением и новый президент Хасан Рухани, который в субботу подтвердил, что Иран «будет отстаивать свои национальные интересы». Другое дело, что будет он делать это «уместными средствами, точно и рационально». Иначе «народ дорого заплатит за любую внешнеполитическую ошибку», — цитирует Рухани агентство ISNA. Президент дал понять, что не станет придерживаться стиля своего предшественника Махмуда Ахмадинежада. Ведь ему предстоит вывести страну из международной изоляции и преодолеть кризис в экономике, испытывающей растущее давление санкций.

Задача корректировки внешней политики поставлена перед новым главой МИДа Мохаммадом Джавадом Зарифом. Он не преминул заявить, что Иран готов возобновить переговоры с «шестеркой» международных посредников (постоянные члены Совбеза ООН и Германия) по ядерной проблематике.

Такое заявление прозвучало в телефонном разговоре с верховным представителем ЕС по иностранным делам Кэтрин Эштон, которая поздравила Зарифа с назначением и отметила готовность «шестерки» работать с Тегераном, как только там определятся с составом иранской делегации на переговорах.

Напомним, что последний раунд таких переговоров прошел в Алма-Ате в апреле. После этого Иран успел объявить об открытии уранового завода и двух шахт, а МАГАТЭ — о том, что Тегеран продолжает разрабатывать ядерное оружие. Однако все это произошло до того, как президентом Ирана был избран Рухани. В конце минувшей недели он назначил экс-министра иностранных дел Али Акбара Салехи главой Организации по атомной энергетике Ирана. По мнению экспертов, назначение Салехи, который считается прагматиком, свидетельствует о готовности Рухани к компромиссам. У протеже же президента Ахмадинежада Аббаси-Давани была репутация жесткого руководителя и сторонника развития ядерной программы без уступок требованиям Запада. И это при том, что глава Организации по атомной энергетике не участвует в переговорах с «шестеркой», а надзирает над работой ядерных объектов.

Владимир Сажин

Этот юбилей в Иране не отмечают

60 лет назад, в августе 1953 года, при активном участии американских и британских спецслужб в Иране произошел переворот, в результате которого был свергнут режим премьер-министра Мосаддыка. Покачнувшаяся было монархия укрепилась, а вмешательство Запада во все сферы жизни Ирана значительно усилилось.

Нефть и геополитика связаны неразрывными узами. Доля нефти — этой «крови современной экономики» — в общем потреблении энергоресурсов в двадцатом веке постоянно росла. В 1900 году на ее долю приходилось 3% мирового энергопотребления, в 1939 году уже 17,5%, в 1972 году — 41,5%. И уже в первой половине прошлого столетия мир вступил в эпоху войн за черное золото.

Начало битвы за нефть положили англичане. Когда во время Первой мировой войны Уинстон Черчилль перевел военно-морские силы с угля на нефтепродукты, Британская империя создала нефтеносное хашимитское Королевство Ирака. В Иране, обладающем огромными запасами нефти, британцы помогли Реза-хану Пехлеви в 1925 году взойти на шахский трон. А спустя четверть века для Лондона вновь настало время решительных действий.

1951 год. Премьер-министр Ирана, лидер социал-демократического Народного Фронта Мохаммад Мосаддык принимает решение о национализации иранской нефтяной индустрии, которую контролировала Англо-иранская нефтяная компания (впоследствии — British Petroleum). Попытки Великобритании «повлиять» на Мосаддыка с помощью шаха Мохаммада Резы Пехлеви потерпели неудачу. Мосаддык провел референдум, на котором набрал практически 100% голосов, получил чрезвычайные полномочия и взял в свои руки командование над вооруженными силами. В итоге премьер-министр низложил шаха и в феврале 1953 года отправил его в изгнание. Войска взяли под контроль объекты нефтяной инфраструктуры страны.

Великобританию особенно пугало, что Мосаддык опирался не только на националистов и клерикалов, но и на марксистскую партию «Туде». Между тем в секретном докладе Госдепа США прямо говорилось, что Мосаддык не искал альянса с «Туде». Более того, Сталин в конце своей жизни запретил иранским коммунистам поддерживать Мосаддыка, принадлежавшего к социал-демократам, которым советский вожь не доверял. Отстранение партии «Туде», имевшей значительное влияние в иранском обществе, от поддержки премьера в итоге, как считают некоторые эксперты, облегчи-

ло проведение операции «Аякс», организованной американским ЦРУ по просьбе англичан.

19 августа Мохаммад Мосаддык был арестован. Близкие к трону военные во главе с генералом Фазлоллой Захеда разогнали правительство Национального фронта и вернули шаха. Через год правительство Ирана подписало соглашение с Международным нефтяным консорциумом, где основная доля акций принадлежала американцам и англичанам.

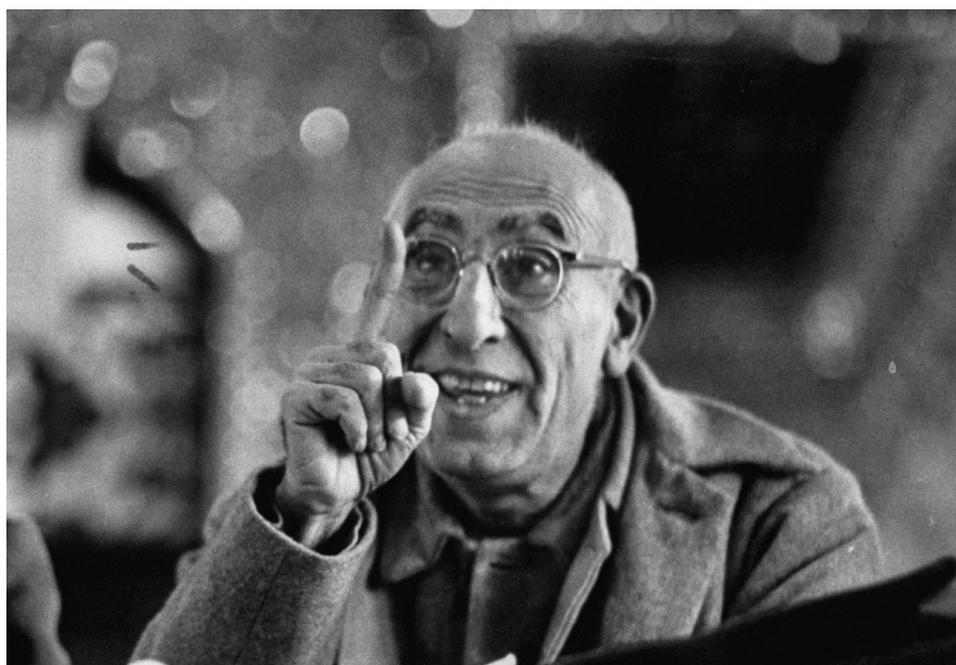
Американцам операция «Аякс» обошлась всего лишь в 1 млн долларов, зато впоследствии принесла миллиарды прибыли от иранской нефти и позволила потеснить Великобританию на нефтяных полях Ирана.

Говорит руководитель сектора Ирана Института востоковедения РАН экономист-международник Нина Мамедова:

«Этот переворот имел во многом экономическую основу. После 1953 года усилилось экономическое влияние США в Иране. Недаром к моменту начала исламской революции 1979 года у большинства иранских компаний с участием иностранного капитала этот капитал был американский. С этого времени началось усиление и политического влияния Соединенных Штатов в этой стране».

Роль Вашингтона во всех сферах иранской экономики, торговли, внешней и внутренней политики росла с каждым годом. Шах Мохаммад Реза Пехлеви стал главным военно-политическим союзником США в регионе более чем на четверть века.

Со дня переворота 1953 года в Иране прошло 60 лет. Много нефти утекло с тех пор. Ее доля в мировом энергопотреблении несколько сократилась. Но накал мировой борьбы за энергоресурсы не снизился. И кто знает, какие новые драматические сценарии ждут своего воплощения на этой сцене.

Виктория Панфилова

Назарбаев готов способствовать решению ядерной проблемы Ирана

Казахстан становится удобной площадкой для переговоров в формате «5+1» (Иран, Россия, США, Китай, Франция, Великобритания) по иранской ядерной программе. Очередной их раунд, который может состояться в конце сентября, казахстанская сторона предлагает провести в Алматы. Глава Казахстана Нурсултан Назарбаев, находясь в Тегеране среди почетных гостей на инаугурации нового президента Хасана Рухани, заявил, что «Казахстан готов принимать активное участие (в налаживании отношений с Западом — В.П.), в том числе посредством предоставления площадки для новых переговоров». Как стало известно автору, в настоящее время стороны проводят консультации с учетом уже полученного опыта в этом вопросе. В Алматы в начале нынешнего года уже проходили переговоры «шестерки», однако тогда сторонам не удалось достичь взаимопонимания по многим вопросам. «Иран подтвердил готовность принять участие в полноформатной встрече так называемой «шестерки» международных посредников по иранской ядерной программе, как только она будет согласована», — сообщили в Акорде.

Выбору Алматы в качестве места проведения очередного раунда переговоров по иранской ядерной программе способствовал тот факт, что Казахстан соблюдает нейтралитет по данному вопросу. А также то, что Казахстан является лидером глобального движения нераспространения атомного оружия и выступает с рядом инициатив по построению мира, свободного от ядерной угрозы. Астана на официальном уровне выражала надежду на то, что Тегеран последует ее примеру и откажется от ядерных амбиций.

Стоит напомнить, что 29 августа 1991 года президент Нурсултан Назарбаев своим указом навсегда закрыл один из крупнейших ядерных испытательных полигонов в мире в Семипалатинске. А позднее Казахстан отказался от обладания ракетно-ядерным арсеналом, к слову, четвертым по мощности в мире. И ровно через 21 год на международной парламентской конференции в Астане 29 августа 2012 года казахстанский лидер инициировал новый проект «Атом». Цель данного проекта — добиться реальных, постоянных изменений путем сплочения людей по всему миру в борьбе за окончательное прекращение испытаний ядерного оружия и, в конечном итоге, за освобождение мира от ядерного оружия.

Эксперты считают, что инициатива Назарбаева сделать Казахстан площадкой для переговоров по ядерной иранской проблеме не только улучшает

имидж страны на мировой арене, но и позволяет с оптимизмом смотреть на решение проблемы. Хотя она достаточно сложная. Директор Центра общественно-политических исследований Владимир Евсеев напомнил, что все попытки решить этот вопрос в Европе не увенчались успехом. «Рассматривалась возможность проведения переговоров в Стамбуле, но Турция увязает в сирийской войне, и не только. Поэтому, не исключено, переговоры будут проходить именно в Казахстане», — сказал автору Евсеев. Немаловажно, что к этому варианту склоняются США — государственный секретарь США Джон Керри в телефонном разговоре с главой казахстанского МИДа Ерланом Идрисовым отметил, что «Казахстан идеально подходит для проведения таких переговоров по иранской проблематике».

Однако, как считает Владимир Евсеев, скорого положительного результата ждать не стоит. «Пока не очень понятно, насколько изменятся установки по ядерной программе Ирана со стороны духовного лидера Хаменеи. Позиция нынешнего переговорщика по ядерной проблеме, секретаря Высшего совета национальной безопасности Мохаммада Форузанде, который сменил на этом посту Саида Джалили, тоже не очень понятна. Форузанде не является специалистом в ядерной сфере. Также не понятно, насколько новый президент Рухани будет влиять на корректировку курса. Пока понятно, что не может быть и речи об односторонних уступках, как того хочет Вашингтон, — только компромисс», — сказал Евсеев. Он при этом считает, что Вашингтон преувеличивает роль санкций, которые введены против Ирана Западом. Как известно, под санкции попали еще и банковская сфера, и страхование морских перевозок.

Приемлемый для сторон компромисс может включать следующее:

— во-первых, приостановку процесса дообогащения урана с 5 до 20%. Прецедент по этому вопросу с иранской стороны уже был. И переговорщиком от Ирана в то время как раз выступал Рухани. Ему удалось убедить духовного лидера ИРИ Али Хаменеи приостановить процесс обогащения урана в рамках Парижских соглашений (2004 года) о создании мер доверия в отношении мирной направленности иранской ядерной программы. «Позднее Хаменеи назвал этот шаг ошибкой, но, тем не менее, он пошел на это в рамках парижских соглашений 2004 г. Если и сейчас Рухани сможет убедить Хаменеи в необходимости приостановить дообогащение урана, то это может быть очень серьезным его козырем на переговорах», — сказал Владимир Евсеев;

— во-вторых, допуск инспекторов МАГАТЭ на военную базу в Парчин, где, по данным Запада, проводились испытания нейтронного инициатора (детонатора) для атомной бомбы. Конечно, этот объект Ираном никогда не заявлялся в качестве ядерного. В рамках действующего Соглашения с МАГАТЭ о применении гарантий и отказа от добровольного выполнения Дополнительного протокола (1997 года) к нему Иран не обязан предъявлять этот объект для инспекций. Однако его посещение инспекторами МАГАТЭ было бы крайне желательно для существенного повышения мер доверия между ИРИ и международным сообществом в ядерной сфере. Это лишило бы Запад самого серьезного на данное время основания говорить о военной направленности иранской ядерной программы;

— в-третьих, возобновление действия на иранской территории измененного кода 3.1 к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, что предпола-

гает предоставление в Агентство информации сразу после принятия решения о строительстве нового ядерного объекта или существенном изменении предназначения действующего ядерного объекта (обычный код 3.1 требует предоставить такую информацию только за шесть месяцев до появления на объекте ядерного материала).

«Эти три шага со стороны Ирана позволят надеяться на встречные шага Запада, потому что это предполагает суть компромисса. В их качестве как минимум следует рассматривать полную отмену односторонних, а значит, незаконных санкций ЕС в банковской сфере и в области страхования морских перевозок, что значительно затрудняет внешнеэкономическое сотрудничество с Ираном на уровне среднего и малого бизнеса ввиду появления существенных финансовых рисков», — сказал автору Евсеев, подчеркнув, что Ирану сейчас хоть и тяжело, но не настолько, чтобы он шел на односторонние уступки.

«Казахстан может повлиять на сложившуюся вокруг Ирана в результате санкций ситуацию, скажем, организацией операций СВОП — отгрузки нефти в каспийских портах Ирана в обмен на отгрузку нефти в Персидском заливе, хотя США всячески пытаются блокировать операции СВОП. Жители севера Ирана остаются отрезанными от богатого углеводородами юга своей страны, а поставки казахстанских углеводородов могли бы улучшить социально-экономическую картину северных иранских регионов. Кроме этого, Казахстан может увеличить поставки в Иран зерна, ввиду того, что Иран себя не полностью самообеспечивает в плане продовольствия», — полагает Евсеев. Сдерживающим фактором подобного сотрудничества являются санкции наложенные ЕС на банковский сектор — возникает проблема перевода денег. Но, как считает эксперт, она решается для тех государств, между которыми имеются серьезные торговые отношения, например, в поставках нефти. Осуществляются торговые операции в национальной валюте. Для Казахстана это вполне реально. Так делает Китай — Пекин проводит все операции в юанях, которые обналичиваются в Гонконге. Такая же схема может быть использована между Казахстаном и Ираном. Но это должны быть крупные проекты — мелкий и средний бизнес в данных условиях вести не рентабельно.

Важную роль также сыграет развитие транспортного направления между Казахстаном и Ираном. На последних переговорах президента Назарбаева с Рухани отмечалось, что необходимо более активно использовать транзитно-транспортные возможности двух стран. Особо был отмечен имеющийся потенциал железнодорожной линии по маршруту Жана-Узень — Кызылгая — Берекет — Этрек — Горган. Эта ветка способна значительно оживить региональное торгово-экономическое взаимодействие и повысить эффективность транспортно-коммуникационной структуры региона.

Закономерный вопрос: что может предложить Казахстану Иран? Иран модернизирует железные дороги. ИРИ смогла организовать производство локомотивов по типу Siemens и теперь реально наращивает потенциал в области транспортировки грузов. С этой точки зрения для Казахстана участие в создании несколько видоизмененного транспортного коридора было бы выгодно: Астана могла бы предлагать свои товары не только Ирану, но и выходить с ними в зону Персидского залива, рынки Южной Азии.

ЦРУ впервые официально признало свою роль в иранском перевороте 1953 г

Неправительственная организация «Архив национальной безопасности» распространила в понедельник в Вашингтоне документы, в которых ЦРУ впервые официально признает свою роль в госперевороте в Иране в 1953 году, когда был свергнут демократически избранный премьер-министр Мохаммед Моссадык.

«Об американском и британском участии в свержении Моссадыка давно было известно публике, но сегодняшняя публикация включает, вероятно, первое формальное признание ЦРУ, что оно помогло спланировать и осуществить переворот», — говорится в заявлении организации. По мнению архива, эти данные можно было рассекретить много лет назад без риска повредить национальной безопасности.

Обнародована написанная еще в 1970-е годы для внутреннего пользования ЦРУ историческая работа «Битва за Иран». Американский союз гражданских свобод (ACLU) добился рассекречивания этого документа в 1981 году на фоне революции в Иране, сопровождавшейся антиамериканскими выступлениями и захватом посольства США. Но тогда ЦРУ изъяло из рассекреченного документа любые упоминания об операции по проведению переворота 26 годами ранее.

Кроме того, в понедельник распространены рабочие документы Кермита Рузвельта, который представлял ЦРУ в Иране в момент переворота. «Эта тема представляет не просто академический интерес. Политические деятели всех сторон, включая иранское правительство, регулярно ссылаются на переворот при обсуждении, сам ли Иран или иностранные державы несут основную ответственность за исторический путь страны, можно ли верить США в вопросах суверенитета Ирана и нужно ли Вашингтону извиняться за прежнее вмешательство, чтобы улучшить отношения», — говорится в заявлении архива.

Поводом для свержения премьера Ирана 60 лет назад стала национализация нефтяных компаний, которая нанесла ущерб интересам США и Великобритании. В ходе переворота шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви временно бежал из страны, но затем премьера Моссадыка удалось арестовать. Моссадык провел три года в тюрьме и оставался под домашним арестом до своей смерти в 1967 году.

Иван Захаров

Иран-Ирак: 25 лет мира как повод для оптимизма

Ровно четверть века назад, 20 августа 1988 года, вступило в силу перемирие между Ираком и Ираном. Закончилась кровопролитная восьмилетняя война, которую в Иране называют «Священной обороной», а в Ираке «Кадисией Саддама». Однако, по мнению экспертов, ни одна из воюющих сторон безоговорочной победы не добилась.

После победы иранской антишахской революции один из выдающихся шиитских богословов из Наджафа — Мохаммед Багир Садр — направил аятолле Хомейни поздравление. Указывая на шаха, он отмечал, что на его примере «другие тираны увидели свой день расплаты». В данном случае автор имел в виду багдадских руководителей. В этом сомнений не было. Но пройдет год, и президентом Ирака станет Саддам Хусейн, который немедленно приступил к планомерной репрессии руководителей и активистов шиитской оппозиции. Иран не мог оставаться в стороне. Казавшееся серьезным потепление в отношениях сменилось открытой враждой.

Какую же цель преследовали руководители Ирана и Ирака, когда преднамеренно шли к войне? Естественно, каждое из этих государств рассчитывало сокрушить другое. О своих задачах и возможностях их осуществления они заявляли откровенно. Однако при глубоком размышлении их лидеры могли бы прийти к выводу, что мировое сообщество никоим образом не позволит одному государству разгромить другое, одержать военную победу в полном смысле этого слова. Ни одна сверхдержава, ни один из военных блоков этого не допустил бы. Ведь победа привела бы к установлению контроля одного из этих двух государств над колоссальными ресурсами нефти и газа в зоне Персидского залива.

Уже сам по себе этот факт мог представлять реальную угрозу для позиции сверхдержав Запада на мировом рынке энергоносителей. Тем более, что ИРИ провозглашала программный лозунг о своем отрицательном отношении как к Западу (капиталистическому), так и к Востоку (социалистическому), тем самым откровенно претендуя на место сверхдержавы и на роль лидера исламского мира. Опираясь на этот анализ, можно сделать следующее заключение: сверхдержавы позволили воевать Ираку и Ирану между собой, но ни одна сторона не должна была разгромить своего противника. Такого мнения придерживается профессор МГУ Александр Вавилов:

«В этой войне отчетливо проявилась геополитическая стратегия Вашингтона и его союзников в регионе Ближнего и Среднего Востока. Американцы считали любой из возможных исходов войны приемлемым для себя и ставили основной целью ослабление сторон. Сначала США поддерживали Ирак, предоставляя спутниковые снимки театра военных действий, поставляли ему компоненты производства химического оружия. Однако стоило Багдаду ощутить перевес в войне, как стало известно о деле «Ирангейт» — организации тайных поставок отдельными членами администрации США вооружения в Иран».

Таков был вердикт наиболее могущественных игроков глобальной геополитики. Кстати, в так называемой доктрине Картера Персидский залив рассматривался в качестве зоны жизненных интересов США и Запада. Это ясно означало, что США не допустят крутого изменения баланса сил в регионе. Однако руководители обоих государств этот расклад мировой политики не учли.

Существенное значение в развязывании ирако-иранской войны имел нефтяной фактор. Согласно Фуаду Мурси, известному исследователю политических проблем средневосточной нефти, эта война в значительной степени стала результатом политики подстрекательства сверхдержав и нефтяных монополий Запада. Если арабо-израильская война 1973 года содействовала усилению контроля нефтедобывающих стран над своими ресурсами, то, по заключению Мурси, ирако-иранское столкновение привело к резкому ослаблению позиций стран ОПЕК. Существенно сократились добыча и экспорт нефти из двух стран. Это означало, что фактически Западу удалось усилить свое влияние на мировом рынке нефти.

Куда существеннее экономических оказались человеческие потери. По неофициальным данным, война обернулась гибелью 1 млн человек. Избежать кровопролития в будущем — это далеко не единственный урок войны, который извлекли и в Тегеране, и в Багдаде, отметил тегеранский политолог Хасан Ханизаде:

Важно, что спустя четверть века по обе стороны ирано-иракской границы осознают, что путем ведения боевых действий невозможно разрешить политические противоречия

«Безусловно, 8 лет боевых действий между Ираном и Ираком преподнесли немало уроков каждой из сторон. Первый и главный из них — ценить человеческую жизнь. За годы войны пострадали сотни тысяч человек из числа мирного населения. Важно помнить и экономический ущерб: были разрушены многие города и села, на восстановление которых потребовались астрономические суммы, исчисляемые сотнями миллиардов долларов.

Важно, что спустя четверть века по обе стороны ирано-иракской границы осознают, что путем ведения боевых действий невозможно разрешить политические противоречия, мир дороже войны, а совместные усилия в различных сферах сотрудничества выгоднее распрей.

Отрадно, что нынешний режим в Багдаде не имеет каких бы то ни было серьезных противоречий с ИРИ. Есть основания смотреть в будущее ирано-иракских отношений с оптимизмом. Считаю, сегодня есть все условия для

создания в обозримом будущем под патронажем Ирана и Ирака регионального объединения, которое бы плодотворно функционировало в области обеспечения безопасности на Ближнем Востоке».

Первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. Военно-морские силы Корпуса Стражей Исламской революции и Ирака в этом году подписали соглашение о расширении сотрудничества между ВМС двух стран. Тегеран и Багдад ведут переговоры по мирному решению важнейших региональных конфликтов сегодняшних дней — сирийского и египетского. Только диалог позволит не повторить печальных последствий ирано-иракской войны 1980–1988 годов, пояснил профессор МГИМО Вениамин Попов:

«Исходя из опыта ирано-иракской войны, министр иностранных дел СССР в то время, Андрей Громыко, заметил: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Именно этим лозунгом и нужно руководствоваться в XXI веке, когда любые военные действия чреваты катастрофой для всей планеты».

Россия выступает против любых расколов в исламском мире. Глава МИД РФ Сергей Лавров неоднократно заявлял, что все мусульмане — вне зависимости от их конфессиональной принадлежности — должны жить в мире и согласии. Мусульмане Ирана и Ирака — не исключение.

Рамазан Алпаут

США и Иран: who is who?

Произошедшие изменения на политической арене Исламской Республики Иран, возможно, станут зерном, из которого произрастут отношения между двумя вражескими государствами. Однако для того, чтобы что-то из этого получилось, важно понимать, кем являются действующие лица этого спектакля-трагедии.

После падения режима шаха Реза Пехлеви, который считался верным союзником США, власть в Иране захватил аятолла Хомейни. Шах благополучно переселился в США. И этот факт вызвал народное возмущение. 4 ноября 1979 года иранские революционеры штурмовали американское посольство в Тегеране, они взяли в заложники около пятидесяти человек и удерживали их в течении долгих и мучительных 444 дней.

Эти события известны для большинства иранцев под названием «Победа над американским шпионским притоном». Правда, американцы помнят их по названию провальной освободительной операции «Орлиный коготь».

Горький осадок этих событий остается по сей день, несмотря на то, что этот эпизод давно канул в историю, будучи запечатленным в исторических книгах и голливудских фильмах.

Пожалуй, редко можно встретить другие два государства, которые испытывают друг другу столь сильное взаимное недоверие и отторжение, как США и Иран.

По мнению британского «Economist», «инаугурация нового иранского президента, которое состоялось 4 августа, вряд ли изменит данную ситуацию». И не изменит она лишь потому, что новый президент Ирана Хассан Роухани, как считает издание, «не является реформатором или другом Запада, ибо такой человек не может стать президентом, не будучи вовремя отсеянным посредством сито иранской системы управляемой демократии».

Но в отличие от своего предшественника — прямолинейного ястреба, обласченного в охотничьи мундиры, когда дело касается внешних сношений, президент Роухани действует без острых когтей и пронзающего клюва. И это, наверное, главное отличие нынешнего президента от Ахмадинежада.

Как бы внешние силы, особенно Израиль, США и европейские союзники, не чуяли что-то зловещее под его благовидной маской, среди иранцев нынешний президент уже давно завоевал репутацию прагматика и искусного переговорщика.

Ведь хотя соглашение и не было достигнуто, именно он в качестве главы Совета национальной безопасности в 2003 году договорился об отсрочке обсуждения иранской ядерной программы, которая была краеугольным камнем в отношениях между двумя государствами.

Роухани — довольно сложная и многогранная фигура, видимо, поэтому ведущие издания Запада не могут до конца определить его плюсы и минусы, причем для Запада, а не Ирана.

При всем этом так и хочется оклеймить его очередным авторитарным лидером, но все же, приходится признавать, что именно новый президент говорит о необходимости смягчения политических ограничений внутри страны, а также призывает напрямую вести переговоры с Америкой, с которой у его страны нет даже установленных должным образом дипломатических отношений.

Предложение нового президента вести переговоры с США без посредников порождает слухи о том, что новое соглашение по ядерной программе возможно.

Практически все крупные европейские издания пишут о том, что Запад должен проявлять осторожность в отношении нового президента ИРИ. Они сходятся на том, что предложение Роухани запустить переговорный процесс может быть тактикой, направленной на затягивание времени, которое сыгрывает в пользу иранским центрифугам.

При этом еще недавно западные СМИ хвалили господина Роухани за то, что он смог обхитрить Запад. Но в то же время, они же поспешили успокоить всех, напоминая, кто есть кто в исламской республике.

Тот же «Economist» довольно самоуверенно пишет: «Будь он в сто раз хитрее и мудрее, он представляет всего лишь одну из многих центров сил в исламской республике, между тем следует помнить, что ядерная программа страны все еще контролируется верховным лидером Али Хомейни, а не президентом».

Однако иранское издание «Tehran Times», справедливо реагируя на эту риторику, задается вопросом: «Почему весь западный мир так дружно опасался Ахмадинежада, если он не обладал существенными полномочиями?»

Между тем, следует признать, что согласие Роухани на «перезапуск» переговорного процесса совсем не означает отказ от обогащения урана.

Хитрыми бывают не только иранцы

Поговаривают, что Барак Обама, подавая символично руку дружбы иранской стороне в начале своего первого срока, действовал так из тактических соображений, зная, что получит отказ. И в этой связи абсолютно непонятны призывы издания «Jewish Press» «относиться к президенту Роухани с настороженностью», ибо последний исходит из национальных интересов ИРИ.

Не поступи Обама так, у него не было бы преимущества. А теперь же он может запустить пропаганду в духе «Великий Сатана не хочет мира», в то время как Иран, вероятнее всего, будет наращивать свои центрифуги во время этой кампании. В далекой же перспективе этот шаг даст повод начать военные действия с целью разрушения ядерного потенциала Ирана.

Хассан и Барак

Президенту Обаме есть, чего ждать и от переговоров. Если, в конце концов, свита президента Ирана и вправду мудрая, соглашение все же должно быть достигнуто. Санкции западных государств на самом деле здорово мешают развитию экономики Ирана.

Господин Роухани как лидер с широкой поддержкой в стране, возможно, сможет склонять массы в сторону необходимости заключения соглашения с США. Или если он, как подозревает Израиль, блефует, данный вопрос снимет с него маску и обнажит реального Роухани.

Хорошие отношения служат интересам обеих стран. США и Иран контактируют гораздо реже, чем, скажем, сверхдержавы в годы Холодной войны. Это, конечно, негативно отражается на отношениях между двумя странами, так как таким образом повышается недоверие друг другу.

Отсутствие нормальных постоянных контактов между бюрократическими институтами стимулирует взаимную боязнь. Несмотря на заявления Роухани о переговорах без посредников, нынешний уровень кризиса и взаимного недоверия между США и Ираном не позволит им избежать медиатора, роль которого могла бы выполнить Россия, которая должна строить свою внешнеполитическую линию с учетом разных сценариев развития событий.

Необходимо как можно скорее открыть дипломатические миссии в обеих странах. Однако для этого США и Ирану важно начать общаться, и мир увидит, кем же на самом деле является столь загадочный президент Роухани — волком, ягненком или государственным.

Эксперты: новый представитель по ядерному доосье — важный шаг Тегерана

Назначение главы МИД Ирана Мохаммада Джавада Зарифа на должность переговорщика по ядерному доосье, задачи которого ранее выполнял секретарь Высшего совета нацбезопасности, можно расценивать как важный шаг со стороны Тегерана, призванный продемонстрировать открытость и готовность вести переговоры, считают опрошенные РИА Новости эксперты.

В воскресенье Мохаммад Джавад Зариф сообщил главе дипломатии ЕС Кэтрин Эштон, представляющей «шестерку» международных переговорщиков по ядерной программе Ирана, что Тегеран готов возобновить переговоры с мировым сообществом. Эштон, в свою очередь, заявила о принципиальной готовности «шестерки» работать с новой иранской делегацией и указала на необходимость быстро достичь конкретных результатов. Она намерена встретиться с Зарифом в ближайшее время.

Опытный дипломат

Старший научный сотрудник Института международной экономики и международных отношений РАН, эксперт Российского совета по международным делам (РСМД) Виктор Надеин-Раевский считает, что «смена руководителя переговорщиков указывает на важность этой проблематики (ядерной программы) для Ирана и то, что новое руководство придает большое значение переговорному процессу».

Он отметил, что сейчас речь идет о том, что «сами переговоры будут вестись не технарями, а дипломатами». Переговорщиками от других стран «шестерки» всегда выступали люди из министерства иностранных дел, и только Иран представлял секретарь Высшего совета национальной безопасности страны.

«Статус переговоров повышается, потому что здесь к ним подключается профессиональный дипломат, глава МИД, по этой позиции получается, что иранский переговорщик равен тем переговорщикам, которые участвуют со стороны стран «шестерки», — сказал старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО Владимир Сотников.

Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Борис Долгов считает повышение статуса формальностью. «Степень ответственности

Совета национального безопасности тоже крайне высока, поэтому я бы не сказал, что это суперповышение статуса. Это скорее переводение его в плоскость более понятную американцам и европейцам», — пояснил он.

Специалисты также высоко отзываются о профессиональных качествах нового главы МИД Ирана. «Это опытный дипломат и, мне кажется, что его назначение идет как бы в русле того, что сказал и что планирует сделать в плане переговоров с «шестеркой» новоизбранный президент Ирана», — сказал Владимир Сотников. По его словам, новый переговорщик будет представлять умеренную сторону, но, «конечно же, в Иране ключевые решения по так называемой ядерной проблеме Ирана будут окончательно сформулированы только с одобрения духовного лидера аятоллы Али Хаменеи».

Борис Долгов подчеркнул, что иранский министр иностранных дел и раньше занимался проблематикой ядерной программы, поэтому он «компетентный и вполне разбирающийся в этих вопросах человек».

Осторожный оптимизм

От новых назначений эксперты не ждут быстрого разрешения иранской ядерной проблемы.

«Подвижки возможны. Человек, который назначен, призван с умеренных позиций, — принимая во внимание, что все находится под контролем Рахбара (лидера), и в то же время, принимая во внимание положения, которые были высказаны в инаугурационной речи новоизбранного президента Роухани, — договариваться со своими партнерами по «шестерке», — считает Борис Долгов. По словам эксперта, шансы на подвижки есть, но рассчитывать на то, что это будет быстро, не стоит. «Нужно относиться к этому с довольно осторожным оптимизмом», — заключил он.

Виктор Надеин-Раевский согласен, что изменения возможны, но совсем не скоро. «Новое руководство Ирана во главе с президентом Хасаном Роухани более открыто и стремится улучшить отношения с Западом, сделать их более прагматичными, устранить те негативные моменты, которые присутствовали в прежнем руководстве, то есть ненужную радикальную риторику с обеих сторон. Вот в этом плане нужно ожидать каких-то изменений», — пояснил он.

Таким образом, эксперт связывает надежды на продвижение в деле переговоров с общим обновлением руководства страны, а не с конкретным назначением. «Смена переговорщика со стороны Ирана — это действительно значительное событие, но я бы не сказал, что оно каким-то образом повлияет на ход переговоров, на процесс урегулирования отношений между Западом и Ираном в плане иранской ядерной программы», — заключил он.

От новых назначений эксперты не ждут быстрого разрешения иранской ядерной проблемы

Участие нового главы МИД Ирана в переговорах с «шестеркой» сделает более прозрачной ядерную программу Тегерана — российский эксперт

Появившаяся в СМИ информация о назначении главы МИД Ирана Мохаммада Джавада Зарифа главным переговорщиком с «шестеркой» международных посредников по иранской ядерной проблеме является позитивным сигналом Западу, считает директор российского Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров.

«Пока нет официального сообщения, что президент Рухани принял такое решение. Но сама информация о подобных планах — уже серьезный сигнал Западу, поскольку речь идет о переговорщике, рукопожатом для США и ЕС, прекрасно разбирающемся в хитросплетениях мировой политики. Сам факт, что Тегеран назначает человека, с которым Западу будет комфортно поддерживать диалог, говорит в пользу того, что иранская сторона достаточно предсказуема и намерена придать большую прозрачность своей ядерной программе», — заявил Р. Сафаров во вторник «Интерфаксу».

По оценке эксперта, послужной список нового главы МИД Ирана говорит о том, что атмосфера переговоров будет максимально комфортной особенно для Запада. «Новый министр иностранных дел хорошо понимает западную ментальность, жил и работал на Западе, где сейчас живут и учатся его дети. Также он был специальным представителем Ирана в ООН. На него также возлагалась миссия непубличного характера, связанная с взаимодействием с политиками США и поддержания контактов с Конгрессом и сенатом», — сказал собеседник агентства.

«В период, когда между Тегераном и Вашингтоном не было дипломатических отношений, нынешний глава МИД был тайным переговорщиком с США. Контактнуруя с Западом, он всегда чувствовал себя, как рыба в воде», — отмечает эксперт.

Ранее в некоторых СМИ со ссылкой на иранский дипломатический источник появилась информация о том, что глава МИД Ирана возглавит делегацию на переговорах с «шестеркой» международных посредников (пять постоянных членов СБ ООН и Германия) по урегулированию ядерной проблемы.

Иран поднимет статус переговоров, в которых будет участвовать чиновник в ранге министра.

«Ядерное досье было передано в министерство иностранных дел», — сказал дипломатический источник, пожелавший остаться неизвестным.

До последнего времени делегацию Ирана на переговорах с «шестеркой» возглавлял секретарь Совета национальной безопасности Ирана Саид Джалили.

Ранее избранный в июне президент Ирана Хасан Рухани заявил, что его страна готова к сотрудничеству с мировым сообществом в вопросе решения ядерной проблемы, в том числе к переговорам с «шестеркой».

Международные посредники выразили надежду на то, что президент Ирана не будет затягивать проведение очередного раунда переговоров. Посредники рассчитывают, что они состоятся уже в сентябре.

Последний раунд переговоров по урегулированию иранской ядерной проблемы состоялся в апреле в Алма-Ате.

Иван Яковина

Тегеран-53

Центральное разведывательное управление США формально признало свое участие в свержении премьер-министра Ирана Мохаммеда Мосаддыка в 1953 году. История первой в своем роде американской операции на Ближнем Востоке сейчас вызывает интерес в связи с нарастающей нестабильностью обстановки в регионе.

В том, что ЦРУ активно участвовало в событиях 1953 года, уже давно никто не сомневался. Более того, в 1993 году тогдашний директор управления Джеймс Вулси заявил, что в «скором времени» документы об участии американской разведки в свержении Мосаддыка будут рассекречены. Однако спустя четыре года он же заявил, что в начале 1960-х почти все релевантные записи были уничтожены. Вулси даже предположил, что его предшественники «катастрофически утратили веру в американский народ», поскольку сожгли огромные объемы документов, касающихся не только Ирана. Если тогда кто-то и не поверил директору ЦРУ, то проверить правдивость его слов в любом случае было невозможно.

В документах, опубликованных на сайте Архива национальных служб безопасности, речь идет о том, что все и так знали. Американцы совместно с британцами спланировали и провели операцию «Аякс» (TRAJAX) по насильственному отстранению от власти премьер-министра Мосаддыка, пользовавшегося большой поддержкой в обществе. Причины для его свержения также не новы: национализация нефтяной промышленности, фактическое изгнание близкого США и Великобритании шаха Мохаммеда Резы Пехлеви, а также сближение действовавшего иранского руководства с СССР.

В сущности, ничего принципиально нового в рассекреченных документах нет. В частности, они не дают окончательного ответа на вопрос о степени участия иностранных спецслужб в перевороте и скорее выглядят обоснованием и даже оправданием вмешательства в иранские дела, нежели какой-то формой раскаяния в совершенном. Тем не менее в сочетании с другими источниками эти данные дают примерное представление о мотивах и методах смены власти в Иране в 1953 году. Мотивы — жадность и страх, а методы — обман, подкуп, запугивание и сила.

В начале 1950-х в Иране сложилась очень напряженная ситуация, вызванная противостоянием элит и внешнеполитическими трениями. Во время Второй мировой войны страна фактически была разделена на оккупационные зоны: на севере стояли советские войска, на юге — британские. Вну-

триполитическая ситуация во многом была отражением этого положения дел: шах Пехлеви небезосновательно считался послушной марионеткой Лондона, но среди преимущественно сельского крестьянского населения и городской бедноты нарастающим влиянием пользовались коммунисты. Промежуточное положение занимали социалисты (Национальный фронт) во главе с бывшим университетским преподавателем права Мохаммедом Мосаддыком. С одной стороны, они выступали за раздачу земли крестьянам и национализацию нефтяной промышленности, с другой — не собирались становиться сателлитом Советского Союза, выступая с умеренно националистических позиций.

Во многом благодаря этому в 1951 году первый демократически избранный парламент (меджлис) Ирана подавляющим большинством голосов назначил Мосаддыка премьер-министром страны. Этот человек стал своего рода иранским Вацлавом Гавелом. Он был выходцем из интеллигентной семьи, первым иранцем, защитившим докторскую степень в европейском университете, прекрасно говорил по-французски, много и неглупо писал, отличался исключительно щепетильным отношением к соблюдению законов, при этом был настоящим патриотом — честным, образованным, самостоятельным и равнодушным к соблазнам власти.

Став премьером, Мосаддык запустил широкую программу реформ, нацеленную на борьбу с бедностью и избавление от внешней (прежде всего британской) зависимости. Главным пунктом его программы стало изменение системы отношений с «Англо-иранской нефтяной компанией» АИНК, позднее получившей название British Petroleum (BP). Мосаддык, которому были необходимы средства на социальные программы, потребовал, чтобы британцы увеличили долю отчислений от продажи нефти в иранский бюджет до 50 процентов, как это, например, делали американцы в Саудовской Аравии. Руководители АИНК категорически отказались, что, после серии провальных переговоров, привело к национализации объектов компании в Иране.

В 1951 году Мосаддык выступил в меджлисе с речью, в которой объяснил свое решение. «Переговоры никаких результатов не дали. Однако с помощью доходов от нефти мы можем побороть бедность, болезни, отсталость. Что еще важнее: ликвидировав всевластие британской компании, мы уничтожим коррупцию и интриги, с помощью которых иностранцы влияют на нашу страну. Компания должна вернуть собственность ее законным владельцам. Тем самым мы обречем экономическую и политическую независимость. Национализация позволит удовлетворить законные требования компании о компенсации и увеличит наш бюджет на 25 процентов».

Британцы, сильно зависевшие от иранских поставок для послевоенного восстановления своей экономики, решили действовать. Сначала Лондон отказался приобретать персидскую нефть. Когда это не сработало, к иранскому побережью были направлены боевые корабли. Их задачей было установление морской блокады страны. Тогдашний президент США Гарри Трумэн едва отговорил британцев от необдуманных шагов.

В Белом доме вообще очень скептически отнеслись к жалобам британцев на нового иранского лидера. По мнению Трумэна, проблема, конечно, существовала, но не такого масштаба, чтобы свергнуть правительство. К тому же

американцы гибли на Корейской войне, и ввязываться в еще одно жесткое противостояние на другом конце мира американский президент не хотел.

Ситуация изменилась с приходом к власти Дуайта Эйзенхауэра и расцветом политики маккартизма в США. Британцы живо сообразили, что в условиях набирающей обороты «охоты на ведьм» надо давить на опасность распространения советского влияния в Иране. В действительности в этот момент руководству СССР было не до тегеранских дел, поскольку Иосиф Сталин уже был безнадежно болен, а в Кремле набирала обороты ожесточенная схватка за его наследие. Кроме того, советские войска, после войны занимавшие северные и западные районы Ирана, уже были оттуда выведены. Но в Вашингтоне начала 1950-х тема противостояния «коммунистической заразе» была столь же актуальна, как сейчас борьба с «международным терроризмом». Именно эта позиция и обозначена в рассекреченных ЦРУ документах: Иран надо было спасти от советского влияния, что потребовало вмешательства американцев.

Надо сказать, что помощь от США для британцев была действительно бесценной. Через подконтрольные им СМИ американцы начали масштабную кампанию дискредитации Мосаддыка: его ругали за европейскую привычку спать в смешной пижаме, за желтый оттенок лица, за вечно текущий нос и уж тем более — за рыдания на парламентской трибуне (Мосаддык действительно этим грешил).

Один из руководителей британской операции по свержению иранского премьера Кристофер Вудхаус позднее вспоминал, что подключение к ней энергичных американцев спасло ситуацию. По его словам, тогдашний посол Соединенного королевства в Иране был «безвольным нытиком, находящимся под полным контролем своей вдовствующей сестры». Представители АИНК казались ему «унылыми свиноголовыми занудами».

Через подконтрольные им СМИ американцы начали масштабную кампанию дискредитации Мосаддыка

Тут надо остановиться на личности самого Вудхауса, чтобы понять, что за люди работали в британской разведке в то время. Это был человек из категории тех, что выстроили Британскую империю: блестяще образованный интеллигент-полиглот, поднимавший восстание и сражавшийся против нацистов в Греции. После работы в МИ-6 он заседал в парламенте, а на закате дней унаследовал титул барона Террингтона и занимался изучением древней и современной Греции в Оксфорде. Умер он в 2001 году. Именно этому человеку британская корона поручила устранить угрозу своим интересам в далекой Персии. Надо сказать, что справился он с задачей блестяще.

У Вудхауса уже был опыт тайных операций в Иране. В 1952 году для противодействия возможному советскому вторжению было решено создать вооруженные партизанские отряды на севере страны, и Вудхаус взялся за доставку оружия. Самолет, на котором он летел, сбился с курса и вместо тайного аэродрома в горах Загрос приземлился в Тегеране. Оружие сложили на грузовики, которые выехали на север. Британец со своими иранскими помощниками ехал по проселочным дорогам, чтобы избежать встречи с полицейскими и военными патрулями. В местности, названия которой Вудхаус так и не назвал, машины остановились. Иранцы выкопали траншеи, в

которые было заложено оружие. Позднее Вудхаус говорил, что оно, видимо, до сих пор лежит в иранской земле.

Когда было принято решение о свержении Мосаддыка, британец моментально наладил взаимодействие с американцами, отправленными ему в помощь Эйзенхауэром. Главным из них был координатор ЦРУ по Тегерану Кермит Рузвельт — внук президента Теодора Рузвельта, правая рука главы управления Аллена Даллеса. Тогдашнего американского посла в Иране Вудхаус охарактеризовал как «энергичного олигарха, отмеченного за свои труды Демократической партией США». Главным оперативником ЦРУ в столице Ирана был Роджер Гуаран — американец французского происхождения.

Тем временем политические игры вокруг Ирана набирали силу. Рузвельт (не почивший президент, а его внук из ЦРУ) летал в Тегеран, как на работу, выстраивая структуру будущего путча, а Вудхаус проводил время в Швейцарии, куда пришлось удалиться иранскому шаху. Монарх уже было смирился с изгнанием и собрался прожить остаток жизни в альпийских предгорьях, но Вудхаус сумел встретиться с его сестрой Ашраф и через нее убедить Пехлеви, что его роль в истории еще не окончена. Под диктовку британцев шах написал указ о смещении Мосаддыка и назначении нового премьер-министра.

Получив искомую бумагу, британцы с американцами принялись за воплощение плана в жизнь. Координаторами в Тегеране стали братья-роялисты Рашидианы. На деньги, выделенные США и Великобританией, они оптом скупали лидеров профсоюзов, криминальных авторитетов, депутатов парламента, журналистов, армейских офицеров и всех тех, у кого было хоть какое-то влияние в иранском обществе. Помимо различных сумм наличными всем им обещались те или иные преференции после смены режима. В результате против Мосаддыка, взявшегося за искоренение коррупции, восстала вся иранская элита. Деньгами, уговорами и посулами Рашидианы сумели привлечь на свою сторону и базари — тегеранских торговцев.

В августе 1953 года отказавшийся подчиниться шаху глава правительства был схвачен перешедшими на сторону путчистов военными и посажен на три года в тюрьму

В августе 1953 года отказавшийся подчиниться шаху глава правительства был схвачен перешедшими на сторону путчистов военными и посажен на три года в тюрьму. После этого срока его приговорили к десяти годам домашнего ареста. Мосаддык умер в своем имении под Тегераном в 1967 году.

Казалось бы, операция по ликвидации независимого от Запада режима у южных границ СССР увенчалась полным успехом. Однако шах, вернувшийся из Европы, не вернул британцам их нефтяные концессии. Пользуясь полной поддержкой США, он сам начал выкачивать из своей страны ресурсы, продавая их на Запад. Пехлеви и его приближенные отстроили однопартийную систему

с «вертикалью власти», члены которой пользовались полной безнаказанностью. Несогласных подавила служба безопасности САВАК. При внешнем либерализме страна была настолько поражена коррупцией, что единственной жизнеспособной оппозицией оказались исламские фундаменталисты,

считающие причиной всех бед западное влияние, которое олицетворяли шах и его режим.

В 1979 году в результате исламской революции монархия была сметена. Но Иран так и не стал демократической страной, превратившись в государство, которое мы знаем сейчас. Большинство аналитиков полагает, что революция аятолл стала отложенной реакцией на путч 1953 года. Люди, которые свергли Мосаддыка, позднее признавались, что 1979-й стал самым жутким годом в их жизни. Все, за что они боролись, было перечеркнуто. Кермит Рувельт отмечал, что никогда больше не следует делать «того, что мы сделали в Иране в 1953 году, только если нет полного одобрения со стороны народа и армии». Кристофер Вудхаус сожалел, что его работа в Иране с приходом к власти исламистов «обратилась в прах».

Публикация документов об иранском путче 1953 года (и формальное признание американского в нем участия) может стать довольно важным событием с точки зрения международной политики. Дело в том, что с избранием президентом Ирана реформатора Хасана Рухани возобновились негласные попытки наладить американо-иранские отношения, разрушенные за годы президентства Махмуда Ахмадинежада. Попытка Вашингтона честно взглянуть на самые неприглядные страницы истории своих взаимоотношений с Тегераном может послужить для установления доверия, без которого никакой серьезный диалог невозможен.

Иран за неделю 2013.08.21

Командующий сухопутными силами армии Казахстана и военный атташе посольства Ирана в Алма-Ате обсудили перспективы взаимодействия вооруженных сил двух стран. Дивизионный генерал Мурат Майкеев на встрече с Хамзой Рухи обменялся мнениями по поводу расширения сотрудничества сухопутных сил двух стран и проведения курсов повышения квалификации военнослужащих Ирана и Казахстана. Главнокомандующий сухопутными силами армии Казахстана и военный атташе посольства Ирана в Алма-Ате также обменялись опытом в области реализации планирования различных военных операций.

Пресс-секретарь МИД Ирана сообщил, что внешнеполитическое ведомство отслеживает судьбу иранского подданного в Объединенных Арабских Эмиратах. Аббас Аракчи вслед за распространением противоречивых сообщений в ряде СМИ о судьбе Аббаса Йаздан-панаха в ОАЭ, заявил: «К сожалению, никакой официальной информации об этом не существует». «ИРИ отслеживает этот вопрос по разным каналам, в том числе через правительство Эмиратов, для прояснения судьбы иранского гражданина», — добавил он. Аракчи далее, указав на открытое заседание исламского межлиса в Иране, посвященное рассмотрению компетентности предложенных президентом Ирана министров, заметил: «Трансляция в живом эфире заседания межлиса по иранскому телевидению свидетельствует о политической зрелости и толерантности иранского общества».

Представитель Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), выступая в провинции Систан и Белучистан, на юго-востоке Ирана, назвал ИРИ «эталоном в области соблюдения прав детей». Мухаммад аль-Мунир Сафияддин на встрече с членами судебного совета провинции Систан и Белучистан выразил надежду на то, что другие страны возьмут пример с ИРИ в области прав человека. Высоко оценив работу центров по перевоспитанию детей и подростков в Иране, он заметил, что ЮНИСЕФ серьезно рассматривает закон о наказаниях Ирана. По словам аль-Мунира Сафияддина, «следует приложить усилия к тому, чтобы самый ценный капитал общества, т. е. дети, если они совершают ошибки, перевоспитывались должным образом и возвращались в объятия общества».

Командующий ВМС армии ИРИ подчеркнул решимость подчиненных ему сил в защите морских рубежей страны. Вице-адмирал Хабибулла Сайяри, выступая в четверг в Тегеране на Национальном конгрессе морской промышленности Ирана, добавил: «Имперская система с помощью своих тайных агентов, в том числе сомалийских пиратов, дестабилизирует северную часть Индийского океана и за счет нагнетания иранофобии пытается про-

дать побольше оружия региональным монархиям в Персидском заливе». По его словам, с того времени, как вопрос о пиратстве остро встал в регионе, ВМС Ирана направили 26 флотилий в зону действия пиратов, так что за счет могущественного присутствия иранских моряков в региональных и международных водах акватории Индийского океана зловещее явление морского пиратства практически исчезло.

Руководитель общей пятничной молитвы Тегерана назвал важнейшей обязанностью нового кабинета министров страны «служение народу и использование компетентных лиц в разных областях». Аятулла Мухаммад Али Муваххеди Кермани добавил, что министры должны приложить все свои силы для наилучшего выполнения возложенных на них обязанностей. Подчеркнув необходимость проницательности министров нового правительства при подборе наилучших кадров в своих ведомствах, он добавил, что чиновники, получившие вотум доверия в меджлисе, должны реализовать ожидания народа от исламской республики. Также коснувшись событий в Египте, аятулла Муваххеди Кермани выразил сожаление в связи с массовым убийством демонстрантов и призвал политическую, научную и религиозную элиты Египта сделать все возможное, чтобы остановить кровопролитие. Подвергнув критике действия египетских военных, он рекомендовал им занять разумные позиции, чтобы не навлечь на себя ненависть общественного мнения, ибо продолжение вооруженных столкновений не может иметь иного результата, кроме убийств и кровопролития. Руководитель общей пятничной молитвы Тегерана со ссылкой на 65-летнюю оккупацию палестинской земли сионистами заметил: «Палестинцы все эти годы страдали от гнета, преступлений и пыток в тюрьмах, тогда как Запад в качестве защитника свободы, прав человека и демократии никак не реагировал на эти преступления Израиля, а зачастую даже выступал его сообщником». Аятулла Муваххеди Кермани обозначил возобновившиеся на днях компромиссные переговоры как попытку умалить значение преступлений сионистского режима против палестинского народа и подчеркнул, что палестинцы должны проявить бдительность и отвергнуть переговорный процесс, который ведется с участием неизбранных представителей. Он также осудил вчерашний взрыв на юге Ливана, назвав его «трагедией для народов региона, и прежде всего мусульман». Муваххеди Кермани, затронув годовщину разрушения ваххабитами гробницы нескольких имамов на кладбище Баки в Медине, обозначил это кошунство как «бедствие для всего исламского мира, и в частности шиитов», и отметил, что такфириты не смогут такими омерзительными действиями ослабить любовь к семейству Пророка в сердцах мусульман.

Руководитель общей пятничной молитвы Тегерана назвал важнейшей обязанностью нового кабинета министров страны «служение народу и использование компетентных лиц в разных областях»

Али Акбар Салехи, экс-министр иностранных дел ИРИ, назначен вице-президентом и директором атомного агентства Ирана. В беседе с журналистами он выразил надежду на то, что, с Божьей помощью, он сможет продолжить нынешний курс Организации атомной энергии Ирана и довести до конца начатые проекты. По словам Салехи, он надеется на любом посту

послужить на благо иранского народа и ИРИ и наилучшим образом выполнить возложенные на него задачи на благо национальных интересов страны. Упомянув о своем председательстве в атомном агентстве Ирана в недалеком прошлом, еще до назначения главой МИД, Салехи заметил, что под его руководством были начаты работы по обогащению урана до 20 %. Он обозначил приоритетами атомного агентства Ирана строительство новых атомных электростанций для удовлетворения энергетических нужд страны и ядерных реакторов для производства необходимых в медицине радиоактивных препаратов, добавив, что вся деятельность иранского атомного агентства носит сугубо мирный характер. Салехи имеет докторскую степень, полученную в американском ВУЗе, работал ректором Промышленного университета Шариф, занимал пост замминистра культуры и высшего образования, постпреда ИРИ в Венских организациях ООН и прочие должности.

Новый президент ИРИ подчеркнул необходимость избегания ошибок по внешней политике и проведения логично и тщательно выверенного курса. Хасан Роухани в субботу на церемонии прощания с главой МИД и представлении нового руководителя этого ведомства в Тегеране, заметив, что при соблюдении национальных интересов нельзя терять бдительность ни на минуту, добавил, что любая ошибка во внешней политике обернется в ущерб интересам ИРИ. По словам президента, руководство внешнеполитического ведомства фактически стоит на защите национальных прав и интересов иранского народа, и поэтому за каждую ошибку ему придется отвечать перед народом. Роухани пояснил, что все юридические титулы в стране зависят от соблюдения законов, прежде всего Конституции Ирана, а также национальных интересов. Президент ИРИ также заметил, что иранский народ на президентских выборах 14 июня этого года проголосовал за пересмотр внешней политики, однако этот пересмотр подразумевает изменение в методах, а не отказ от внешнеполитических принципов. Роухани также охарактеризовал дипломатов МИД Ирана как «самоотверженных людей, служащих интересам страны на важных отрезках времени».

Новый министр иностранных дел Ирана назвал исламскую республику «базисом для внешней политики страны»

Новый министр иностранных дел Ирана назвал исламскую республику «базисом для внешней политики страны». Мухаммад Джавад Зариф в субботу на церемонии вступления в должность, проходившей в Тегеране с участием нового президента

Ирана Хасана Роухани, заметил, что критерием внешней политики Ирана остаются основополагающие принципы исламской республики. По его словам, внешняя политика Ирана не зависит от каких-либо течений, партийных или фракционных соображений. Зариф в то же время выразил надежду на то, что с использованием опытных кадров МИД это ведомство сможет наилучшим образом выполнить свои обязанности в интересах иранского народа. Глава МИД Ирана также надеется, что по окончании своей миссии сможет представить такой же хороший послушный список, как и его предшественник на этом посту Али Акбар Салехи.

Бывший министр обороны и поддержки вооруженных сил ИРИ в беседе с журналистами в воскресенье заявил, что «Иран на сегодня в плане ракетной оснащенности считается первой державой в регионе и шестой в мире».

Бригадный генерал Ахмад Вахиди заметил, что на шестую позицию в мире страну вывело освоение технологий проектирования и изготовления ракет на твердом топливе, в том числе стратегической ракеты «Седжил», противокорабельных крылатых ракет «Кадер», «Наср» и «Зафар», зенитно-ракетных комплексов «Йа Захра», «Мерсад» и Хезр-9». По словам Вахиди, оборонно-промышленный комплекс Ирана отличился за последние годы строительством истребителей третьего поколения «Саика» и «Азарахш», презентацией новейшего истребителя-невидимки «Кахер-313», строительством ударных вертолетов типа «Туфан», беспилотных летательных аппаратов «Каррар» и др.

Во второй половине текущего года военно-морские и сухопутные силы армии Ирана проведут учения. Командующий ВМС армии Ирана вице-адмирал Хабибулла Сайяри в воскресенье, сообщив о скором проведении военно-морских учений под названием «Велаят-92», заметил, что в ходе этих маневров, которые пройдут в свободных водах, будут задействованы подводные и надводные корабли, а также летающие лодки ВМС Ирана. Также командующий сухопутными силами армии Ирана бригадный генерал Ахмад Реза Пурдастан, отметив в воскресенье, что в ноябре этого года на юго-востоке страны пройдут учения под названием «Камар Бани Хашем», добавил, что в ходе этих маневров будут испытаны методы асимметрической войны на реальном театре военных действий.

Во второй половине текущего года военно-морские и сухопутные силы армии Ирана проведут учения

Первый заместитель президента ИРИ акцентировал возвеличение Ирана в регионе. Исхак Джахангири в понедельник на церемонии представления нового министра телекоммуникаций и информационных технологий Ирана Махмуда Ваизи заметил, что коммуникационная инфраструктура должна быть укреплена и развита для лучшего управления страной. Джахангири также, отметив, что в стране имеются немало опытных профессоров и множество студентов в области телекоммуникаций, добавил: «Необходимо использовать опыт и потенциалы этой элиты в сфере коммуникаций». На этой церемонии Махмуду Ваизи был вручен указ президента Роухани о назначении его на должность министра телекоммуникаций и информационных технологий.

Михаил Агаджанян

Важная встреча России и Ирана под придиричивой лупой Запада

Первая встреча президентов России и Ирана после вступления в должность Хасана Роухани намечена на середину следующего месяца. Достигнута предварительная договоренность о проведении встречи 13 сентября на площадке саммита ШОС в Бишкеке.

Затягивать со встречей президенты посчитали контрпродуктивным.

О повестке Москвы и Тегерана на высшем уровне стало известно еще до каспийского турне главы России, которое, как известно, на стадии согласований по дипломатическим каналам предполагало визит Путина в иранский порт Бендер-Энзели. Не достигнув тогда взаимопонимания, стороны вскоре вышли на компромиссную развязку.

Остающийся до саммита ШОС месяц может быть использован для интенсивного поиска предметных тем к переговорам в российско-иранских верхах. Очевидно, что контакт будет носить в первую очередь ознакомительный характер с элементами демонстрации внешнему миру настрое двух соседей на развитие отношений. Но упускать удобную возможность обсудить важные двусторонние вопросы было бы непозволительной роскошью.

Последняя динамика российско-иранских контактов на уровне межправительственных комиссий и деловых советов по развитию экономического сотрудничества вселяет позитив. Но его пока не удалось конвертировать в рост объема торгово-экономического оборота двух стран. В «нулевые» Россия стала одним из ведущих торговых партнеров Ирана. С 2005 по 2008 годы товарооборот двух соседей вырос с \$1 до 3,8 млрд. Однако затем, после нескольких лет пребывания двусторонней торговли у отметки в \$4 млрд, произошел значительный спад — до 2,3 млрд в 2012 году.

Тегеран уже обозначил одну из перспективных тем в переговорах с Москвой. За два дня до начала каспийского турне Путина уже бывший глава иранского внешнеполитического ведомства Али Акбар Салехи (переведен на должности вице-президента и руководителя Организации по атомной энергии ИРИ) выразил готовность своей страны заключить с российскими партнерами новые контракты в сфере «мирного атома». Иран озвучил планы подписать в ближайшее время с Россией соглашение о взаимопонимании по строительству на своей территории новых блоков на площадке Бушерской АЭС или сооружения новой атомной станции в другом регионе

страны (иранцы продолжают рассматривать возможность строительства новой АЭС в районе Дарховеин провинции Хузестан).

Вопрос нуждается в доработке и на политическом, и на экспертном уровнях. Выход на подписание неких соглашений, даже предварительного свойства, возможен после полной передачи россиянами иранской стороне первого энергоблока Бушерской АЭС. Об этом источники в «Росатоме» сообщили сразу по ознакомлении с заявлениями главы МИД Ирана. Передача энергоблока должна произойти не позднее конца текущего года. Подтверждение об этом из Тегерана также не заставило себя долго ждать. Причем оттуда пришли официальные сообщения о передаче блока в течение «нескольких недель».

В интервью «РИА Новости» 13 августа посол России в Иране Леван Джагарян отметил «безусловный приоритет» российской стороны по Бушерской АЭС на нынешнем этапе — «обеспечение стабильной и безопасной эксплуатации первого энергоблока». Подчеркнув, что только на последующих этапах можно будет рассматривать перспективы расширения сотрудничества.

Долгая и сложная история строительства Бушерской АЭС не способствует принятию скоропалительных решений. Прогрессирующая изоляция Ирана со стороны Запада по всем направлениям, которые, так или иначе, имеют отношение к вопросу возведения в стране новых атомных мощностей, выступает сдерживающим для Москвы фактором. Действующими санкциями Тегеран отрезан от международных банковских систем взаиморасчетов. С марта прошлого года Иран отключен от межбанковской системы передачи данных «SWIFT». Транспортные пути из России в Иран лежат через страны, отношения которых с Исламской республикой трудно назвать ровными. В последнем случае комментаторы обратили внимание, в частности, на следующий факт. В процессе сооружения первого блока Бушерской АЭС возникли сложности с доставкой оборудования. Азербайджан, у которого, кстати, поступательно растущие отношения с Израилем, более чем на месяц задержал груз с теплоизоляционным оборудованием, следовавший из России через прикаспийскую республику в Иран.

Плюс ко всему высока вероятность еще большего обострения отношений России с Западом, девальвации ее связей с некоторыми важными партнерами на Ближнем Востоке (Израиль) в случае, если Москва, до склонения Тегерана к открытости его ядерной программы, пойдет на заключение новых соглашений.

Интерес Ирана очевиден и он стремится материализовать его в привязке к готовящейся встрече Путин — Роухани. Иранцы настроены говорить с каждым из членов переговорной «шестерки» (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН + Германия) в отдельности. А их контакты с россиянами по теме, которую все партнеры Москвы по «Большой восьмерке» возвели в ранг международной проблемы, Запад будет рассматривать в качестве способствующих расколу единой позиции «шестерки».

Долгая и сложная история строительства Бушерской АЭС не способствует принятию скоропалительных решений

Нет ни одно реального (из сферы практической политики, а не дипломатических деклараций) сигнала в пользу отхода Запада от курса санкционного давления на ядерную программу Ирана. Последний не только планомерно вытесняется из всех схем денежных взаиморасчетов, операций на глобальном финансовом рынке. Из-под ног иранского руководства выбивается почва его платежеспособности. В этой связи показательны последние данные с нефтяного рынка, а также связанные с ними сообщения с рынков внешнего заимствования.

Согласно ежегодному докладу Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), доходы членов нефтяного картеля по итогам 2012 года выросли на 9,2% до уровня \$1,261 трлн. На этом благополучном фоне роста доходов всех основных экспортеров «черного золота» показатели Ирана зафиксировали однозначное падение. Иран остался в пятерке крупнейших производителей нефти в рамках ОПЕК, но опустился в самый ее конец со второго места. За прошлый год объем доходов иранцев от экспорта нефти составил \$101,47 млрд по сравнению с \$114,75 млрд в 2011 году. Последние сводки с мест реализации Ираном своего энергоресурса неутешительны. В первой половине текущего года Индия сократила импорт иранской нефти на 43%, Южная Корея — на 27%, Япония — на 22,5%.

Иран на протяжении уже более чем полугода не производит погашение своей задолженности перед Всемирным банком (ВБ), что, пожалуй, свидетельствует о нарастании проблем в экономике страны из-за недобора доходов от экспорта нефти. Об этом месяцем ранее сообщили представители ВБ.

В преддверии встреч на высшем уровне, следующих после заступления одного из лидеров в свои должностные права, принято говорить о преемственности отношений двух стран. В случае с Россией и Ираном также есть фактор преемственности. Но в нем нельзя не заметить значительный негатив, скопившийся за все годы пребывания Тегерана в конфронтации с Западом и соседями на Ближнем Востоке.

Предметные отношения с Ираном, реализация крупных проектов важны для России

Предметные отношения с Ираном, реализация крупных проектов важны для России, причем отнюдь не только под призмой приобретения ею особой роли в улаживании проблем между Западом и Ираном вокруг ядерной программы последнего. Каспийская повестка также требует

слаженных подходов двух крупнейших морских сил в регионе. Вместе с тем, Москва уже давно прошла порог невозврата к ситуации развития отношений с Тегераном без оглядки на свои связи с Западом. Это данность, с которой двум соседям необходимо уживаться.

Игорь Панкратенко

О том как суннитско-шиитские разногласия используются против Ирана

Западные медиа пытаются уверить нас в том, что кровь, льющаяся сейчас на Большом Ближнем Востоке, есть следствие суннито-шиитского конфликта. Мы должны верить в то, что на пространстве от Дамаска до Карачи мусульмане убивают мусульман только и исключительно в силу разногласий, берущих начало в седьмом веке нашей эры, когда умма раскололась на «людей Сунны» (суннитов) и «последователей Али» (шиитов), когда земля Кербелы впитала в себя кровь первых павших в противостоянии между двумя ветвями Ислама. Такая картина конфликта более чем выгодна Западу, она снимает с него все обвинения в сопричастности, в подстрекательстве, в двойных стандартах и сомнительности заключаемых союзов с самыми реакционными режимами и радикальными течениями, перекладывая всю вину только и исключительно на мусульман.

Разжигаемый извне «конфликт между суннитами и шиитами» грозит взорвать регион, на десятилетия заложить геополитические мины, которые в нужный момент рванут именно там, где потребуется внешним игрокам. Потому важно понять главное — что лежит в основе суннито-шиитского противостояния, носит ли оно естественный характер и чем может обернуться для остального мира.

Все разговоры об особом религиозном фанатизме мусульман, о непримиримости в отношениях между суннитами и шиитами разбиваются об исторические факты. Мусульманский Восток не знал тридцатилетней религиозной бойни семнадцатого века, взаимной резни католической лиги и протестантской унии, гугенотских войн Франции, не говоря уже о противостоянии между католиками и православными в рамках «дранг нах Остен». И для суннитов, и для шиитов Аллах — единственный бог, а Мухаммед — его посланник. Все они следуют пяти основным положениям Ислама, в том числе, соблюдению поста в месяц Рамадан, главной священной книгой для всех является Коран, а главными священными местами являются Мекка и Медина. С седьмого века сунниты и шииты избегали серьезных конфликтов, предпочитая сохранять хрупкое равновесие. Все изменилось в двадцатом веке...

Сунниты, шииты и неокOLONИализм

119 марта 2003 года, в момент, когда Буш-младший отдал приказ о вторжении в Ирак — началась борьба Запада за установление нового порядка на

Ближнем Востоке. Последние полвека были периодом «модернизации» и «регионализма», то есть процессов вовлечения государств Большого Ближнего Востока в мировую капиталистическую систему. Именно капиталистическую, потому как даже государства, лидеры которых заявляли о «социалистической ориентации», стремились к наращиванию объема товарооборота именно с Западом. Баасизм в Ираке, Джамахирия в Ливии, «алжирский социализм» были по большей части ширмой, вопреки антизападной риторике руководство этих стран всегда находило общий язык с Вашингтоном, Парижем и Лондоном, за что, собственно и поплатилось.

Так называемая «ближневосточная периферия» стала настоящей «живой водой» для экономики Запада (в первую очередь — для экономики США), позволявшая даже частично компенсировать затраты на противостояние с СССР. Нефть, кровь экономики, сокровище и проклятие региона. Именно нефть определила геополитический потенциал монархий Персидского Залива, именно ее наличие стало причиной их «нужности» для Вашингтона и европейских столиц. Выгода от контроля над ближневосточной нефтью, выгоды от фактически монопольного права на распоряжение ею — стали одним из решающих факторов экономической стабильности Запада. Суперприбыли по военным контрактам были основным источником доходов производителям оружия.

Эти экономические выгоды полностью перевешивали какие-либо другие соображения. Разве реакционная сущность королевского дома Саудов, полностью отрицающая «демократические принципы» Запада и им же сформулированные «права человека» мешала извлечению сверхдоходов американским компаниям? Нет. Разве «фундаментализм» Катара и его поддержка радикальных группировок вели к снижению инвестиций в экономики Франции и Великобритании? никоим образом. Разве преследования шиитов в Пакистане влияли на проамериканский курс находившихся у власти военных? Да ни на гран. А потому за эти полвека неокOLONиализма сложилось стратегическое партнерство Запада с самыми ретроградными и жесткими режимами «суннитской ориентации». Запад выдал им индульгенцию на любые действия по подавлению прав и свобод шиитского меньшинства, обменяв собственные «принципы» на геополитическую лояльность тиранов и радикалов.

Исламская революция в Иране и «шиитские фанатики»

Исламская революция стала уникальным явлением, значение которого в полной мере раскрывается только сейчас, после провала «исламистов» в Египте и на остальном Арабском Востоке. Тегеран предложил мусульманской умме успешный проект построения государства социальной справедливости на исламских принципах, занесенных в Конституцию. Принципы справедливости, провозглашенные Кораном стали теперь юридическими нормами, которые защищались государством. Это был вызов Западу, с его идеей «модернизации», навязывания умме идеалов «общества потребления». Это была смертельная угроза восточным монархиям и авторитарным режимам, потому как на фоне идей Исламской революции их социальная политика смотрелась откровенно уродливо и убого.

Стоит ли удивляться тому, что антииранская коалиция Запада, монархий Залива и авторитарных режимов Ближнего Востока перед лицом такой угрозы просто обязана была появиться? А с появлением этой коалиции родилась

информационная истерия об «экспорте революции из Ирана» и «шиитской экспансии». Справедливости ради, нужно признать, что не все шииты за пределами Ирана разделяли взгляды аятоллы Хомейни и идеалы Исламской революции. Сама Исламская революция и идеи ее руководителей тогда еще были для них скорее неким моральным идеалом, чем набором форм и методов повседневной политической борьбы. Но политическая умеренность шиитов в борьбе за свои права мало им помогла. Они были назначены на роль «пятой колонны», репрессии против них стали и мстью Ирану и попыткой обеспечить внутреннюю стабильность.

Но ни о каком суннитско-шиитском противостоянии здесь и речи не было. Против шиитов выступали не сунниты, а политические элиты, связанные с Западом десятками экономических, политических, финансовых нитей, получившие от Запада гарантии, что расправа с шиитами не вызовет возмущения «мировой прогрессивной общественности», не станет предметом рассмотрения трибунала в Гааге и слушаний в Конгрессе. Более того, для этой «прогрессивной общественности» был сфабрикован миф о шиитском фанатизме и иранской угрозе и «кровавой диктатуре аятолл, насаждающей средневековое мракобесие в Иране».

Нищета этого мифа становится очевидной на фоне факта, что 20 000 ассирийцев, 200 000 армян, 40 000 зороастрийцев и даже 20 000 евреев страны имеют своих представителей в иранском парламенте и пользуются настоящей культурной свободой. Подобную ситуацию невозможно представить в большинстве других мусульманских стран, даже самых «продвинутых», вроде Турции. Контраста добавляет такая «мелочь», как решение иранского правительства внести несколько армянских исторических памятников в список культурного наследия ЮНЕСКО и реставрация за счет бюджета одного из них, который находился под угрозой затопления.

Блеск этого мифа заключается в том, что абсолютное большинство на Западе сегодня верят в «фанатизм и мракобесие шиитского Ирана», а около сорока процентов проживающих на Западе суннитов считают, что шииты вынашивают планы порабощения исламского мира и не являются истинными мусульманами. Впрочем, все гораздо хуже, чем можно себе представить. Пользуясь необразованностью новообращенных, проповедники, обучавшиеся в учебных заведениях оплота ваххабизма, Саудовской Аравии, на полном серьезе внушают своим «духовным детям», что шииты на каждом ракате намаза произносят дуа об уничтожении суннитов.

Суннито-шиитский конфликт как способ господства и выживания

Суннито-шиитское противостояние не сумело достичь своего пика в 80–90-е годы прошлого столетия. Распад СССР и борьба за его геополитическое наследство снизили актуальность разжигания этого конфликта в глазах антииранской коалиции. На повестке дня был вопрос о «переформатировании» региона. 9 мая 2003 Буш-младший, выступая перед выпускниками университета Южной Каролины, заявляет о намерении «создать в течении десяти лет зону свободной торговли между США и Ближним Востоком». «Сменив коррупцию и корыстные сделки на свободные рынки и справедливые законы, народы Ближнего Востока приумножат процветание и свободу», — сказал он. А 6-го

ноября того же 2003 последовала его программная речь в национальном Фонде демократии, в которой было заявлено о необходимости осуществления на Ближнем Востоке «глобальной демократической революции». Проекту «перформатирования Большого Ближнего Востока» был дан старт.

Впрочем, успешность этого проекта была лишь кажущейся. «Теперь, когда осела пыль войны в Ираке, стало ясно, что неожиданными победителями в ней оказались шииты, — написал вскоре после свержения Саддама Хусейна научный сотрудник лондонского Королевского Института по международным делам Май Йамани, — Запад осознал, что местонахождение основных запасов нефти совпадают с теми районами, в которых шииты составляют большинство — Иран, Восточная провинция Саудовской Аравии, Бахрейн и Южный Ирак». Единственным способом борьбы с этой ситуацией Запад избрал разжигание суннито-шиитского конфликта, союз с державами суннитских ортодоксов (Саудовская Аравия, Пакистан, Кувейт и т. д.) и уступки всем их обскурантистским требованиям. Шииты в монархиях Залива, в Афганистане и Пакистане объявлены «потенциально ненадежными».

Пакистан, один из главных союзников Саудовской Аравии и США (а также покровитель талибов и прочих исламистских движений, которые внесли вклад в распространение салафизма после холодной войны), притесняет шиитов (путем утверждения законов шариата) в той же степени, что и христиан и индуистов, называя их «пособниками» неверных. По информации Human Rights Watch, в 2012 году в стране были убиты порядка 400 шиитов, а прогноз на 2013 год обещает стать куда более мрачным: за январь-апрель число жертв достигло уже 565 человек.

С благословения Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и молчаливого согласия Запада Саудовская Аравия и местный режим совсем недавно, в 2011 году утопили выступления шиитов Бахрейна в крови. Впрочем, ненависть к шиитам королевского дома Саудов носит исторический характер — еще в 1927 году под давлением ваххабитов король ибн Сауд выпустил знаменитую фетву, по которой шииты должны были перейти в суннитскую веру или покинуть страну. Радикальные «исламистские» группировки, аль-Каида, Талибан, ан-Нусра — обрушились сегодня на шиитов, забыв о разногласиях с Западом. Собственно, разногласия и трения Запада с суннитским радикализмом возникают лишь там, где этого требуют геостратегические интересы, как, например, это было в Афганистане. В то же время, мы своими глазами видим (не так давно в Ираке, а сегодня в Сирии и Тунисе), как Запад открыто поддерживает и позволяет свободно действовать даже самым радикальным салафитским или ваххабитским движениям, лишь бы они выступали против Сирии и против Ирана. Нет суннито-шиитского конфликта — есть стремление внешних игроков на крови мусульман реализовать собственные задачи.

Сегодня правящие элиты монархий Персидского залива совместно с Израилем являются поставщиками мифов об «иранской угрозе». От них же исходят и заявления о том, что Иран — извечный враг арабского мира, что Исламская республика стремится к гегемонии в мусульманской умме, что для достижения этой гегемонии шииты готовы к агрессии и порабощению суннитов. Вместе с Израилем, пугая мир мифической «ядерной бомбой Ирана», монархии Залива призывают остальной арабский мир объединиться в общую антишиитскую коалицию (разумеется, с правящим домом Саудов во главе) и заключить союз с Западом для отражения «иранской угрозы». Саудовское лобби в США, не

жалей средств, поддерживает антииранскую истерию на нужном градусе, опять же — в трогательном единстве с лобби израильским. Впрочем, это только кажется противоестественным. Иран как динамично развивающаяся держава, ведущая самостоятельную внешнюю политику, — это угроза и Израилю, и существованию самих монархий. По одной простой причине — исламские принципы справедливости, к которым стремится умма — они ведь реализованы именно в Иране, а не в монархиях, и не в суррогате, называемом «политическим исламом». Внешний враг в лице Ирана — это условие выживания монархий, потому как позволяет отвлечь внимание уммы от коррупции, роскоши и безудержного потребительства, в котором погрязли «хранители двух святынь». Внешняя угроза со стороны Ирана — это их аргумент в споре о том, почему вопреки антизападной риторике и провозглашению нерушимости исламских принципов — на деле эти монархии являются неотъемлемой частью западного господства в регионе.

Сегодня правящие элиты монархий Персидского залива готовы из кожи вон вылезти, чтобы доказать своим и другим народам, что Иран — это основной враг арабов, а шииты — агрессоры. Иранцы якобы делают атомную бомбу, чтобы уничтожить арабов, призывают всех суннитов объединиться и договориться с Западом перед шиитской угрозой. Они оболванивают свои народы, сеют семена вражды и раздора между суннитами и шиитами исключительно с одной целью: прикрыть свою прозападную, продажную суть, увести, отвлечь свои народы от истины. А истина заключается в том, что они не хотят, чтобы их народы узнали о том, что только у правящей верхушки имеются проблемы с Ираном. Это они, ради сохранения своей власти, богатства и режима, давно уже превратились в вассалов США и Запада. Всячески доказывают, что только дальнейшее сближение с США и Западом может стать надежной защитой от «иранской угрозы». Они так погрязли в коррупции и всяких интригах с Западом, что давно уже не способны принимать какие-либо самостоятельные решения без одобрения США и Запада. Действительно, в такой ситуации дальнейшее развитие Ирана может стать угрозой сохранению их режимов, так как демократические устои иранского общества и политическая система этой страны становятся предметом для подражания и вызывают зависть у народов этих стран. Вот почему они делают все для того, чтобы скомпрометировать Иран, и мешают его развитию, делают из шиитов злейших врагов арабов и даже готовы всячески помогать и подталкивать Израиль, США и Запад против Ирана.

О целях тактических и стратегических

Об этих задачах стоит сказать отдельно. В разжигании суннито-шиитского противостояния заинтересованы столь многие, что их интересы сплетаются в тесный клубок, в месиво шкурного и геополитического. Монархиями Персидского залива в данном случае движет инстинкт самосохранения. Контроль над «шиитским полумесяцем» означает их нужность Западу, а следовательно — сохранение их власти, к которой прилагаются и личная безопасность, и неприкосновенность счетов и недвижимости, которые на этом Западе и сконцентрированы. В зависимости от Запада кроется с одной стороны сила монархий, потому как этот Запад готов пойти в защите своего «непотопляемого авианосца Аравия» достаточно далеко, позволяя любые, самые кровавые действия, направленные на обеспечение внутренней стабильности. Но с другой стороны, Запад более чем ярко продемонстрировал, что «загнанных

лошадей пристреливают», что как только надобность в союзнике отпадает, то его с легкостью сдают. А заодно — и пускают по миру, конфискуя все нажитое непосильным трудом.

Суннито-шиитский конфликт вполне выгоден Израилю, все существование которого зависит от раскола в мусульманском мире. Чем сильнее этот раскол, чем острее противоречия между суннитами и шиитами, чем скорее сунниты Ливана начнут резню с Хезбаллой — тем меньше угроза для Тель-Авива. При этом необходимо учитывать, что если антиизраильская риторика арабских монархий — дело для Израиля привычное, ни к каким серьезным последствиям не ведущее, то Иран, Сирия и Хезболла являются сегодня, пожалуй самыми последовательными сторонниками борьбы с израильской оккупацией Иерусалима и палестинских земель, что автоматически делает Израиль союзником антишиитской, антииранской и антисирийской коалиции. Вся антиизраильская риторика целого ряда арабских лидеров не стоит и гроша. Днем они осуждают Израиль, а вечером в частных беседах с западными дипломатами говорят, что не стоит воспринимать эти заявления слишком серьезно, что они предназначены для внутренней аудитории, что арабские лидеры верны духу и букве секретных договоренностей о гарантиях безопасности Израилю в обмен на поддержку их режимов Западом.

«Суннитским радикалам» конфликт с шиитами дает доступ к западному оружию, финансам и свободе действий. Сегодня достаточно заявить, что ты против Ирана, что готов с оружием в руках воевать с режимом Асада — и пресловутая «борьба с терроризмом» в отношении тебя заканчивается. Полное финансирование, лучшие тренировочные лагеря на «землях войны», моральное одобрение на самом высоком уровне — все в твоём распоряжении. Союз с Западом против шиитов дает возможность «суннитским радикалам» укрепить организационно и материально, в преддверии «больших битв». Причем, каждый из участников этого союза рассчитывает обмануть другого. Запад надеется, что сумеет контролировать радикалов и направить их агрессию в нужном направлении. «Радикальные исламисты» же мечтают, что наступит день возмездия, когда западным оружием и западными деньгами будет повержен и сам Запад, этот «большой Сатана».

Стратегическая цель разжигания суннито-шиитского противостояния тоже вполне очевидна. На первом этапе — уничтожение стратегических партнеров Ирана в регионе, то есть Сирии и Хезбаллы. На втором — вытеснение Исламской республики из «шиитского полумесяца» и ее геополитическая изоляция. Но все эти тактические, стратегические, шкурные и геополитические интересы дают на выходе одно — большую войну на мусульманском Востоке, войну всех против всех, войну, которая может закончиться только тогда, «когда все умрут».

Перерастет ли суннито-шиитский конфликт в такую глобальную войну, последствия которой будут катастрофичны и для тех, кто ее разжигает, и для России и остального мира? При всей заинтересованности в разжигании суннито-шиитского противостояния целого ряда достаточно могущественных игроков, глобальная война не является неизбежной.

Во-первых, сам этот конфликт носит искусственный характер. У суннитов и шиитов нет антагонистических противоречий, заставляющих их убивать друг друга. Новейшая история последнего десятилетия дает массу примеров, когда сунниты и шииты плечом к плечу отражали внешние угрозы, будь то Ирак, Палестина или Ливан. Суннито-шиитский диалог возможен не только в отдельно взятой стране, но и на глобальном уровне. Стороны к нему готовы, вопрос только за инициаторами, за теми, кто выступит с предложением такого диалога.

Во-вторых, в значительной степени накал суннито-шиитского противостояния зависит от отношений Ирана и Саудовской Аравии. Новый иранский президент Хасан Роухани совершенно не случайно на первой же своей пресс-конференции заговорил о необходимости нормализации отношений между Тегераном и Эр-Риядом как одним из главных условий региональной стабильности. Здесь все упирается в то, какие гарантии могут дать стороны друг другу. И если Тегеран более свободен в своих внешнеполитических инициативах, то Эр-Рияд должен согласовывать свои гарантии со своим патроном Вашингтоном, а это уже вопрос ирано-американского диалога. Впрочем, и он становится все вероятнее. В отношениях с суннитами курс Исламской республики всегда был выверен — «сунниты наши братья, у нас нет причин для вражды, наш общий враг находится за пределами уммы». «Вражда между суннитами и шиитами — это заговор Запада. Раздор между нами выгоден только врагам Ислама. Тот, кто не понимает этого — то ни суннит, ни шиит...» — говорил имам Хомейни.

В-третьих, как ни парадоксально это звучит, но большую роль в суннито-шиитском диалоге может играть Россия. Основные игроки суннито-шиитского противостояния прекрасно понимают, что в геополитическом плане устойчивость оси «Тегеран-Дамаск-Хезболла» зависит от поддержки России, Китая и тех стран Движения неприсоединения, которые занимают антизападную позицию. Запад же, следуя логике холодной войны, в ответ поддерживает исламистскую суннитскую ось. В этой конфигурации мирные инициативы России, согласованные с Пекином, для которого, как и для Москвы, «суннитский радикализм» представляет серьезную угрозу, вполне могут найти благоприятный отклик и на востоке, и на Западе. Сегодня Китай уже столкнулся с тем, что «уйгурский сепаратизм» все чаще выступает под лозунгами «исламского экстремизма», что Исламское движение Восточного Туркестана смыкается с Талибаном и аль-Каидой, что финансирование уйгурских радикалов идет через каналы всевозможных «исламских фондов» со штаб-квартирами в катаре и Саудовской Аравии.

Суннито-шиитский конфликт и перерастание его в большую войну будет иметь катастрофические последствия для современного мира. Но важно понимать, что сегодня этот конфликт еще не поздно остановить, что для его прекращения пока достаточно мирных средств. Пусть с трудом, с орехами, но Россия сумела предотвратить экспансию радикальных «исламистских» группировок. Нынешний Ид-аль-Фитр стал днем праздника и согласия во всей нашей стране. Только в Москве 175 тысяч мусульман в этот день вышли на улицы и исполнили предписанное без конфликта с православными и простыми обывателями. Огромная энергия верующих способна разорвать любое государство, ввергнув его в хаос и кровопролитие. Эта же энергия способна сделать государство несокрушимым. Нужно лишь умение видеть истинное лицо тех, кто разжигает конфликты...

Тегеран-53: О том как ЦРУ совершило государственный переворот в Иране

Рассекреченные в канун 60-летнего юбилея документы об участии американской разведки в свержении Моссадыка сенсацией не стали по двум причинам. Во-первых, в документах об операции «Аякс» (TP-AJAX), опубликованных на сайте Архива национальных служб безопасности (АНСБ), речь идет о том, что все и так знали, в том, что ЦРУ совместно с британскими спецслужбами участвовали в свержении премьер-министра Ирана Моссадыка никто и не сомневался. Секретный доклад агента ЦРУ Дональда Уилбера, озаглавленный предельно откровенно — «Свержение премьер-министра Ирана Моссадыка». Доклад был написан в марте 1954 года, а предан гласности уже в октябре 1969 года. Во-вторых, хотя заместитель директора АНСБ Малкольм Бирн и заявил перед публикацией «иранского досье», что «больше нет причин скрывать в тайне такой важнейший эпизод из нашего прошлого», он же и отметил, что многие сведения о событиях в Иране до сих пор остаются закрытыми.

Очевидно, что шаг с рассекречиванием — это такой демонстративный «жест доброй воли», показное стремление Вашингтона «расчистить площадку» перед возможными переговорами с новым руководством Исламской республики. Но с документами по «Аяксу» долгое время происходили достаточно странные события. Рассекретить эти документы еще в 1993 году пообещал тогдашний директор ЦРУ Джеймс Вулси. Обещанного ждуть три года, тут ждали четыре. В 1997 тому же Вулси начали задавать вопросы о том, почему документы еще не появились в открытом доступе. Ответ был достаточно интересным: Вулси заявил, что большинство записей и документов по «Аяксу» были, оказывается, уничтожены еще в начале 60-х годов, и рассекречивать особо нечего. Такая же судьба, по его словам, постигла и другие документы, по операциям в других странах. Разумеется, проверить слова директора ЦРУ ни тогда, ни сейчас невозможно.

В 2000 «Нью-Йорк Таймс» опубликовала часть документов о плане «Аякс», в публикации приводились даже некоторые имена агентов ЦРУ, но по сути это был тот же пересказ материалов 1969 года, плюс некоторые сведения, которые стали известны из архивов шахской САВАК после победы Исламской революции. Все эти странности позволяют сделать вывод о том, что полностью о формах и методах проведения секретных операций ЦРУ в Иране известно не станет никогда. Оно и понятно, больно уж неприглядная картина всплывает, и не только в случае с «Аяксом». Впрочем, истинную историю этой операции можно восстановить и без документов ЦРУ, сопоставив и проанализировав уже известные факты. Это тем более важно, что именно «Аякс» стал предтечей всех методик по организации «оранжевых революций», именно «Аякс» стал ярким примером того, что значат на весах геополитики разглаживание о демократии, суверенитете и волеизъявлении народа другого государства, если они идут вразрез с интересами Вашингтона, Запада и транснациональных корпораций.

Предыстория «Аякса» объясняет нам еще один важный момент. Отношение иранцев к Великобритании — это как раз такое состояние общественного сознания, которое исчерпывающе характеризуется определением «экзистенциальное ощущение опасности». И это не миф, это не результат пропаганды и «промывки мозгов», как нас пытаются уверить западные специалисты. Ни одна страна в мире не нанесла Ирану больше вреда, чем Великобритания. Ни одно государство в мире, начиная с 16-го века, не проводило столь откровенно антииранской политики, ни одно государство столь презрительно и пренебрежительно не относилось к интересам Ирана. Длинный список преступлений Британской короны можно вести с 1597 года, с переговоров Аббаса I с представителями Великобритании, с 1616 года — года дебюта Ост-Индской компании в Персии, положившей начало попыткам колонизации Ирана. К началу XX века южная Персия находилась под фактической оккупацией Британии, а богатства страны с беззастенчивой лихостью обналичивали и укладывали в карман «джентльмены викторианской эпохи». Грабеж Персии под британским Юнион Джеком принял такие размеры, что даже Джордж Керзон, император до мозга костей, так прокомментировал одну из сделок барона Юлиуса де Рейтера в Иране: «Это наиболее полная и чрезвычайная сдача всей промышленности и ресурсов Персии в иностранные руки. Это приз, о котором мы не смели и мечтать».

«Аякс» и современность

Одной из причин успеха операция «Аякс» является то, что в ней впервые в полном объеме были применены технологии организации ненасильственных переворотов, позднее получивших название «цветных революций». Ответственный за проведение операции с американской стороны, Кермит Рузвельт, говорил о том, что на пике проведения «Аякса» накануне путча на содержании ЦРУ находилось более 80 % столичных газет и журналов. Каждое утро пресса Тегерана сотрясала общественное мнение язвительными интервью депутатов, недовольных политикой Мохаммеда Моссадыка, скандальными разоблачениями неприглядной жизни «коррупцированного премьер-министра и его сподвижников». Практически все эти истории являли собой чистую дезинформацию, создававшуюся специалистами Лэнгли. Там же, в штаб-квартире ЦРУ, создавались и горы карикатур, и шаржей, которые дипломатической почтой доставлялись в Тегеран, а затем из посольств США и Британии развозились по редакциям «прикормленных» газет и журналов.

Коррупции в операции «Аякс» также отводилась важная роль, поэтому и деньги Кермиту Рузвельту на эти цели были выделены более чем по тем временам солидные — один миллион долларов. По улице разгуливали демонстранты, якобы, из партии Туде (коммунистической партии Ирана), выкрикивающие лозунги в хорошо продуманной последовательности: «Да здравствует Мохаммед Моссадык! Да здравствует Советский Союз! Коммунизм победит!». Одна за другой взлетали в воздух по всей стране мечети, на развалинах которых тут же находились заботливо оставленные улики, ведущие напрямиком в коммунистическое логово. Разъяренное духовенство предавало по горячим следам анафеме премьер-министра, закрывающего глаза на бесчинства боевиков-атеистов, не погнушавшихся поднять руку на святая святых.

Лучшие умельцы Лондона и Нью-Йорка изготавливали шаблоны иранских банкнот, которыми заваливали внутренний рынок, стимулируя невиданную

инфляцию, добивавшую иранскую экономику не хуже эмбарго и морской блокады. Но блеском подрывной деятельности стали события на главной торговой улице Тегерана Лалезар. Сначала на деньги Кермита Рузвельта были наняты боевики многочисленной бандитской группировки, которые отправились прочесывать улицу, круша на своем пути витрины всех магазинов, избивая прохожих, стреляя в мечети и радостно скандируя замысловатую фразу: «Мы любим Моссадыка и коммунизм!» Через пару часов навстречу погромщикам двинулись бойцы из враждующей группировки, чьи услуги была в тайне заплачены, разумеется, все тем же внуком американского президента. Кончилась все тем, что боевики устроили в самом центре Тегерана многочасовое побоище с пальбой и пожарами — и все это для того, чтобы следующим утром столичные газеты смогли злорадно обвинить правительство Моссадыка в неспособности контролировать ситуацию в городе и обеспечить безопасность мирного населения.

По словам одного из участников разработки плана операции «Аякс», она «создала такие обстановку и атмосферу в Тегеране, которые вынудили народ сделать выбор между устоявшимся институтом власти — монархией и неизвестностью, предложенной Мосадыком». 22 августа обалдевший от неожиданно свалившегося успеха и еще не до конца верящий в победу шах Мохаммед Реза Пехлеви вернулся на родину из Италии. Журналистам шах сказал так: «Мой народ продемонстрировал верность монархии и два с половиной года лживой пропаганды не отвратили его от меня. Моя страна не захотела принять коммунистов и сохранила мне верность».

Англо-персидская нефтяная компания, переименованная в «Бритиш Петролеум» «поделилась» иранским черным золотом с американцами, выторговав себе компенсацию. Интерес к Ирану британцы теперь проявляли исключительно подрывными акциями. В 2006-м — королева демонстративно возводит в рыцарское достоинство иранского диссидента Салмана Рушди, нанесшего беспрецедентные оскорбления чувствам мусульман. В 2007-м — 8 служащих британских ВМС и 7 морских пехотинцев на двух катерах, состоящих на вооружении военно-морского спецназа, «случайно заблудились» в иранских территориальных водах. В этот же год их сухопутные коллеги осуществляют диверсионно-разведывательные рейды в юго-восточном Иране. В 2009-м Великобритания осуществляет прямое финансирование «зеленой оппозиции», устроившей массовые беспорядки в Тегеране по поводу избрания Ахмадинежада на второй срок. Собственно, это была еще одна попытка переворота, своеобразный «Аякс 2.0», остановленный самим же иранским населением, односторонне вставшим на сторону правительства.

Еще одним последствием событий 60-летней давности стало то, что следом за нефтью в долгосрочную концессию США, до 1979 года, отправилась и оставшаяся иранская экономика. Шах Мохаммед Реза Пехлеви и его приближенные отстроили «вертикаль власти», при которой он, «семья» и приближенные к трону могли безнаказанно грабить Иран еще целую четверть века. Протестующих забивали резиновыми дубинками в кабинетах службы безопасности САВАК. В этих же кабинетах с иранскими коллегами обменивались опытом «политического сыска» израильтяне. За фасадом «демократии» и «белой революции» скрывалась такая коррупция, что единственной жизнеспособной оппозицией оказалось исламское духовенство. А иранский народ, познав всю глубину «заботы» о себе шаха и Запада, испытал на себе все «прелести» модернизации по западному образцу — обратил свои взоры к аятолле Хомейни.

Оман — посредник между Тегераном и Вашингтоном?

Первым зарубежным лидером, посетившим Иран после избрания президентом страны Хассана Роухани, стал султан Омана Кабус. Его трехдневный визит начался вчера, сообщает Gulf News, со ссылкой на AFP.

Султанат Оман имеет тесные отношения, как с США, так и с Ираном. С учетом новых, по крайней мере на сегодняшний день намечающихся новых векторов во внешней политике Тегерана, этот визит породил комментарии о том, что султан Кабус прибыл с посреднической миссией и даже привез с собой некое «послание из Вашингтона» для Хассана Роухани.

Ранее новоизбранный президент Ирана напрямую выразил готовность к переговорам по ядерной проблеме и смягчению санкций, в последнее время больно ударяющие по экономике Ирана. Президент США, Барак Обама также говорил, что США открыты для прямых переговоров по ядерной проблеме.

«Можно предположить, что Султанат Оман этим визитом дает понять, что он желает играть роль не только посредника между Вашингтоном и Тегераном, но и возможно принимающей стороны для проведения предполагаемых американо-иранских переговоров», — такое мнение иранский аналитик по проблемам Ближнего Востока Газем Мохебали высказал считающемуся «реформистским» иранскому изданию «Бахар».

У Омана имеется практический опыт подобного посредничества. Благодаря его усилиям, в 2011 году были освобождены американские туристы, задержанные за нелегальный переход границы с Ираном, а также иранский ученый, арестованный в Калифорнии по обвинению в нарушении режима санкций.

Однако министр иностранных дел ИРИ Мохаммад Джавад Зариф опроверг утверждения, что султан Кабус привез с собой послание из Вашингтона.

«Визит Кабуса в Иран — это еще одно свидетельство того, что Тегеран отходит от изоляционистской модели внешней политики, сформировавшейся при Ахмадинежаде, а Оман — одна из немногих арабских стран, с которой Иран поддерживает тесные и всесторонние отношения», — с читает Мехран Кармава, директор центра международных и региональных исследований при филиале Джорджтаунского университета в Катаре.

Оман — страна для Аравийского полуострова специфичная. Являясь членом Организации сотрудничества государств Персидского залива, Оман, тем не менее, не входит в ОПЕК, не ограничен его квотами и ведет собственную самостоятельную торговлю углеводородами в мире. Цена Оманской нефти используется в качестве ценового эталона для расчетов текущих ежемесячных цен на ближневосточную нефть.

Интересен Оман и в религиозном отношении. Большинство его жителей — мусульмане ибадиты, а глава государства считается имамом ибадитов. Это течение возникло в VII веке в Ираке, как умеренное крыло хариджитов. Сегодня ибадитов менее 1% от всех мусульман мира, они занимают промежуточное положение между суннитской и шиитской ветвями религии, будучи ближе все-таки к суннизму. Такое положение в религиозном смысле также дает возможность Оману выступать посредником между Ираном и окружающим миром, в частности, с суннитским большинством мусульманского мира.

Масуд Нили

Критическое положение экономики Ирана

В рамках анализа экономической составляющей работы двух правительств президента Ахмадинежада в 2005–2013 годах важными характеристиками экономики Ирана является проблема занятости и результаты проекта социального жилья. В последние месяцы нам часто приходилось слышать, что одну из самых насущным проблем нашего общества представляет безработица.

За указанный период времени традиционная структура иранского общества эволюционировала настолько, что подготовила для рынка труда новое поколение. Молодые люди, рожденные в 80-х годах, достаточно повзрослели, чтобы придать обществу особый облик. Три десятилетия назад по причине специальной демографической политики государства в стране увеличилась рождаемость. Ввиду этого сейчас Иран является одним из самых молодых государств мира. Как следствие наличие большого числа молодых людей в стране создало серьезную проблему в вопросе их занятости. С другой стороны, данная группа населения имеет и свои политические требования, выдвигая новые общественные и экономические стандарты. До 2005 года из общего числа занятого населения страны только 14% имели высшее образование. Поэтому в такой ситуации экономика государства обязана была взять на себя нелегкий груз.

Здесь стоит сказать несколько слов о том, как в последующие годы удалось заставить молодое население получить высшее образование. Итак, страну просто накрыла волна молодежи. До этого третий план пятилетнего развития, принятый в парламенте страны еще в 2000 году, был направлен на решение проблемы занятости. Тогда основная дискуссия сводилась к тому, что при начале реализации четвертого плана развития в 2005 году молодое поколение полностью окажется на рынке труда. Таким образом, в двух планах пятилетнего развития уже предпринимались попытки решить острую проблему занятости населения. По имевшимся прогнозам, в 2011–2021 годах резкий наплыв молодежи должен закончиться. В период составления и реализации третьего плана развития средняя цена на нефть составляла 10 долларов, в то время как его авторы рассчитывали на 14,5 долларов. В последующие годы цена на черное золото пошла резко вверх и достигла даже 150 долларов. Это крайне благоприятно сказалось на иранской экономике. Рост цен на нефть обеспечил новые ресурсы государственной экономики, которые могли решить массу проблем. Другими словами, государство, столкнувшись с проблемой огромного числа молодого поколения, получило

в качестве награды высокие цены на экспортируемые им энергоресурсы. В рассматриваемый период самым серьезным образом ощущалась потребность в материальных ресурсах внутри самой страны. После трудоустройства массы молодых людей возникла потребность в предоставлении им отдельного жилья, поэтому государству предстояло таким образом составить будущее планирование, чтобы обеспечить и эту потребность.

Резкое увеличение цен на нефть и быстрое прибавление работоспособного населения выпали на долю двух правительств Ахмадинежада в 2005–2013 годах. Сейчас спустя восемь лет, анализируя экономическую политику этих правительств, мы видим, что проблема занятости коренным образом так и не была решена. Так, в 2006–2011 годах ежегодно в стране создавалось только 14,2 тысячи рабочих мест. Это свидетельствует о том, что огромные денежные поступления от продажи нефти так и не были потрачены на решение проблемы занятости населения. В указанный период времени правительство направило свои резервы на развитие высшего образования, которое само по себе расширило рынок занятости. Большое число молодых людей, которые должны были пополнить рабочую силу, до 2010-х годов занялись учебой. По статистике, в этот период 4,6 тысячи молодых людей поступили в высшие учебные заведения, а от миллиона до полутора миллионов еще раньше получили высшее образование. С другой стороны, по официальной статистике, число безработных составило от трех до трех с половиной миллионов человек. Если сложить эти цифры, то получится, что в 2010-е годы незанятыми на рынке труда оказались более 8 миллионов граждан. К этому прибавились еще более негативные факторы, а именно введение новых санкций против Ирана, поэтому нефтяные доходы сильно сократились. Как следствие Исламская республика сейчас живет в период, когда крайне необходимо использовать прежние рабочие места и создавать новые. Между тем на деле оба правительства Ахмадинежада в 2005–2013 годах потратили нефтедоллары на первостепенные нужды, оставив в стороне создание новых рабочих мест.

В какой-то момент Иран получил исключительные возможности и колоссальные прибыли, однако они были потрачены не на трудоустройство граждан, а на временные потребности. Показатели экономического роста также свидетельствуют о регрессе. Средний прирост экономики в те годы составил 4,2%, в то время как до 1989 года он составлял более 5%, а в годы третьего плана развития — 6%. В 2005–2013 года имели место и другие негативные тенденции. Средний уровень импорта до 2010-х годов ежегодно составлял 21 миллиард долларов, однако затем он неожиданно увеличился до 80 миллиардов, причем расплачивались за него исключительно за счет доходов от нефти. Здесь важно учесть, что инициаторы санкций рассчитывали на зависимость иранской экономики от нефтяных доходов и экспорта и предпосылки этого действительно начали создаваться. Таким образом, в 2005–2013 годах оба иранских правительства произвели замену производственной экономики на распределительную, опирающуюся на нефтяные доходы, хотя на самом деле для нейтрализации отрицательных последствий введения санкций это было недопустимо. Вызывает большое удивление ориентация на импорт потребительских товаров, против которого и были направлены санкции. Вероятно, предполагалось, что весь мир зависит от иранской нефти, однако последующие события доказали ошибочность этого мнения. В указанный период возросла добыча нефти

в Ираке и Ливии, а в самих Соединенных Штатах провели существенные изменения в нефтяных технологиях. В результате стало очевидно, что на самом деле все страны мира не зависят целиком и полностью от нефти, добываемой в Иране. В самой Исламской республике все так же осталась нерешенной проблема занятости, для решения которой теперь не хватает финансовых ресурсов.

Дальнейшая судьба иранской экономики зависит от того, как будет решен этот кризис. Решать проблему создания рабочих мест в такой экономике, как иранская, следует крайне осторожно. Максимум в Иране возможно трудоустроить ежегодно чуть более 500 тысяч человек, поэтому заявления о создании в стране миллионов рабочих мест являются безосновательными.

Данные действия правительства приведут к большому разрыву между экономикой и социальной сферой. Иранцы той возрастной группы, о которой велась речь, в 2006–2016 годах достигнут 30–34 лет. Важно учесть и то, что эти люди рождены от отцов и матерей, женившихся в 1980-х годах, и все так же находятся под их влиянием. В отличие от старшего поколения, эти молодые люди в своем зрелом возрасте все еще в своей массе не создали семью, у них нет работы и, что хуже всего, они лишены веры в лучшее будущее. Кстати, на последних президентских выборах именно эта группа населения выступала как действующий механизм, отчасти связывая свои надежды с переменами в стране. Почти все эти молодые люди недавно получили высшее образование и желали бы трудоустроиться в государственном учреждении. С другой стороны, образовательная система страны, принявшая в себя когда-то этих молодых людей, не настолько сильно эволюционировала, чтобы учить чисто производственным специальностям, и большая часть людей получают образование, наиболее подходящее для работы в государственных структурах. Несмотря на это, само государство из-за упомянутых финансовых трудностей не может предоставить этим молодым людям возможность трудоустройства. С другой стороны, следует иметь в виду, что в сфере высшего образования сильно увеличилось число женщин. Трудоустройство женщин, учитывая их половую специфику, создало для государства новые проблемы. Интересно, что именно эта категория граждан еще накануне выборов была настроена крайне оптимистично, предполагая, что новое правительство может и даже обязано решить их проблемы. Однако следует отметить, что для этого у нынешнего правительства крайне мало ресурсов.

Вероятно, задачей правительства Роухани будет не столько решение экономических проблем, сколько объяснение молодому поколению, почему в стране сложилась такая непростая ситуация. Поэтому новое правительство должно хорошенько обдумать, как объяснить молодым людям то, что произошло с экономикой страны за последние годы, и, с другой стороны, вступить с ними в диалог, чтобы сохранить их доверие. Иранскому обществу еще предстоит столкнуться с серьезными трудностями, однако все должны понимать, откуда они взялись. Если задают ложные ориентиры, все общество терпит урон. На мой взгляд, теми проблемами, о которых я говорил, больше следует заниматься социологам, а не экономистам. В любом случае, имея столь большой процент молодого населения, иранское общество ждет масса социальных проблем, начиная наркоманией и заканчивая браками и разводами.

Последствия данного кризиса прослеживаются и в других областях экономики. В качестве примера можно привести жилищную проблему. Молодым людям после или пред свадьбой нужно жилье. Однако их потребность не увеличивает спроса на жилье. Другими словами, не имея работы и дохода, молодое поколение не может купить жилье или снять его в аренду. Сейчас, когда во главе правительства встал Роухани, каковы его шансы решить обеспечить население рабочими местами и решить проблему занятости?

В течение последних недель правительство, конечно, говорило о тех проектах, которые были реализованы за прошлые годы. В частности, объявляется об успехах строительства социального жилья и эффективной работе таких программ, как фонды быстрой окупаемости, занимающихся предоставлением от государственных банков льготных кредитов. Вместе с тем следует учитывать, что результатом всех этих проектов и стала нынешняя экономическая ситуация в стране. Такие программы, как фонды быстрой окупаемости, только запустили в стране процесс предоставления льготных кредитов, а строительство социального жилья коренным образом ничего не изменило. Следует отметить, что для возведения домов требуется либо высококвалифицированные специалисты, либо простые чернорабочие. Рассмотрим прямое и косвенное влияние строительной промышленности на рынок труда. Раньше уже отмечалось, что молодежь в массовом количестве получила высшее образование. В настоящее время среди закончивших институт безработными являются 42% женщин и 22% мужчин. Эта категория граждан не желает заниматься рабочими специальностями, где требуется физический труд, а не умственный. С другой стороны, процветание за счет нефтяных доходов вселило в них новые надежды на какой-то карьерный рост, которым, однако, не суждено сбыться. На самом деле проект строительства социального жилья создал рабочие места только для специфической категории граждан, представленных в основном афганскими мигрантами.

В то же самое время строительство социального жилья создало прецедент в иранской экономике, потому что прежде правительство никогда напрямую не занималось возведением домов для граждан. До этого жилье фактически оставалось единственным частным сектором. Для рассмотрения этого проекта обратимся к его финансированию, осуществляемому за счет Центрального банка Ирана. Дело в том, что для покрытия расходов на строительство этого жилья банк предпринял денежную эмиссию. Охватившая страну инфляция, превышающая 30%, объясняется именно этим. Столь высокая инфляция негативно влияет на производство и занятость населения. К сожалению, прошлое правительство не учло такие последствия строительства социального жилья, которое на деле привело к серьезным экономическим проблемам.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что на сегодняшний день главной проблемой иранской экономики является, прежде всего, обеспечение занятости населения. Молодежь, которая после недавних президентских выборов с оптимизмом смотрит в будущее, должна понимать, что правительства, бывшие у власти в 2005–2013 годах, впустую потратили значительную часть государственных средств. Поэтому необходимо время, чтобы восстановить экономику. С другой стороны, новое правительство Роухани столкнулось с острым финансовым дефицитом. Для решения этих проблем нужна сильная общественная воля и обдуманное действия.

СМИ: США помогли Саддаму Хусейну устроить химатаку против Ирана

Более 20 лет назад во время ирано-иракской войны Соединенные Штаты предоставили Багдаду разведанные о войсках противника и помогли организовать химическую атаку против исламской республики, тем самым переломив ход войны.

В 1988 году американские спецслужбы на переданных со спутника снимках увидели перегруппировку иранских войск возле наиболее уязвимого района иракской обороны. Тогда Вашингтон передал Багдаду фото с расположением войск ИРИ, а также документы с подробными сведениями об иранской ПВО, осознавая, что военные Хусейна применят против Ирана химическое оружие, в том числе нервно-паралитический газ зарин, пишет Foreign Policy.

Эти события более 20 лет назад помогли переломить ход войны и посадить Тегеран за стол переговоров. Власти Ирана утверждали, что против их войск использовали химическое оружие, и намеревались обратиться в ООН, но стране не хватило доказательств, значительная часть которых содержится в секретных отчетах разведки США.

Официальные лица США долго отрицали эту информацию, настаивая на том, что Багдад не предупреждал Вашингтон о планах применить химоружие. Однако недавно американский полковник ВВС в отставке Рик Франкона, в 1988 году занимавший пост военного атташе в Багдаде, рассказал, что «иракцы действительно не говорили, что планировали применить химоружие, однако этого и не требовалось, поскольку США были в этом уверены».

В ЦРУ данную информацию комментировать отказались.

Ирано-иракская война продолжалась с 1980 по 1988 год. С 1987 года иракская армия проводила против партизанских отрядов иракских коммунистов и курдов на севере страны военную кампанию «Анфаль», которая включала широкое применение химического оружия. По разным оценкам, в ходе операции было уничтожено от 100 до 180 тыс. мирных жителей.

16 марта 1988 года в городе Халабджа от газовой атаки погибли 5 тыс. курдов. Иран обвинил в этом нападении Саддама Хусейна. Однако, по иракской версии, поддержанной Госдепартаментом США, удар по гражданско-

му населению был нанесен самим Ираном в ходе наступления. Несмотря на то, что атака была произведена уже после того, как Халабджа был занят соединенными силами иранцев и курдских повстанцев.

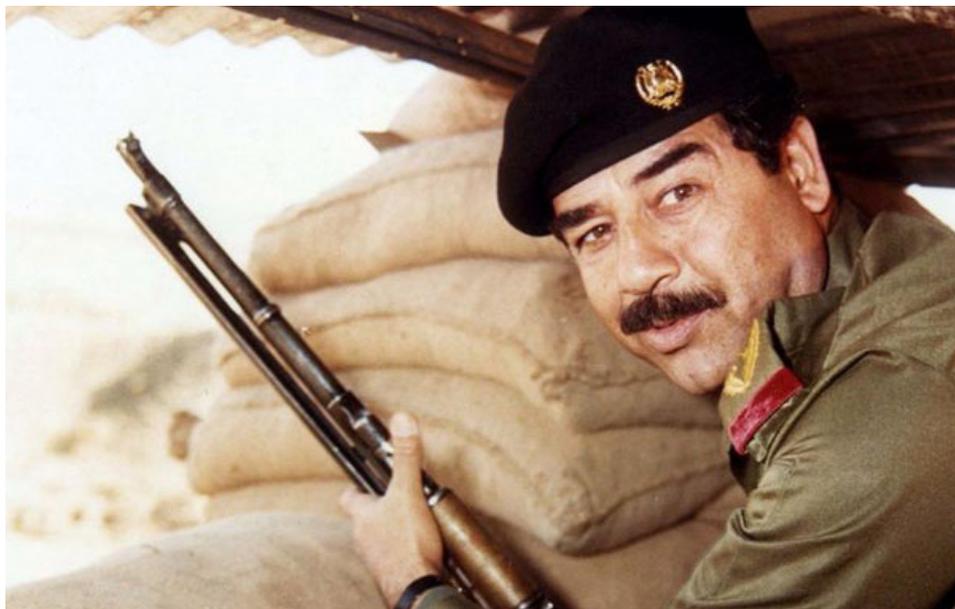
Между тем расследование международных правозащитных организаций подтвердило вину Саддама Хусейна, применившего химоружие. В январе 2010 года иракским судом был признан виновным в организации газовой атаки и приговорен к смерти двоюродный брат Хусейна Али Хасан аль-Маджид. Сама газовая атака была признана актом геноцида.

Напомним, в настоящий момент страны Запада, в первую очередь США, обвиняют в применении химического оружия в пригороде Дамаска правительство сирийского президента Башара Асада. Лондон и Париж уже возложили на Асада ответственность за якобы имевшее место применение зарина, жертвами которого, по данным оппозиции, стали 1300 человек, на войска главы государства, а США заявили, что у них почти нет сомнений в виновности властей арабской республики.

На Западе открыто заговорили о возможности вмешательства в сирийский конфликт. Так, в воскресенье министр обороны США Чак Хейгел заявил, что вооруженные силы США для решения сирийского вопроса могут реализовать в этой стране военный сценарий, если на это поступит приказ президента Барака Обамы. При этом источник в ЕС заявил, что США и Британия уже выбрали цель для первого удара по республике.

В понедельник министр иностранных дел Соединенного Королевства Уильям Хейг заявил, что осуществить иностранное вмешательство в сирийский конфликт будет возможно и без единогласной поддержки всех членов Совета Безопасности ООН. А глава МИД Турции Ахмет Давутоглу заявил, что Анкара готова присоединиться к любой коалиции против правительства сирийского президента Башара Асада, даже при отсутствии официального решения СБ ООН.

Между тем военное командование Сирии по-прежнему опровергает свою причастность к якобы имевшей место химатаке, а в субботу военные республики нашли в туннеле боевиков в пригороде Джубар на востоке Дамаска склад с химическими веществами, которые предназначались для изготовления боевых отравляющих веществ.

Петр Иванченко

«Газовый след» ведет в Вашингтон

Применение химического оружия становится главным обвинением против властей Сирии и поводом для нападения на эту страну. Оставив в стороне споры о состоятельности этих обвинений отметим, что и самый главный обвинитель Дамаска — Вашингтон, сам далеко не безгрешен в этом плане. Речь не только о широко известных эпизодах использования химического оружия во Вьетнаме.

Крайне неблагоприятна роль Америки в «химической истории» ирано-иракской войны 1980–88 годов. Напомним, что тогда симпатии Вашингтона были на стороне Ирака. Как сообщает издание *Foreign Policy*, американцы тогда фактически поощрили применение Багдадом боевых отравляющих веществ против Ирана.

Издание сообщает, что сначала, в 1983 году, Ирак применил горчичный газ. А в 1987 году, когда Иран вплотную приблизился к взятию Басры, что привело бы страну к победе, Вашингтон принял непосредственное участие в организации газовой атаки против иранцев. Передав Багдаду разведданные о составе, количестве и дислокации иранских войск, американцы фактически подтолкнули Ирак к совершению военного преступления.

В марте 1988 года Ирак применил нервно-паралитический газ в курдском селении Халабджа, в апреле против иранских войск к юго-востоку от Басры был применен зарин, что позволило иракцам одержать крупную победу, отмечает *Foreign Policy*. Как известно, захлебнувшееся наступление иранских войск вынудило Тегеран, осознавший бесперспективность дальнейшего ведения боевых действий, летом 1988 года согласиться на перемирие.

За весь 1988 году иракцы четырежды применили зарин, причем в существенных масштабах, рассказал *Foreign Policy* изданию отставной полковник армии США Рик Франкона, в 1980-х годах занимавший пост военного атташе в Багдаде.

Речь идет о последних месяцах войны в 1988 году, когда иракские военные, опираясь на полученные от разведки США данные, провели четыре наступательные операции с применением химического оружия. Тогда, по разным данным, погибли до 200 тысяч мирных жителей, в том числе около 5 тысяч курдов. Позднее суд Ирана признал эту атаку геноцидом и приговорил к смертной казни двоюродного брата Саддама Хусейна Али Хасан аль-Маджида, признанного виновным в организации атаки.

Более того, издание указывает, что США сделали все, чтобы заблокировать в ООН обсуждение использования Ираком химического оружия, что вступает в прямое противоречие с Женевским протоколом 1925 года, запрещающим применение химического оружия, который американские власти ратифицировали в 1975 году.

Более того, есть информация, что США поставили Хусейну четыре лаборатории для производства боевых ОВ.

Позднее США применили химическое оружие уже против самого Ирака. Согласно секретным материалам, обнародованным WikiLeaks, в 2003 году американский контингент в Ираке получил минимум 2386 единиц химического оружия ближнего действия.

Все это говорит о том что США ради достижения своих, в высшей степени сомнительных целей готовы даже к соучастию в актах геноцида.

Станислав Иванов

С какой миссией султан Кабус приезжал в Тегеран?

25 августа 2013 года в Тегеран с трехдневным официальным визитом прибыл глава Султаната Оман Кабус бен Саид в сопровождении большой правительственной делегации. Это был первый визит главы иностранного государства в Тегеран при новом президенте Хасане Роухани.

Кабус бен Саид, придя к власти в 1970 году, возглавил едва ли не самую отсталую страну на планете. За прошедшие годы ему удалось провести коренные политические и социально-экономические реформы и превратить султанат в динамично развивающееся государство. Несмотря на то, что Султанат Оман остается сравнительно небольшим государством в пустыне на побережье Оманского залива с населением около 3 миллионов человек, из которых около полумиллиона являются иностранной рабочей силой, роль и значение этой страны в регионе весьма значительны.

Казалось бы, ничего сенсационного в решении султана Кабуса посетить Иран нет, более того, это уже его третий визит в Тегеран. Предыдущий визит состоялся в 2009 году и завершился подписанием 8 двусторонних соглашений в различных областях (политической, торгово-экономической, культурной и безопасности). Следует учитывать, что Иран и Оман совместными усилиями своих флотов осуществляют охрану Ормузского пролива, который соединяет Персидский залив с Индийским океаном и служит «торговыми воротами» в богатейший нефтегазоносный регион.

Султанат Оман, являясь членом региональной организации Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), где главную роль играет враждебное Ирану Королевство Саудовской Аравии, и, имея весьма тесные традиционные связи с США и Великобританией, должен был по идее воздержаться от дальнейшего сближения с Ираном. Однако, вопреки этим обстоятельствам, султан Кабус все же прибыл в Иран в качестве первого руководителя иностранного государства, посетившего Тегеран при новом президенте ИРИ Хасана Роухани. В ходе пребывания султана Кабуса в Тегеране состоялись его встречи и беседы с духовным лидером страны Али Хаменеи, президентом Ирана Хасаном Роухани, спикером парламента Али Лариджани, министром обороны Хусейном Дехканом и другими иранскими руководителями.

Политические обозреватели не исключают, что султан Кабус прибыл в Тегеран с посреднической миссией и даже привез с собой некое «послание из Вашингтона» новому президенту ИРИ. Такой вариант вполне возможен, хотя и маловероятен. Действительно, у оманских властей имеется определенный практический опыт подобного посредничества. В 2011 году, благодаря усилиям Маската, были освобождены американские туристы, задержанные за нелегальный переход границы с Ираном, а также иранский ученый, арестованный в Калифорнии по обвинению в нарушении режима санкций.

Султан Кабус в силу своего умения сохранять нормальные отношения как со странами Запада, так и с исламскими государствами является весьма удобной фигурой для посреднических миссий. Он всячески пытается снять напряжение, возникшее вокруг иранской ядерной программы на Западе, и снизить порог конфронтации между Ираном и его оппонентами в лице США, Израиля, ЕС и монархий Персидского залива. В этом султан Кабус видит и возможность поднять престиж своего государства, продемонстрировать миролюбивый внешнеполитический курс Султаната

Султан Кабус в силу своего умения сохранять нормальные отношения как со странами Запада, так и с исламскими государствами является весьма удобной фигурой для посреднических миссий

Оман, его стремление принимать активное участие в разрешении региональных конфликтов. Не исключено, что американские партнеры просили султана Кабуса прозондировать почву для будущих прямых и не прямых контактов Запада с Ираном, выяснить, насколько новое иранское руководство готово к компромиссам и уступкам. Весьма важным моментом для посредничества Маската является тот факт, что граждане Омана в религиозном плане занимают промежуточное положение между суннитской и шиитской ветвями религии (ибадиты). Такое положение дает возможность Оману выступать посредником между шиитскими и суннитскими общинами.

Султан Кабус, как и многие другие умеренные лидеры стран региона, считает, что сейчас как никогда важно притушить разжигаемое извне пламя вражды между суннитами и шиитами. Именно на этой почве ведется гражданская война в Сирии, осуществляются масштабные теракты и вооруженные столкновения в Ливане, Ираке, других арабских странах. Обострение суннитско-шиитского противостояния все больше угрожает безопасности всего Ближнего и Среднего Востока. Естественно, что проблемы региональной безопасности были в центре внимания на оmano-иранских переговорах на высшем уровне.

Визит султана Кабуса в Иран показал, что в позиции Маската по отношению к Тегерану происходит трансформация: от нейтральной на проиранской. Если раньше представители Омана делали лишь умеренные заявления, в которых Тегеран предостерегали от возможных негативных последствий разработки ядерного оружия, то теперь Оман открыто признает право Исламской Республики на развитие ядерной программы и не считает, что она имеет какую-либо военную составляющую. Кроме того, Маскат выступает резко против возможной военной операции Запада против Ирана, считая, что это еще больше дестабилизирует обстановку на всем Ближнем Востоке.

Оман также заявляет, что не допустит использования его территории в качестве плацдарма для нанесения возможных ударов по Ирану. Ранее глава МИД Омана Юсиф бен Алави открыто высказывался против присутствия иностранных флотов в Персидском и Оманском заливах.

Следует также упомянуть и недавнее заявление представителя Омана шейха Аль-Исаи, в котором он призывает Иран сделать совместные «эффективные шаги для восстановления безопасности и стабильности в Ираке». По его мнению, иракские шииты и сунниты раньше не испытывали друг к другу такой вражды и она является порождением провокационных действий со стороны США. Не последнюю роль в «перемене настроений» в Маскате сыграли действия самого Запада и его попытки оседлать «арабскую весну» в своих интересах. С проявлениями негативных последствий этих событий в феврале–марте 2011 года столкнулся и сам Оман. Несмотря на то, что США и их союзники в целом вели себя по отношению к местным акциям протеста довольно сдержанно, многие в Маскате расценили реакцию политиков и СМИ Запада враждебной самому существованию монархической власти в Омани. В частности, окружение Кабуса довольно настороженно отреагировало на американские призывы «ускорить проведение демократических реформ», которые на практике означают заметное ослабление власти султана. Арабский мир все больше ощущает на себе процесс искусственной «демократизации» по западным лекалам.

Безусловно, в ходе визита султана Кабуса в Тегеран обсуждались планы по расширению взаимовыгодных торгово-экономических отношений. Маскат при этом рассчитывает на более выгодные условия сделок, поскольку Иран оказался в экономической блокаде. Одним из наиболее важных документов в этой области стало соглашение о поставках иранского природного газа в Оман. Общая сумма контракта составила 60 млрд долларов США. «Согласно достигнутому соглашению, Иран начнет поставлять природный газ в Оман по новому газопроводу уже через два года, действие договора продлится 25 лет», — заявил иранский министр нефти Биджана Зангене. Ранее сообщалось, что Оман проявляет заинтересованность в импорте более двух миллиардов кубометров иранского газа в день. Министр иностранных дел Ирана и его оманский коллега подчеркнули важность ранее заключенного четырехстороннего соглашения между Ираном, Оманом, Туркменистаном и Узбекистаном о транзите грузов и пассажиров.

В целом, визит высокого оманского гостя в Тегеран наглядно показал, что попытки Вашингтона изолировать Иран на международной арене и в регионе не эффективны. Даже среди монархий Персидского залива не все страны удалось убедить в мнимой ядерной угрозе или шиитской экспансии со стороны Ирана. Все больше людей понимают, что источником нестабильности и новых вспышек насилия на Ближнем Востоке является провокационная политика США и их союзников. Поддержка Вашингтоном напрямую и через своих сателлитов террористических группировок в арабских странах, попытки насильственного свержения неугодных Западу режимов — вот главная причина растущей напряженности в регионе.

К ирано-пакистанскому газовому союзу присоединяется Китай. Чем это интересно для России

Как сообщают СМИ, Китай и Пакистан рассматривают возможность строительства газопровода между двумя странами. Разумеется, речь идет о продлении строящегося газопровода Иран-Пакистан, т.к. своего лишнего газа в Пакистане нет, напротив, страна сама испытывает серьезный дефицит этого топлива.

Фактически можно говорить о появлении нового газопроводного проекта «Иран — Пакистан — Китай» (вместо когда-то планировавшегося «Иран — Пакистан — Индия»). Теоретически, конечно, по трубопроводу «Пакистан — Индия» может транспортироваться и газ, получаемый на будущем пакистанском терминале по приему СПГ, но такой вариант экономически выглядит не очень перспективно.

Важно, что речь здесь идет не только о газопроводе, но и создании нового транспортного коридора: Гвадар (порт в Пакистане) — Кашгар (Синьцзян-Уйгурский автономный округ в Китае). Разговоры о подобном проекте шли давно, но реализации мешало сразу несколько факторов. Нестабильная обстановка в регионе, сложный рельеф местности и, конечно, противодействие Соединенных Штатов. Последний фактор до поры до времени был критичен для Пакистана. Но теперь, похоже, нет: свое отношение уже высказал премьер-министр Пакистана, заявив, что от создания коридора обе стороны получают выгоды. Напомним, что в начале года стало известно, что сам порт Гвадар перешел под управление китайской Chinese Overseas Port Holdings. Кроме того, в перспективе по этому маршруту может пройти и нефтепровод. Хотя такой способ доставки нефти получается довольно дорогим, он фактически задумывается как запасной путь в случае блокады Малаккского пролива.

Важно отметить, что развитие сюжета с маршрутом «Гвадар — Кашгар» происходит на следующем новостном фоне: несколькими днями ранее Пакистан фактически отказался от реализации газопровода ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия) под предлогом плохих отношений с Дели. Конечно, эта проблема (связанная с конфликтом по Кашмиру) существует. Но все последние годы постепенно старались делать шаги к примирению — не в последнюю очередь, чтобы все-таки построить газопровод. Более того, Индия предлагала проложить в Пакистан небольшой газопровод, чтобы снабжать эту страну газом, получаемым с индийских терминалов по приему СПГ. Напомним, что Пакистан испытывает столь

сильный дефицит газа, что в стране регулярно случаются веерные отключения электричества, он сдерживает экономический рост. В общем, для ТАПИ до недавнего времени все складывалось неплохо — по крайней мере, в контексте отношений Исламабада и Дели. Слабым местом газопровода скорее был Афганистан. Но в начале августа в регионе вновь ухудшилась обстановка, после чего Пакистан заявил об отказе от проекта. И вот, спустя буквально несколько дней, становятся ясными настоящие причины этого разворота.

Замена проекта Иран — Пакистан — Индия на Иран — Пакистан — Китай еще раз подтверждает создание стратегической связки Пекина и Исламабада и отказ последнего от оглядки на Вашингтон. Напомним, что традиционно Пакистан старался сохранять лояльность и США, и КНР. Один из звончков для Штатов прозвучал в феврале этого года, и нынешние переговоры окончательно закрепляют выбор Пакистана.

Любопытно, что после того, как Индия отказалась от проекта Иран — Пакистан — Индия, Тегеран предложил Дели построить подводный газопровод в обход Пакистана. Но и такой вариант Индии не подошел (естественно, под нажимом США). У этих двух стран и раньше были неплохие отношения, но теперь же складывающаяся в регионе конфигурация объективно подталкивает Индию к еще большему укреплению связей с Соединенными Штатами.

Как все эти расклады могут повлиять на российские «газовые» интересы?

Фактически ТАПИ, хотя и был американским проектом, очень даже устраивал Россию — т. к. перенаправлял туркменский газ на азиатский рынок. Теперь же Туркменистан в большей степени будет пытаться выйти со своим газом на европейский рынок. Поэтому можно ожидать усиления давления по проекту Транскаспийского газопровода, статусу Каспийского моря. И в этом смысле начавшееся укрепление сотрудничества (нефтегазового и не только) с Азербайджаном оказывается очень удачным. Напомним, что и сам Баку, несмотря на декларации, тоже не очень-то и хочет доступа туркменского газа на европейский рынок. Ведь Туркмения — конкурент не только нам, но и Азербайджану.

С другой стороны, «закрытие» проекта ТАПИ означает дополнительный индийский спрос на газ из других источников — в первую очередь СПГ. Напомним, что у России уже есть контракт на поставки СПГ в Индию (объемом 2,5 млн тонн в год) и предварительные договоренности об увеличении объемов до 10 млн тонн.

И третий момент: китайский спрос. Мощность нового газопровода из Пакистана может составить до 10 млрд кубометров в год. Напомним, что в июле этого года был запущен газопровод Мьянма — Китай, мощностью 12 млрд кубометров в год. Не получится ли так, что появление иранского газа на китайском рынке сделает Пекин менее сговорчивым в дискуссиях по российским поставкам? Представляется, что нет. Это связано с тем, что Китай, похоже, наконец-то решил ограничить рост потребления угля. Об этом — в отдельном материале.

Израэль Шамир

Здравствуй, новый ракетный кризис?

В Сирии горячо. Американские военные корабли подходят ближе и ближе к ее берегам. Израильские обозреватели утверждают, что американцы направят свои крылатые ракеты «Томагавк» не на военные базы, а на дворец президента Асада в Дамаске с целью завершить войну ликвидацией законного правительства. Израильский и французский премьер-министры требуют бомбить Сирию. Только 9% американцев хотят этой войны, но среди них много банкиров и конгрессменов. Пожалуй, мы еще не были так близки к серьезному американскому вмешательству, как сейчас.

В июле Израиль, играющий немалую роль в подготовке агрессии, попытался разбомбить сирийские прибрежные базы русских ракет «Яхонт» класса «земля-море», но unsuccessfully. Ракеты были вовремя спрятаны. Когда это выяснилось, в Израиле раздались голоса, требующие повторного удара — «Яхонты» мешают американской армаде приблизиться. Конечно, крылатые ракеты «Томагавк» можно запустить и с приличного расстояния, но и «Яхонты» могут далеко дотянуться.

«Россия ограничится серьезным предупреждением, выразит возмущение — и все», считают оптимисты в Пентагоне. «Так было в Ираке, так было в Югославии». Но весьма вероятно, что они ошибаются. Время уже не то. Слишком много стоит на карте, и Москва не собирается уступать. Ситуация напоминает 1962 год, противостояние Хрущев — Кеннеди. Здравствуй, новый ракетный кризис? У кого первого дрогнут нервы — у Путина или Обамы?

На стороне Обамы — Шестой флот, на стороне Путина — правда. Это не так мало — даже американскому народу, а тем паче остальному человечеству, агрессии Пентагона надоели.

Скажу сразу — какой бы ни был повод, нельзя допустить американскую интервенцию. Сегодня они разбомбят Дамаск, спасая сирийцев от тирана Асада, завтра захотят разбомбить Москву, спасая русских от гомофоба Путина. Нас уже Гитлер спасал от злодея Сталина, и повторения никто не хочет. Но и повод для агрессии — липовый, неубедительный, его иначе как подтасовкой не назовешь.

Утверждают, что в пригороде Дамаска погибло нескольких десятков, а то и сот сирийских гражданских лиц, возможно, в результате химической атаки. Кто атаковал кого, когда и чем — остается неясным. Есть несколько страшных видео, но некоторые видео висели в интернете за день до атаки, а другие уже служили доказательством убийств в Каире. На самых четких видны ряды трупов, между которыми стоят родственники и повстанцы, обвиняющие правительство и лично президента Асада. Эта картинка вызвала сомнения у международных экспертов. Уж очень она не похожа на применение боевых газов вроде зарина, которые есть в распоряжении сирийского правительства.

Директор Verifin, финского института по верификации конвенции о химическом оружии, говорит, что после применения химоружия трупы не так выглядят, и родственники и боевики, стоящие на видео рядом с трупами без защитных скафандров и противогазов, должны были бы корчиться в судорогах. Не так выглядят глаза у жертв боевых газов, говорит Джон Харт (John Hart), глава шведского института химической и биологической безопасности. Стивен Джонсон (Stephen Johnson) из Института патологоанатомии в Кранфилде, считает видео — инсценировкой.

Кто же отравил этих людей? Многое указывает на провокацию.

Израильская газета «Гаарец» пишет со ссылкой на сайт сирийских повстанцев «аль-Хакика», что химические отравляющие вещества (не боевые газы) были привезены из Турции боевиками-туркменами, и они же их распылили, чтобы создать международную провокацию. Напротив, повстанцы получили ОВ у Израиля, считает британский парламентарий Джордж Галлоуэй, но все равно для провокации.

В электронной переписке руководителей британской частной оборонной компании Бритам, перехваченной хакерами и обнародованной британской газетой Daily Mail, говорится о планах боевиков привезти газовый снаряд русского производства из Ливии и задействовать с помощью англичан, а вину свалить на правительство Сирии, и спровоцировать американскую интервенцию. Интересно, что газета Daily Mail удалила это сообщение со своего сайта — но в интернете можно найти все.

Никто еще не смог объяснить, зачем правительству Сирии пускать в ход химоружие в пригородах Дамаска против мирного населения, да еще и в день прибытия комиссии ООН по химоружию? Поэтому правильно сделала Россия, что заблокировала в Совбезе ООН резолюцию, которая авторизовала бы американскую интервенцию.

Прошла резолюция, призывающая правительство и мятежников пропустить комиссию ООН. Но на месте предполагаемого отравления шли отчаянные бои.

Неофициальные источники утверждают, что и отравление было устроено боевиками, чтобы добиться местного прекращения огня и выйти из западни, в которую якобы попал американский и британский спецназ.

Как бы то ни было, сегодня в понедельник комиссию ООН должны допустить к месту происшествия, но представители Пентагона говорят: «Слишком поздно». Почему — слишком поздно? Потому что бои завершились? Потому что следы отравления исчезли? Потому что корабли вышли на огневую позицию? Посмотрим. Это уже не первый раз мы слышим о применении Сирией боевых газов — после того, как Обама обещал в таком случае ударить. В прошлый раз даже комиссар ООН Карла дель Понте признала, что применение зарина было провокацией боевиков. Но руководители Америки, Израиля, Франции и Британии — старая империалистическая Антанта — хотят войны. Что бы ни сказала комиссия ООН, они найдут повод.

Поэтому, не прекращая поисков мирного урегулирования и дипломатических ходов, Россия готовится к вооруженному конфликту с его непредсказуемыми последствиями. Чем прочнее будет стоять Россия, тем больше шансов на мир; чем крепче нервы капитана — тем ближе цель, как пел русский бард.

Иран корректирует внешнеполитический курс — Эксперт

Уход Али Асгара Солтание с поста постоянного представителя Ирана при МАГАТЭ говорит о корректировке Тегераном своего внешнеполитического курса, считает ведущий российский ирановед Владимир Евсеев.

Как он отметил в интервью Inews.az, в рамках этого же курса были заменены министр иностранных дел и секретарь Высшего совета национальной безопасности ИРИ. Начинается процесс замены послов Ирана в ключевых государствах мира, в том числе и в России.

Накануне президент Ирана Хасан Рухани назначил на должность представителя ИРИ в Международном агентстве по атомной энергии Рзу Наджафи. Ранее он работал в иранском МИД по вопросам политики и безопасности, а также представлял Иран в комитете ООН по разоружению.

По словам эксперта, теперь уже бывший посол Ирана в МАГАТЭ Солтание зарекомендовал себя как жесткий переговорщик.

«Это было хорошо во время президентства Махмуда Ахмадинежада, но уже не нужно при Хасане Рухани, когда высшим руководством республики принято решение о некотором смягчении отношений с Западом на базе взаимоприемлемых компромиссов», — сказал Евсеев, директор Центра общественно-политических исследований в Москве.

Победивший на президентских выборах в июне Хасан Рухани пообещал придать новую тональность международной политике Исламской Республики. Одним из основных обещаний его предвыборной кампании была отмена международных санкций в отношении Ирана, которые он назвал нечестными. Однако прекращать процесс дообогачения урана Тегеран не собирается.

Возможности компромисса

По словам Евсеева, пока нет ясности в отношении глубины компромисса, на который может пойти Тегеран в ядерной сфере.

«Иранское руководство может согласиться на приостановку процесса дообогачения урана с 5 до 20% (по урану-235) и доступ инспекторов МАГАТЭ на военную базу в Парчин», — сказал он.

Однако за это, с целью повышения взаимного доверия, Запад тоже должен сделать серьезные шаги, добавил он. В качестве последних можно рассматривать снятие для ИРИ ограничений в банковской сфере и области страхования морских перевозок грузов, что не имеет прямого отношения к иранским ядерным и ракетным программам.

В настоящее время в отношении Ирана действуют четыре санкционные резолюции Совета Безопасности ООН и принятые в одностороннем порядке рядом стран и организаций резолюции, требующие от Ирана обеспечить полную прозрачность ядерной программы и доказать ее мирную направленность.

Николай Малишевский

Сирия. Запад перед выбором

Сегодня в мире ислама условно можно различить два потенциальных ядра, претендующих на мировоззренческое лидерство. От их положения и сравнительного влияния на международные дела зависит во многом не только судьба Сирии, но и ответ на вопрос, почему прямое нападение США на эту страну, если оно состоится, станет началом конца Западной цивилизации...

Первое ядро представлено двумя зависимыми от США странами, государственная идеология которых впитала элементы «политического ислама», или исламизма — идеологического конструкта, созданного некогда в недрах англосаксонских спецслужб. Речь идет о Турции, располагающей значительными военно-политическими возможностями, но не имеющей мощных экономических рычагов, и Саудовской Аравии, имеющей финансовые рычаги, но не обладающей достаточной военной силой. С помощью этих стран Вашингтон сначала устранил угрозу своим глобальным планам со стороны ориентированного на СССР «арабского социализма», а затем, после уничтожения СССР, приступил к уничтожению светских режимов в мусульманских странах (Ирак, Ливия, Египет), в политике которых имелись когда-то элементы социалистической ориентации. (Чуть особняком стоит некогда тоже ориентированный на социализм Афганистан, ставший первым и универсальным полигоном для создания исламистско-джихадистского сегмента нового мирового порядка).

Второе ядро представлено Сирией и Ираном, обладающими одновременно и военно-политическими, и финансово-экономическими возможностями. Иран, занимает первое место на Ближнем Востоке (и шестое место в мире) по производству ракет и ракетному потенциалу. Шиитское государство персов — единственное не суннитское и не арабское государство в мире ислама — фактически выходит в нем на первые роли. Это уникальное положение Исламской Республики Иран теперь не препятствует, как это было до недавнего времени, а помогает Тегерану. А ведь еще не так давно (в 1980-х) даже Ирак Саддама Хусейна (пусть при поддержке США) сковал Иран затяжной войной, а саудовские принцы-ваххабиты (в 1990-х) лишь высокомерно кривили губы при упоминании о шиитских аятоллах.

Зато сегодня благодаря разгрому Ирака американцами иранские шииты стали самой влиятельной внешней силой в стране на Тигре и Евфрате (представители шиитского толка в исламе составляют около 66% населения Ирака). Инспирированная Вашингтоном «арабская весна» привела, по сути, к ослаблению традиционного преобладания суннитов в мире ислама и открыла перед шиитским меньшинством новые возможности расширения политического влияния.

Иран уже может не только эффективно воздействовать на Иерусалим и Багдад через такие организации в Ливане, Палестине и Ираке, как «Хизбалла» и Хамас. Иран способен также остановить поток нефти из Персидского

залива. Именно Тегеран определяет, сколько ее пройдет через Ормузский пролив, имея при этом веское «слово» на Каспии — в одном из богатейших энергоресурсами регионов планеты... К этому надо добавить широкое экономическое представительство на иранском топливно-сырьевом рынке транснациональных корпораций, что позволяет вести речь о прямой включенности некоторых западных держав в контекст политики Тегерана. Однако даже это не главное. Главное — это то, что сегодня от Ирана зависит поток нефти в Индию и Китай. За четверть века, прошедшие после назначения Ирана «главным противником» Соединенных Штатов в регионе, Тегеран в полной мере оценил значимость двусторонних отношений с Китаем и Индией и всемерно способствует их развитию.

Проще говоря, американское вторжение в Сирию было бы равнозначно открытому объявлению войны не только Дамаску и Тегерану, но и всем тем странам Востока и Запада, для которых бесперебойные поставки нефти из Персидского залива имеют жизненно важное значение. Не исключая и 40 миллионов курдов, из которых Сирия уже создала армию в 15 километрах от границы с Турцией. Не исключая, видимо, и британских Ротшильдов, связывающих свои глобальные финансовые планы с Пекином и действующих через катарцев против ориентированных на США саудитов.

На сей раз война, начнись она не сегодня-завтра, обязательно переклестнет через границы Сирии. И, возможно, даже быстрее, чем об этом предупреждал, обращаясь к нации в октябре 2012 года, премьер-министр Турции Эрдоган. Особенно если американцы, вторгнувшись в Сирию, сумеют привести к власти «повстанцев», ибо те уже не раз заявляли, что являются сторонниками «глобального джихада без границ». Это грозная сила: по данным турецкой прессы, против Сирии уже сейчас воюют более 70 тысяч боевиков более чем 30 группировок, часть из которых базируется в Британии (Лондон целенаправленно пестует радикалов-антисаудитов, готовых вырезать в отдельное исламистское государство нефтеносные куски Саудовской Аравии, ну, и конечно, священные пески Мекки и Медины).

Почему некоторое время назад война не выплеснулась за границы Сирии после атаки Израиля? Потому что сирийские и иранские лидеры прекрасно понимают: бомбить Сирию израильтяны вынудил Вашингтон, наказав таким образом Тель-Авив за его беспрецедентное вмешательство в последнюю президентскую гонку в США и ставку против кандидата, оказавшегося победителем выборов, — то есть против Обамы. Израилю просто ничего не оставалось кроме провокации в надежде на ответный удар сирийцев и последующее втягивание в войну с Ираном Америки. Однако ответного удара со стороны Сирии не последовало...

Зато последовало появление в Средиземноморье российских военных кораблей... России есть что терять и что приобретать на Ближнем Востоке. Сегодня Москва сознает это очень хорошо.

Есть также выбор и для Запада, и для стран Средиземноморско-Ближневосточного региона: масштабная война и хаос в международных экономических отношениях, которые последуют за вторжением США в Сирию, или долгожданный мир, обеспечиваемый, прежде всего, возвращением в регион России после того, как она ушла оттуда больше двух десятилетий назад.

Иран за неделю 2013.08.28

Лидер исламской революции Ирана назвал главной причиной региональных проблем вмешательство иностранных сил.

Его светлость аятолла Хаменеи в понедельник на встрече с королем Омана султаном Кабусом бен Саидом и сопровождающей его делегацией обозначил сложившуюся в регионе обстановку как «кризисную», отметив, что главная причина такой ситуации — вмешательства надрегиональных держав. Подчеркнув опасность вовлечения религиозных, сектантских и фракционных вопросов в политические разногласия в странах региона, он добавил: «К сожалению, при поддержке ряда региональных государств сформировались такфиритские группировки, которые воюют сейчас практически со всеми мусульманскими группами и общинами, но покровители такфиритов должны понять, что «пламя разжигаемого ими конфликта охватит и их самих». Духовный лидер Ирана, заметив, что сионистский режим представляет собой постоянный источник угрозы в регионе и тем не менее всячески поддерживается Соединенными Штатами, отметил, что узурпаторский режим Израиля, обладая в своем арсенале всеми видами оружия массового поражения, остается очагом постоянной угрозы в регионе. По словам аятоллы Хаменеи, «регион нуждается в коллективной безопасности, а эта цель может быть достигнута только путем введения реального моратория на все виды ОМП». В свою очередь, король Омана султан Кабус бен Саид на этой встрече, выразив удовлетворенность своим визитом в Иран и развитием культурно-исторических отношений двух стран, заметил, что имел конструктивные переговоры с президентом ИРИ в плане расширения экономических, энергетических и транзитных отношений.

Советник духовного лидера по международным вопросам сказал, что Запад должен использовать предоставившуюся возможность для достижения договоренности с Ираном в ядерной области.

Али Акбар Велаяти в интервью агентству Ассошиэйтед-пресс, назвав приход к власти Хасана Роухани подходящей возможностью для оценки искренности западных стран, заметил, что Тегеран, в свою очередь, готов пойти навстречу Западу. Что касается проведения прямых переговоров с США, Велаяти считает их невозможными до тех пор, пока Вашингтон не откажется от враждебной политики и не прекратит давление на Тегеран. Отвергнув вероятность вторичного прекращения обогащения урана, Велаяти напомнил, что прежний шаг Тегерана с целью создать доверия оказался безрезультатным. Указав на продолжение поддержки Ираном Сирии, он заверил, что сирийский режим останется у власти и Тегеран поможет ему защитить свои права, единство и территориальную целостность.

Министр нефти Ирана подчеркнул необходимость создания новой атмосферы развития нефтегазового сотрудничества с зарубежными фирмами.

Бижан Намдар Зангене в своем первом участии в заседании дирекции Национальной нефтяной компании Ирана, касаясь потенциалов и преимуществ капиталовложения в нефтегазовую промышленность Ирана, заметил, что необходимо за счет корректировки процессов создать почву для роста капиталовложения и увеличения объемов производства нефти и газа и сотрудниче-

ства с иностранными компаниями. Министр нефти Ирана подчеркнул также важность взаимодействия и переговоров со странами-экспортерами нефти (ОПЕК) по обеспечению взаимных интересов и восстановлению стабильности мировых рынков «черного золота». Он добавил, что нефтяная промышленность задействуют все имеющиеся потенциалы, опыт руководства и специалистов, чтобы реализовать намеченные цели, в частности довести уровень добычи нефти в Иране до 4 миллионов баррелей в день.

Замкомандующего ВВС армии Ирана по вопросам координации сообщил о разработке новейшего истребителя при участии организации авиационной промышленности минобороны.

Азиз Насир-заде в среду, заметив, что многие виды военной техники, в том числе истребители «Саика», в стране поставлены на массовое производство, добавил, что с разработкой нового истребителя страна больше не будет нуждаться в закупке этих боевых машин, в том числе в учебных целях. По его словам, ВВС армии Ирана первыми начали «джихад за самообеспеченность» и много достигли в этой области, в том числе полностью разработали инфраструктуру строительства запчастей. Замкомандующего ВВС армии Ирана сообщил также о разработке «умных» боеприпасов, в том числе самонаводящихся бомб и ракет.

Министр иностранных дел ИРИ подчеркнул необходимость официального признания права иранского народа на мирный атом.

Мухаммад Джавад Зариф в среду в кулуарах второго заседания кабинета министров сказал журналистам: «Западу, и прежде всего противной стороне на ядерных переговорах «Шестерки» с Ираном, следует официально признать права иранского народа и мирный характер ядерной деятельности Ирана». Зариф, заметив, что в ходе недавнего разговора с главой внешнеполитического ведомства ЕС Кэтрин Эштон она выразила желание продолжить переговоры, добавил: «Если у противной стороны появится политическая воля и искренность, выработать адекватное решение ядерного вопроса будет не трудно». Глава МИД Ирана, выразив беспокойство по поводу распространения сектантства в регионе и развитием событий в Сирии, отметил: «ИРИ считает любое внешнее вмешательство, ведущее к братоубийству, неприемлемым». Министр иностранных дел Ирана сообщил о возможном участии президента Хасана Роухани на сессии Шанхайской организации сотрудничества в Киргизии. По его словам, в рамках встречи в Бишкеке пройдут двусторонние переговоры с участниками форума, в том числе президентом РФ Владимиром Путиным.

Президент ИРИ заявил, что идеалом имама Хомейни (Да упокоит Аллах его душу) было величие и всестороннее развитие страны, внедрение народовластия, распространение возвышенных исламских и гуманных ценностей, а также нравственных добродетелей.

Выступая в субботу на церемонии подтверждения приверженности правительства к идеалам имама Хомейни (Да упокоит Аллах его душу), проведенной в храме основоположника ИРИ, Хасан Роухани заявил, что «сегодня, рядом с возвышенной душой имама Хомейни, правительство подтверждает приверженность союзу государства с народом. По его словам, несмотря на существующие проблемы, правительство надеется на их решение при поддержке народа и лидера революции. Выразив глубокое сожаление по поводу ситуации в регионе, президент Ирана заявил, что сегодняшние условия в Сирии и мученическая гибель невинных людей в результате химической атаки вызывает глубокую

печаль. Категорически осудив применение химоружия, Роухани отметил, что правительство Ирана, одного из главных жертв химического оружия, заверяет мировое сообщество в том, что предпримет всевозможные усилия по пресечению применения этого оружия во всем мире. Президент ИРИ осудил, в частности, подрыв безопасности, теракты и воздушные операции сионистского режима против Ливана. По его словам, ливанские события свидетельствуют о том, что враги придумали масштабный заговор для Ближнего Востока, признаки которого уже наблюдаются в Ливане, Сирии и Египте. Констатировав тот факт, что нестабильность в регионе, непременно, принесет только ущерб всем мусульманам региона и выгодна только сионистскому режиму, Роухани выразил надежду, что под сенью бдительности народов и государств Ближнего Востока, скоро в регионе восстановится стабильность и спокойствие.

Член комиссии по национальной безопасности и внешней политике исламского меджлиса Ирана заявил, что ИРИ всегда выступает за «мир без оружия массового поражения, в целом, и ядерного, в частности».

Мухаммад Хасан Асафари, указав на то, что ИРИ не добивается разработки химического или ядерного оружия, добавил: «Главным оборонным потенциалом Ирана является сам иранский народ». «В современном мире такие факторы, как ядерное оружие, больше не актуальны, а считаются угрозой для исходного государства, — заключил депутат исламского меджлиса.

Посол ИРИ в РФ сделал акцент на отстаивании иранским народом своего права на разработку мирного атома.

Махмуд Реза Саджади в интервью агентству «Интерфакс», подчеркнул, что Иран ни на шаг не отступит от своих законных прав и собственных принципов по ядерному вопросу на переговорах с группой 5+1. «Как в прошлом, продвижение процесса переговоров по ядерной программе Ирана полностью зависит от проявления доброй воли Западом», — уточнил Саджади. Напомним, два последних тура переговоров ИРИ и «Шестерки» состоялись в городе Алма-Аты, бывшей столице Казахстана. Иранская делегация на переговорах отстаивала право Тегерана на разработку цикла обогащения урана. Некоторые круги в РФ на днях высказали предположение, что новый тур переговоров Ирана и «Шестерки» может состояться в сентябре 2013 г.

Министр иностранных дел ИРИ подчеркнул решимость Тегерана всесторонне сотрудничать с ООН по интересующим обе стороны вопросам.

Мухаммад Джавад Зариф на встрече с заместителем генсека ООН по политическим вопросам Джеффри Фельтманом в Тегеране, сформулировав принципиальные позиции ИРИ, акцентировал ее активную и конструктивную роль в разрешении региональных проблем, в том числе в Ираке и Афганистане. Зариф добавил: «Иран задействует все свои потенциалы для сохранения и укрепления мира, стабильности и безопасности в регионе». Глава МИД Ирана, выразив озабоченность ходом событий в регионе, в частности эскалацией насилия и ростом экстремизма, заметил: «Экстремизм не останется ограниченным в пределах Ближнего Востока, и его последствия захлестнут другие районы мира, в том числе и страны Запада». По его словам, единственным путем урегулирования сирийского кризиса остается политический процесс, и Иран в этом плане готов всячески взаимодействовать с ООН. В свою очередь, замгенсека ООН Джеффри Фельтман, акцентировав необходимость политического урегулирования в Сирии, выразил поддержку ООН участию всех ключевых государств в процессе мирного разрешения сирийской проблемы.

Удары по Сирии разрушат договоренности с Ираном, уверен эксперт

Обострение ситуации в Сирии произошло 21 августа, когда ряд СМИ сообщил о масштабном применении войсками правительства химического оружия в окрестностях Дамаска. После этой неподтвержденной информации на Западе открыто заговорили о возможном военном вмешательстве в сирийский конфликт.

О международных договоренностях по иранской ядерной программе в случае нанесения военных ударов по Сирии со стороны Запада можно будет забыть, однако Иран не начнет разрабатывать ядерное оружие в ближайшее время, считает эксперт ПИР-центра Андрей Баклицкий.

Иран является союзником президента Сирии Башара Асада в ходе сирийского конфликта. очередное обострение ситуации в Сирии произошло 21 августа, когда ряд СМИ сообщил о масштабном применении войсками правительства химического оружия в окрестностях Дамаска. После этой неподтвержденной информации на Западе открыто заговорили о возможном военном вмешательстве в сирийский конфликт.

Можно будет забыть о переговорах «шестерки»

«В последнее время ситуация вокруг иранской ядерной проблемы приняла позитивное направление... Все ждали, что сейчас начнутся новые переговоры по иранской ядерной программе. Но с возникновением сирийского вопроса все снова осложняется», — описывает текущую ситуацию вокруг ближневосточного конфликта Баклицкий.

Он ожидает, что возможные удары по Сирии со стороны Запада «будут восприниматься, в первую очередь, исламским миром, тем же Ираном, не как применение оружия массового уничтожения, а как действие против их союзников, против их соседей». В этом случае «о перспективах выхода на какие-либо договоренности (с Ираном), об этом окне возможностей, можно будет забыть на какое-то время», — считает эксперт.

В апреле 2013 года переговоры «шестерки» (Иран, Россия, США, Китай, Франция, Великобритания) по иранской ядерной программе прошли в Алма-Ате, однако сторонам не удалось тогда достичь взаимопонимания по многим вопросам. Иран в июне подтвердил готовность принять участие в полноформатной встрече «шестерки», как только она будет согласована.

Бомбы не будет

«Иран создает у себя технические возможности, которые в случае, если будет принято политическое решение, могут быть теоретически направлены на создание ядерного оружия», — отмечает особенности ядерной программы Тегерана Баклицкий.

Однако эксперт не исключает, что если Запад нанесет военные удары по Сирии, то «Иран ускорит свои действия в этом направлении, чтобы приблизить ту черту, на которой он может в любой момент, приняв решение, начать разрабатывать ядерное оружие».

Тем не менее, по мнению Баклицкого, это не означает, что Иран начнет изготовление ядерного оружия и будет угрожать его применением.

«На протяжении всей своей истории Иран заявлял, что не планирует делать ядерную бомбу, что он выступает только за мирное использование ядерной энергетики. Он не отойдет от этого принципа в ближайшее время», — уверен эксперт.

Иран окажется в неудобном положении

В ближайшее время Иран, по мнению Баклицкого, может оказаться в «неудобном положении» из-за другого оружия массового поражения — химического.

«Все осложняется еще и тем фактом, что Иран всегда выступал и будет выступать против химического оружия и его использования..., поскольку Иран в свое время сам был жертвой химического оружия со стороны Ирака. И если будет доказано, что, действительно, войсками Башара Асада было применено химическое оружие, то тогда Иран окажется в очень неудобном положении», — считает эксперт.

«Другое дело, что никаких неопровержимых доказательств, что именно Асад применил химическое оружие, не будет, и тогда ситуация остается в таком неопределенном поле», — отметил Баклицкий.

Игорь Панкратенко

Войны не будет: хаоса испугались все

Первый вероятный срок нанесения удара по Дамаску, в ночь с 29 на 30 августа, о котором говорили «надежные источники» миновал. Медиа-истерия в отношении химической атаки 21 августа принимает более сглаженные формы, западная пресса снижает число погибших с полутора тысяч до трехсот пятидесяти и, думаю, что это не предел. Союзники США по НАТО

отказываются от участия в «гуманитарной интервенции». Арабские монархии, вложившие в свержение Асада сотни миллионов, замерли в ожидании того, что решит Вашингтон, но делать первый шаг отказываются напрочь. Словом, судя по всему, повторения «иракского сценария» не произойдет. Если на выходных «ястребы» в Вашингтоне не уломают Обаму на точечные удары, то перед нами будет повторение «Ормузского кризиса» декабря 2011 — угрозы, истерика, движения флотов, но удар по Ирану так и не состоялся.

Причин такой противоречивой реакции Запада на «ужасающее преступление режима против сирийского народа» как минимум три. Во-первых, даже законченным ненавистникам Асада ясно, что налицо откровенная провокация. Спустя несколько месяцев, а может и раньше, станут известны детали того, как радикальная сирийская оппозиция при помощи Саудовской Аравии ее осуществила. За весь период кризиса в Сирии Башар Асад допустил минимальное количество политических ошибок, что, собственно, и принесло ему победу над оппозицией, во всяком случае, над вооруженной ее частью. И сейчас международному сообществу предлагается поверить, что накануне победы, достигнутой, кстати, без всякой «химии», он решил «перейти красную черту», дать повод для иностранного вмешательства? При работающих в стране экспертах ООН, расследующих аналогичные события в пригороде Алеппо 19 марта?

Во-вторых, всем ясно, что эта провокация, делающая те же США заложником собственных предупреждений о «красной линии», выгодна только и исключительно оппозиции, стремившейся сорвать российско-американскую встречу по сирийскому вопросу и подготовке «Женевы-2», намеченную на 28 августа. Таким образом, Западу предлагается воевать за интересы «сирийской оппозиции». Но как таковой единой сирийской оппозиции не существует в природе, верх в ней берут исламистские радикалы, «Аль-Каида» и прочие «ан-Нусры». С какой стати Западу воевать за интересы не пойми кого? В Ливии уже «навоевали»...

И, наконец, в-третьих. Что бы там не говорилось, но в Вашингтоне, в европейских столицах, в самом регионе прекрасно отдают отчет, что «война в Сирии»

станет настоящей геополитической катастрофой, негативные последствия которой будут даже сильнее последствий вторжения в Ирак и последовавшего за ним разрушения все ближневосточной системы сдержек и противовесов.

Британский «индикатор» и трещины единого фронта

Факт понимания катастрофичности большой войны в Сирии прекрасно демонстрирует голосование в британском парламенте. 24 августа был обнародован доклад спецслужб Великобритании о произошедшей химической атаке. Ответственность за нее составители доклада, основываясь на видео из интернета, «разведанных и сведений из дополнительных источников» возлагают, кто бы сомневался, на сирийский режим. Правительство быстро подготовило резолюцию о «необходимости жестко отреагировать на гуманитарный кризис в Сирии», что предполагало в дальнейшем активное участие Британии в «гуманитарной интервенции». Но, что стало неприятным сюрпризом и для Кэмерона, и для Обамы, единодушного анти-асадовского решения в британском парламенте не состоялось. Против правительственной инициативы выступили 285 депутатов, в то время как за нее — 272. Стало ясно, что нагнетание медиаистерии, подкрепленное «данными разведки» не сработало. «Мне ясно, что британский парламент и британский народ не хотят военных действий (в Сирии), я буду действовать согласно принятому решению», — констатировал британский премьер.

Аналогичная ситуация произошла и с Германией, которая даже на парламентские слушания вопрос не вынесла. В состоявшемся вчера телефонном разговоре Меркель с Обамой, стороны «согласились с тем, что применение химического оружия является серьезным нарушением международных норм, и пообещали продолжать тесные консультации по поводу возможного ответа международному сообществу». В переводе с дипломатического языка на человеческий это означает, что Германия категорически отказалась участвовать в каких-либо силовых акциях против Дамаска. Примерно те же слова Обама услышал и от других союзников по НАТО. Хорошо информированный источник в штаб-квартире этой организации сообщил, что «стран, уже отказавшихся со всей определенностью от любых форм участия в боевых действиях в Сирии без санкции СБ ООН, на самом деле гораздо больше, чем одна Великобритания. Речь идет как минимум о дюжине государств». Антиасадовская коалиция НАТО, еще вчера столь монолитная и несокрушимая, дала трещину.

Обама у красной черты

Трещина в отношении применения военной силы против Дамаска легла не только между Европой и США, но и между политическими элитами Вашингтона. Американские «ястребы», израильское и саудовское лобби в США ожесточенно критиковали нынешнего президента и его команду за «нерешительность» в сирийском вопросе. Сам Обама максимально затягивал принятие решения о какой-либо силовой акции в Сирии, в том числе — и вопрос о поставке оружия оппозиции. В этом его последовательно поддерживало и командование вооруженных сил США, выступающее после Афганистана и Ирака против «новой войны на Востоке», и разведывательное сообщество, которое предпочитает делать ставку на «дроновые войны», точечные ликвидации и организацию переворотов. И Обама, и его команда отдают себе отчет, что прямая

агрессия в Сирию — это игра с непредсказуемым результатом. Речь не идет о возможности военной победы, речь идет о том, что последствия такой победы могут оказаться катастрофическими для США и в экономическом, и во внешнеполитическом и в стратегическом плане.

Если говорить об экономике, то время, когда Америка богатели за счет продажи своей техники и вооружений воюющим сторонам безвозвратно ушло. Запретельная дороговизна современных сверхсложных вооружений и максимальная дешевизна терроризма, как ответа на американскую агрессию, делает еще одну военную акцию на Ближнем Востоке совершенно убыточной для США, непосильной для американской экономики. Результатом свержения Асада, если таковое произойдет, будет и крах созданной и тщательно оберегаемой Соединенными Штатами системы кэмп-дэвидских соглашений. А это неизбежно будет означать и возникновение смертельной угрозы безопасности Израиля, обеспечение которой является одним из стратегических приоритетов США в регионе. Интересно, что в отношении к вооруженным операциям против Ирана и Сирии Белый дом думает о безопасности Израиля больше, чем нынешние «ястребы» из Тель-Авива.

Ну и, пожалуй, одно из главных последствий. Атака на Сирию перечеркнет возможность диалога с Тегераном, к которому сегодня так стремится Вашингтон. Пожалуй, эта «красная черта» для нынешней администрации является гораздо более важной и значимой, чем исход внутрисирийского конфликта. Все это время Белый дом придерживался наиболее оптимальной для себя стратегии — поддерживать антиасадовские силы угрозой применения силы против Дамаска, воздействовать этой угрозой на Асада, при помощи этой угрозы продавливать более выигрышные позиции сирийской оппозиции на международных конференциях и внутрисирийских переговорах. Существовал некий баланс угроз и возможностей диалога. Война обрушит этот баланс, приведя регион к хаосу.

Разрушительные изменения: последствия агрессии для региона и мира

Главное, что отчетливо понимает весь мир — то, что после прямого американского вмешательства Сирии уже не будет. Лидерство в антиасадовской оппозиции не у «Свободной армии Сирии», как на это рассчитывал Вашингтон, а у «международных джихадистов», «Аль-Каиды», «ан-Нусры», групп наемников, стянувшихся в Сирию буквально со всего мира. Управлять этим конгломератом банд невозможно, случись победа — они перегрызутся между собой, заливая Сирию кровью, превращая ее и соседний Ливан в «ближневосточное Сомали».

Но метастазы пойдут дальше, агрессия «джихадистов» выплеснется за границы Леванта и пойдет на весь регион, провоцируя исламских радикалов по всему миру, давая им опорную «тыловую» базу терроризма, которая возникнет на руинах Дамаска. Следующей целью станет Ирак, Израиль, Египет, Иран. А дальше — Кавказ, Центральная Азия и Синцзян-Уйгурский автономный округ Китая. Кровавая метель окружит всех, и союзников, и противников Вашингтона.

Сейчас США поставляют оружие и амуницию сирийским повстанцам. Это означает, что оружие получает «Аль-Каида». Сейчас Саудовская Аравия финансирует «Фронт ан-Нусра». Это означает, что деньги идут исламистским радикалам, которые разожгут на них «всемирный джихад» в регионе, в США, в Европе и остальной Азии. Понимание опасности хаоса, который возникнет

после прямого вмешательства США в сирийский кризис, понимание угроз, которые возникнут после падения Асада и прихода к власти воинствующих исламистов, становится международным.

Против войны в Сирии жестко выступил Египет. Соседний Ирак тоже определился со своей позицией — премьер Малики высказался предельно категорично против использования своего воздушного пространства для проведения атак на Сирию. Аравийские монархии, главные спонсоры сирийской оппозиции, молчат, потому как и до них дошло, что интервенция против Сирии вызовет волну возмущения в арабском мире, а выигрыш и усиление Израиля по итогам этой интервенции станет таким обвинением монархам, от которого они и не откупятся раздачей денег населению, и не отмоются в глазах мусульманской уммы.

Диалог Москва-Тегеран и сирийский кризис

Откровенное нежелание международной общественности поддержать прямую американскую агрессию против Сирии убедительно показало, что избранная Москвой стратегическая линия на поддержку Асада была верной. Кроме того, пусть и не оформленная, но сформировалась международная коалиция в поддержку нынешнего режима в Дамаске, своеобразная ось Москва-Тегеран-Пекин, и наличие этой оси служит серьезным сдерживающим фактором для другой коалиции, антиасадовской, в состав которой первоначально входили США, Великобритания, Франция, Турция, Саудовская Аравия, Израиль и Катар.

Падение Асада будет означать окончательный уход России с Ближнего Востока, окончательную утрату Москвой статуса одного из ведущих международных игроков. Именно поэтому в сирийском вопросе Путин вел себя столь последовательно, а заявления Лаврова, которые можно было трактовать двусмысленно, относились скорее к привычной практике зондажа позиций оппонентов, нежели отражали колебания Кремля — «сдавать или не сдавать». Кроме того, 20 000 российских граждан в Сирии — более чем весомый аргумент для защиты стабильности в этой стране и отправке туда военно-морских сил.

Сейчас для Москвы наступил момент истины. Британский проект резолюции в Совете Безопасности Россией и Китаем уже провален, шансы его принятия после «доработки» равны нулю. России даже не нужно сейчас делать резких заявлений — каждый час промедления играет на Асада и против «ястребов» в США, ставя впервые за столько лет Вашингтон перед угрозой международного осуждения. Необходимость выдержки понимают и в Пекине, ориентируясь на позицию Москвы. Ни Китай, ни Россия не готовы сегодня к прямой конфронтации с США, однако обе страны обладают возможностью асимметричными действиями причинить Вашингтону массу неприятностей в самых различных сферах. Для нового иранского президента нынешняя ситуация может послужить прекрасным предлогом для начала качественно нового диалога с Москвой. Сирийская тема, где взаимодействие наших стран прошло испытание внешнеполитическим давлением оппонентов, вполне может стать прологом стратегического партнерства и в других проблемных точках, на всем пространстве от Каспия до Афганистана.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

